

ИМЕЕТСЯ
МИК. ФИЛЬМ

У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ .

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е
И З Д А Н І Е .

Ч А С Т Ъ І Х .

С ъ М а я по С ен т я в р ь М ѣ с я ц ъ .

В Ъ М О С К В Ъ ,
В ъ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф и и ,
у Н . Н о в и к о в а , 1 7 8 0 г о д а .

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Ушренній Свѣтъ Ежемѣсячное Изданіе, Часть IX. и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Краснорѣчійя Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

спран.

I. На вопросъ можешъ ли быть кто лицемъромъ не зная объ себѣ, что онъ шаковъ. - - -	1
II. Повѣсть о Геркулесѣ, или, путь къ благополучной жизни изъ Ксе- нофонша. - - -	13
III. О мудрости древнихъ изъ Бакона. Предувѣдомленіе. - -	20
IV. Касандра или Паррезія. -	28
V. Тифонъ или бунтовщикъ. -	30
VI. Цыклопы или слуги страха. -	33
VII. Панъ или природа. - -	34
VIII. Орфей или Философія. - -	46
IX. Небо или начало. - - -	51
X. Прошей или Машерія. - -	54
XI.	

XI. Мемнонъ или Скоропоспихный.	-	57
XII. Тифонъ или Сапія.	-	58
XIII. Женихъ Юноны или неприспоспособность.	-	59
XIV. Купидонъ или несѣкомое.	-	60
XV. Діомидъ или ревность.	.	65
XVI. Ерихпоній или обманъ.	-	69
XVII. Деукаліонъ или воспавленіе.	-	70
XVIII. Немезисъ или превращность вещей.	-	71
XIX. Ахелой или сраженіе.	-	75
XX. Діонисъ или похопливость.	.	76
XXI. Апаланша или прибыль.	-	82
XXII. Изъ Орфея Гимнъ о Богѣ.	-	84
XXIII. Письмо отъ Членовъ семинаріи Педагогической, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ къ Издашелямъ Упреняго Свѣща.	-	85

У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ.

І.

Н А В О П Р О С Ъ.

*Можетъ ли быть кто лицемѣромъ не
зная объ себѣ, что онъ такоу.*

Такъ, сіе быть можетъ! Сколь пропировѣчивымъ иному покажется сей отвѣтъ, столь напрошивъ того я о справедливости онаго увѣренъ и ласкаю себя, что весь человѣческій родъ объ ономъ увѣрять могу, и сіе послужить можетъ къ его нравственному благу.

Каждая страсть имѣетъ собственно ей принадлежащія обманчивости самой себя, которыхъ, какъ думаю, находится два рода.

Во первыхъ ослѣплѣнный будучи страстію, думаю я, только согласуясь со оною; изъ чего происходитъ, что мои разсужденія,

заключенія, умспвованія и чувспвованія
 сущь обманы. На примѣрѣ, *Иванъ* почитаетъ
 Авдошю за изящной души дѣвицу; по
 чему? Красота ея тѣла его обворожила:
 малозначущія слова кажутся ему прили-
 чными, попому, что онѣ происходятъ
 изъ ея прекрасныхъ устъ; голубый небесно-
 му цвѣту подобный лучъ ея глазъ кажет-
 ся ему происходящимъ отъ кропкой и
 чувспвительной души. Заключеніе изъ на-
 ружной красоты о внутренней ему столь
 свойственно, сколько другимъ разсужденіе
 по великому сложенію тѣла о великости
 духа Александра. Иванъ обманывается.
 Но лицемѣрѣ ли онѣ? Нѣтъ; слабыя ея
 выраженія болѣе для него, нежели Геоме-
 трическія доказательства; и тѣ увѣренія,
 которыя онѣ о своей любезной дѣлаетъ,
 столь ложны, сколь изъ сильнѣйшихъ про-
 исходятъ чувспвованій. Она обѣщается
 ему вѣчною любовію. Да и сама думаетъ,
 что происходящее движеніе вѣ ея сердцѣ
 есть любовь. Но если бы она оное без-
 пристрастно разсмотрѣла, то бы не иное
 что нашла, какъ любовь къ его богатству.
 И такъ обманываетъ сама себя и его, и
 слѣдственно не лицемѣрка ли она, хотя
 сама о томъ и не знаетъ.

Оба обманываются; сѣпѣмъ только раз-
 личіемъ, что онѣ чувствуетъ то, что гово-
 ритъ, а она онаго не имѣетъ. Первое назо-
 ву я обманчивымъ умспвованіемъ наша
 стра-

страсти; другое же лицемѣрствомъ. Ибо по общему употребленію сего слова того называю я лицемѣромъ, который иначе говоритъ и поступаетъ, нежели думаетъ или чувствуетъ, чтобы чрезъ то другихъ въ разсмаприваніи его свойствъ обмануть. Можно ли же сіе учинить безъ намѣренія? Сіе есть то самое, которое я подтверждаю и изъяснить намѣренъ.

Сей родъ лицемѣрства не отъ однихъ только происходитъ спраспей: но его различныя дѣйствія могутъ быть выведены изъ многихъ источниковъ.

Одинъ изъ нихъ есть обыкновеніе. Представь себѣ общество вѣрнопраховъ. Преданность, учтивство, дружество, человеколюбіе, кажется будто въ нихъ обитаетъ. Вообрази себѣ между ими деревенскаго жителя, онъ будетъ находиться въ изумленіи видя ихъ учтивость; онъ стыдился будетъ своего невѣжества. Тутъ представляютъ ему свои услуги и обѣщаютъ всякія помощи. Онъ отходитъ отъ нихъ наполненъ радости, и благодаритъ Бога, что еще находятяся такіе добрые люди; послѣ сего случаются ему такія обстоятельства, въ которыхъ имѣетъ въ помощи ихъ нужду; онъ увѣдомляетъ о семъ одного и получаетъ отъ него искусный отказъ съ учтивыми извиненіями и пожиманіями плѣчей: а какъ скоро изъ виду онъ вышелъ, то бываетъ осмѣянъ сими

словами. Добродушный человекъ! — Какъ могъ онъ быть столько простъ, что только слова за правду могъ почестъ. Однако сіи шалуны сами себѣ кажутся хорошими и оцѣняющъ свои сердца по своимъ учтивостямъ и ложнымъ обѣщаніямъ дружбы. Они почитаютъ себя за добрыхъ людей для того, что вѣжливы: они думаютъ, что ихъ ласкательныя слова происходятъ отъ чувствительности, а ихъ пріятной видъ отъ дѣйствія доброй души.

Житель въ непросвѣщенныхъ краяхъ не знаетъ еще нужды припворяться; равнымъ образомъ страхъ и надежда отъ него опдалены; сограждане его почти равны ему силою, имѣніемъ и значностію; на конецъ роскошь вступаетъ на мѣсто простоты; удовольствія и праздность умножаются, люди соединяются песнѣ въ общества. Неравенство состоянія производитъ необходимость желанія, чтобъ нравиться; намѣренія и страсти бывающъ закрываемы; усиливаютсяжъ пріятныя слова, обѣщанія и униженія и на конецъ бывающъ правиломъ. Дѣти научающъ сему отъ своихъ прародителей, безъ всякаго при семъ примѣчанія. На конецъ припворство сдѣлается какъ бы врожденнымъ, и уже намъ будетъ неизвѣстно, что мы припворяемся и тогда на конецъ приходитъ то время, когда непросвѣщенный дѣлается уди-
ви-

випельнымъ чрезъ то, что могъ почестъ слова только наши за нѣчто значущее.

И такъ сполько же много обманывается попъ, который почитаетъ изъ грубости выведенный народъ для одного только въ немъ находящагося обхожденія болѣе исправленнымъ въ должности человека, какъ и попъ, который изъ великолѣпныхъ храмовъ и искусно отправляемыхъ божественныхъ службъ какой нибудь страны заключаетъ о вѣрѣ содержащейся въ сердцахъ. Обхожденіе въ отношеніи гражданского состоянія сполькожъ много принуждаетъ имъ быть лицемѣрами, сколько въ отношеніи вѣры. И въ обоихъ находятся пустыя слова. Каждый день въ опредѣленное время простолудинъ воспѣваетъ имя божіе въ своемъ молитвенникѣ, которой ему отъ праотцевъ его дошелъ по наслѣдству, и оное дѣлаетъ безъ всякихъ о томъ мыслей, такъ, какъ часы выигрываютъ свои шуки. Онъ читаетъ изъ слова Божія исторію о Сампсонѣ и нашедъ въ оной, что Сампсонъ изъ челюстей льва извлекъ медъ, текутъ у него слюны изо рта и тогда чувствуетъ онъ силу Божескаго духа, который ему приготовилъ еще не извѣстную пріятность; а человекъ имѣющій дарованіе различать духовъ, за сіе приноситъ благодарность Богу; чувствительная монахиня поетъ продолговатымъ и тихимъ голосомъ имъ прили-

чные стихи, думаетъ, что оныя понимаетъ и почитаетъ себя наполненною святыми чувствами.

Въ иномъ мѣстѣ находится человекъ съ бородою, и какъ бы медвежьею кожею покрытый опоясанъ веревками. Онъ общается Богу чистосердечно отречься отъ самого себя и все служащее къ его чести дѣлать, и думать о свѣтѣ семъ такъ, какъ будто бы не имѣлъ онъ въ немъ нужды. Послѣ того случится ему быть въ такомъ обществѣ, гдѣ сомнѣваются въ томъ, что основатель его ордена носилъ Капуцинскую со шпиромъ шапку, тогда онъ приходитъ прошивъ ихъ въ бѣшенство и считаетъ всѣхъ имѣющихъ сіи мысли безбожниками.

Тамъ сидитъ человекъ изъ секты святого Б. . . . при весьма изобильномъ столѣ отъ благословенія Божія и постовъ великое брюхо имѣющій, и изрыгаетъ проклятіе прошивъ людей поступающихъ по своимъ чувствамъ за то, что они не умерщвляютъ своего плѣа и наедаются единственно изъ сластолюбія. А онъ ѣстъ какъ и всѣ Адамова поколенія для того, что имѣетъ ротъ и силу варенія въ желудкѣ, а говоритъ такъ для того, что сего пребуетъ достоинство его состоянія, и онъ не чувствуетъ противорѣчія въ семъ поступкѣ.

Здѣсь кричитъ нѣкто изъ всей силы съ возвышеннаго мѣста; вся его рѣчь наполнена восхищеніемъ; онъ бросаетъ свои руки по вѣ шу по вѣ другую сторону. Изумленный народъ смотрѣлъ на него не подвижно. Онъ проклинаятъ злой свѣтъ, лезаетъ по облакамъ, желаетъ чѣтобъ душа его оставила тѣло и чѣтобъ соединиться со Христомъ. Когда же окончитъ рѣчь; сколь холоднымъ сдѣлается онъ вдругъ, сколь равнодушнымъ и сколь совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Но не опорочимъ его и оставимъ вѣ его спокойныхъ удовольствіяхъ. Чѣмъ онъ виноватъ, что Гопическое обыкновеніе отъ хладнокровнаго человѣка, отъ безпристрастной души жаркаго восхищенія пребуемъ.

Люди, которые болѣе склонны другихъ хулить тамъ изыскивали всегда хитрое притворство, гдѣ я во всѣхъ видахъ нахожу только невинное лицемѣрство: и естли бы я былъ божество; то бы, по пеперешнему моему къ человѣческому роду благосклонному воображенію, планета наша показалась мнѣ смѣшнымъ позорищемъ.

Обхожденіе не менѣе дѣйствуетъ вѣ нашихъ разсужденіяхъ и дѣлаетъ насъ лицемѣрами во вкусѣ. Нѣкоторому человѣку читалъ я одно мѣсто изъ Цицерона, и когда уже почти хотѣлъ окончить, то услышалъ сіи слова: ахъ

какъ прекрасно, онъ самъ въ себѣ ничего не чувствовалъ, но сказалъ сіе по тому, что слышалъ о Грекахъ и Римлянахъ что они были хорошіе писатели. Вскорѣ послѣ того прочиталъ я ему нѣчто изъ сочиненія Григорія Туронейскаго, тогда онъ вскричалъ: вить это Тацитъ, не угадалъ ли я? Конечно, видно что вы его знаете! отвѣтствовалъ я, и я имѣлъ удовольствіе слышать похвалу прочтеннаго мѣста.

Разсужденіями другихъ произведенное въ безмозглыхъ головахъ впечатленіе и уваженіе оныхъ подобныя сему производятъ дѣйствія, какъ ежедневный опытъ доказываетъ. Нѣкто изъ сочинителей журнала порочитъ книгу, копорая народу своему честь дѣлаетъ; тотъ часъ раздражаютъ ему великое множество чинапелей, копорые самага сичиненія никогда не читали и можетъ быть читать не могутъ. Еслии такой ученой вершопрахъ находится въ какомъ нибудь обществѣ, въ копоромъ зайдетъ разсужденіе о какой книгѣ или о какомъ учрежденіи, то онъ дожидается пока ученѣйшій выговоритъ слово и тотчасъ послѣ того онъ выступаетъ, опорочиваетъ оное или похваляетъ по примѣру своего руководителя; а еслии въ другомъ обществѣ иначе о томъ разсуждать будутъ, то онъ не противорѣчитъ. Когда же онъ находится

ся между равными себѣ или меньшими; тогда онѣ говоритѣ величаво, разсуждаетѣ скоро, дѣлаетѣ предложенія точно такія, о которыхъ онѣ читалѣ или слышалѣ и принимаетѣ на себя видѣ какѣ будто бы оное самѣ выдумалѣ. И сіе ему споль сродно, что онѣ могѣ бы удивиться, когда бы кто его самому ему вѣ видѣ лицемѣра представилѣ.

Корысть и спраспи заставляютѣ насѣ лицемѣрять, и мы сами того вѣ себѣ не примѣчаемѣ.

Можно бытъ услужливымѣ и обходительнымѣ, хотя сердце вѣ томѣ участія и не имѣетѣ. Тотѣ другѣ, кѣ которому мы чувствуемѣ склонность, намѣ полезенѣ и вѣ семѣ видѣ пріятепѣ. Сіе пріятное чувствованіе подобное тому, которое получаемѣ видя полезную машину, почитаютѣ за чувствованіе безкорыстной любви: и изѣ сего обмана самихѣ себя выводитѣ насѣ потѣ только случай, когда корысть исчезнетѣ.

Дѣпи имѣютѣ часто врожденную скромность и ввѣряютѣ свои тайны только тѣмѣ, о которыхъ предвидятѣ, что препятствовать имѣ не могутѣ.

Между спраспиями же любовь есть наиболѣе способнѣйшая кѣ лицемѣрству. Бел. любитѣ Амар. и сія любовь ужѣ весьма вѣ ней умножилась; а по невинности ни себѣ ни своему любезному вѣ томѣ при-

знахся не хочеть, и для того сіе пламя любви называетъ она дружесствомъ.

Амарандъ огорченный отъ суровой Белинды, заклинаетъ себя, чтобы уже болѣе не стараться ее снискасть, чтобы ея удаляться и что бы память объ ней изпребить изъ своего сердца. Теперь ему случается выпитить за дѣломъ. Передъ нимъ находятся двѣ дороги, одна изъ сихъ ведетъ къ жилищу его суровой, и когда онъ глубокомысленно о семъ разсуждаетъ, то оборачивается съ оной, по томъ говоритъ онъ, нѣтъ я только пройду мимо ея дому, и не взгляну на окошко и пусть она думаетъ, что я довольно силъ имѣю позабыть ее. Онъ подходитъ ближе къ дому и приходитъ въ искушеніе взглянуть на окошко для того только, чтобы посмотреть не спойтъ ли она пухъ и не манитъ ли ему, но въ намѣреніи не войти; и между тѣмъ какъ взглядываетъ на окно, она его призываетъ и онъ, подумавъ что онъ дѣлаетъ, вошедъ туда клянется отъ всего сердца, что онъ ее всегда любилъ и любить будетъ. Ихъ возхищенія простираются столь далеко, что Белинда Амаранда допускаетъ дѣлать нѣкоторыя малыя доказательства любви, но при семъ поступаетъ она столь благоприсойно, что увѣряетъ себя и его будто бы онъ прошивъ ея воли такъ поступаетъ. По продолженіи нѣкотораго времени Белинда

въ

въ глазахъ у Амаранда будетъ въ числѣ обыкновенныхъ красавицъ. Въ сей своей холодности не смѣетъ онъ себѣ и ей признахся и увѣряетъ ее, что онъ болѣе ее любитъ, нежели прежде. Мо. и Ам. ругаютъ порокъ, который христіане для того не называютъ, чтобы не вспомнить соединеннаго со словами понятія. Къ сему пороку чувствуютъ они великую ненависть, а говорятъ объ немъ столь охотно, долго и часто, покаместъ умрутъ и въ обниманіяхъ своихъ не иное имѣютъ намѣреніе, какъ что бы искоренить изъ себя побужденія къ искушенію.

По моему мнѣнію, безсмертной славы достойныя сочиненія Англичанина Саихеца и его товарищей Испанцовъ сію же имѣютъ причину. Примирись самому съ собою, оставишь совѣсть свою спокойною, удовольствуй свою охоту, не давай воли своему воображенію и отъ бога надѣяйся награды естъ изящное дѣло; сверхъ сего еще отъ народа получишь честь, которой инымъ путемъ можетъ бы быть и недоспигнули.

Спрахъ производитъ, что разумъ и природное чувствованіе въ насъ говоритъ не осмѣливается, ежели и разумной чело-вѣкъ зараженъ будетъ суевѣрнымъ спрахомъ, то онъ вѣритъ, что два составляютъ одно, и ежели разумъ его находитъ гдѣ нибудь себѣ затрудненіе, то онъ

онъ говоритъ, что оное разуму непостижимо.

И такъ, обыкновеніе, впечатлѣнія, которыя уваженіемъ другихъ въ насъ производятся, корысть или однимъ словомъ страсти дѣлаютъ насъ лицемѣрами такъ, что мы онаго въ себѣ не примѣчаемъ. Обыкновеніе приводитъ въ ослабленіе чувствительныя наши жилы такъ, что мы на подобіе машины поступаемъ безъ всякаго примѣчанія нашихъ чувствованій; оно же мѣшаетъ намъ усмотрѣть нестройность нашихъ мыслей и поступокъ. Мы, по природному своему нераденію и безсилію въ изысканіи чего нибудь, довольствуемся ближайшими впечатлѣніями, которыя попадаются намъ; и оныя по гордости почитаемъ за собственные выдумки; а обыкши такъ поступать не можемъ примѣнить различія между собственными и чужими мыслями.

И такъ всему тому, что принадлежитъ до страстей и до корысти сіи обманчивости сродны. Мы отъ природы такъ расположены, что тогда только дѣлаемъ примѣчанія въ понятіяхъ и чувствованіяхъ нашихъ, когда оныя до самихъ насъ касаются. Я не стараюсь, доказывать сіе пространно по тому, что оное подтверждается опытомъ и при томъ изъяснено бытъ должно при воспитаніи и при всѣхъ наукахъ и знаніяхъ

ніяхъ , которыя предметомъ своимъ имѣютъ человѣческое сердце. Всѣ на сіе согласны кромѣ тѣхъ , которыя заражены пустымъ мнѣніемъ своевольства, которыя не премѣнно исполнить намѣреваются.

И такъ продолжительное и сильное чувствованіе или понятіе будетъ по степени слабѣе, темнѣе и смѣшеннѣе такъ , какъ и пропившаяся оному спрасъ болѣе или менѣе разпространяется Сія предметъ онаго понятія увеличиваетъ, возвышаетъ и всѣ пропивныя себѣ понятія заглушаетъ. Мы въ томъ не виноваты, когда мы такъ разположены, чтобы спрёмиться къ пріятному, а отъ непріятнаго такъ какъ отъ ужаснаго удаляться. По сему ужè не трудно себѣ представить какъ можно быть лицомъровъ, не имѣя о томъ свѣденія.

И такъ философы, разсматривайте подробно сложеніе человѣка и тогда его укоряйте.

Перепель съ Нѣмецкаго языка Императорскаго Московскаго Университета Семинаристъ Михайло Степановъ.

II.

ПОВѢСТЬ О ГЕРКУЛЕСѢ,

или, путь къ благополучной жизни изъ Ксенофонта

Повѣспивуетъ Продикъ, что Геркулесъ, когда оставилъ ребяческой свой возрастъ ,

вЪ которомЪ времени юноши сдѣлавшись свое-
властными показывающЪ свою склонность,
по добродѣтельному или порочному пу-
ти шествовать къ жизни, по удалясь во уе-
диненное мѣсто размышлялъ, которой бы
путь избрать. Тогда явились ему двѣ жен-
щины великаго росту идущія. Одна изъ
нихъ лицомъ прекрасна, величественна,
украшена природною бѣлизною шѣла, на
глазахъ ея изображался стыдъ, движенія ея
представляли скромность, а одежда была
бѣлая. Другая до чрезвычайности полста,
нѣжна и раскрашена дабы прекраснѣе приро-
днаго показаться. Съ отверстыми глазами
и уборомъ представляющимъ самое большое
украшеніе, она часто сама себя осматривала
и примѣчала, смотритъ ли на нея кто дру-
гой, а часто и на свою шѣнь оглядывалась.

Когда же приближались къ Геркулесу,
то та, о которой я на первомъ мѣстѣ
говорилъ, по прежнему шла. А другая
желая ее предускорить прибѣжала къ Гер-
кулесу и такъ вѣщала: Вижу я Геркулесъ!
что ты сомнѣваешься, которой путь къ жи-
зни избрать. Если ты меня другомъ
себѣ изберешь, то я тебя поведу по са-
мому пріятнѣйшему и удобнѣйшему пу-
ти. Ты все, что только есть пріятное
будешь имѣть; и будешь жить безъ вся-
кихъ заботъ.

Во первыхъ не будешь ты ни о сре-
женіяхъ ни о дѣлахъ стараться; но всег-
да

да будешъ смотрѣшь , чтобъ сыскать что нибудь нѣжное въ пищу и пиіи , чтобъ ты видя и слыша , пріятность и удовольствіе чувствовалъ , что бы ты обоняя и обращая въ рукахъ увеселялся , въ какихъ бы компаніяхъ съ любовницами весело время провождалъ и думалъ какъ бы спокойнѣе пріятный сонъ проводить , и наконецъ какъ все сіе получить безъ труда.

А естли иногда начнетъ показываться недостатокъ , и ты не будешъ знать какъ ему пособить . Не опасайся , я тебя не поведу по такому пути , что бы ты тѣломъ и душою сносилъ труды и досады , сіе получалъ ; но что другіе пріобрѣли трудами , тѣмъ бы ты пользовался не упуская ни чего , отъ чего бы ты прибыль могъ получить . Я моимъ друзьямъ всѣмъ пользоваться позволяю . Тогда Геркулесъ сказалъ ; жена ! какъ ты называешься ? Друзья мои , отвѣтствовала она , называютъ меня Блаженствомъ , а не пріятели чрезъ иронію называютъ меня Порочностію .

Между тѣмъ пришла и другая , которая такъ начала говорить : пришла и я къ тебѣ Геркулесъ ! зная родителей твоихъ , и разумъ твой извѣстной мнѣ по воспитанію твоему , по чему уповаю , что есть ли ты ко мнѣ путь изберешь , по преславныя и преважныя дѣла произведешъ , и думаю , что и я чрезъ сіе гораздо почтеннѣйшею , и дѣлами славнѣйшею покажуся .

жусь. Но я не спану много о истиннѣ говорить, чтобѣ ты не подумалѣ, что я тебя обманываю, но какѣ боги расположили, такѣ я тебѣ все по самой истиннѣ расскажу. Боги ни чего славнаго и знашнаго безѣ труда и раченія людямѣ не даютѣ, но естли ты желаешѣ, чтобѣ Боги кѣ тебѣ были милостивы, то Боговѣ долженѣ почитать; естли желаешѣ, чтобѣ друзья тебя любили, долженѣ друзьямѣ благотворитѣ; естли желаешѣ, чтобѣ тебя нѣкоторое гражданство почитало, гражданство оное благодареніями долженѣ обязать; а естли хочешѣ, чтобѣ вся Греція тебя прославляла, то всей Греціи ты долженѣ услуги оказатѣ.

Естли желаешѣ, чтобѣ земля обильно приносила тебѣ плодѣ, долженѣ землю удобрять, естли чрезѣ скопѣ желаешѣ обогатиться, о нихѣ долженѣ стараться; а естли чрезѣ войну желаешѣ умножитѣ свое имѣніе и сдѣлаться храбрымѣ, чтобѣ свободать друзей и покорять непріятелей, то воинскому искусству у искусныхѣ вѣ ономѣ долженѣ учитьсѣ, и чшобы ихѣ употреблять могѣ, долженѣ ты упражняться, а естли желаешѣ имѣть крѣпкое тѣло, то долженѣ пріучать, чтобѣ тѣло повиновалось разуму и упражнять его вѣ трудахѣ и потѣ.

Тогда Порочность, по сказыванію Продака вѣщала такѣ: видишѣ Геркулесѣ,
сколь

сколь трудный и долгій къ удовольствіямъ путь, сія женщина тебѣ представляешъ. А я тебя скорѣе и удачливѣе къ блаженству доведу. На сіе добродѣтель такъ рекла. Обѣдая! что у тебя добраго быть можешъ, и какую ты пріятность чувствуешъ, получая все безъ трудовъ. Желанія къ пріятности ты не имѣшъ, но прежде нежели пожелаешь довольствовуешся, прежде алчности насыщаешся и прежде жадны пьешъ, ты для вкуснаго кушанья выдумываешъ разныя приправы а чтобъ съ удовольствіемъ пить выписываешъ отовсюду дорогія вина, во время лѣта бѣгая, ищешъ ты зимы, а чтобъ пріятно спать, ты выдумала мягкія постели, поелику ты не трудами упомята, но не имѣя упражненія желаешъ сна. Въ роскошь прежде времени вдаешся, и ко всему стремясь, самому естеству противныя средства къ удовольствію употребляешъ и симъ образомъ ты обыкновенно воспитываешъ твоихъ друзей ночью муча, а дня большую часть просыпая. Припомъ же ты будучи безсмертною рождена изъ числа Боговъ исключена, и тебя всѣ добрые презираютъ.

Сладчайшей своей похвалы ты обыкновенно никогда не слышишь, пріятнѣйшаго всѣхъ зрѣлица (совѣсти) ты никогда не видишь, поелику никогда не чувствуешъ въ себѣ, чтобъ ты что нибудь добраго сдѣлала. Кромъ сего кто твоимъ словамъ повѣ-

Часть IX. мѣс. Май. Б ритъ?

ришѢ? И кто въ швоемѢ недостаткѢ спашетѢ тебѢ вспомошествовать? Кто здраваго разума пожелаетѢ быти швоимѢ другомѢ?

Таковыя, въ юношествоѢ бывають слабы а въ старости глупы. Ибо въ юношествоѢ ихѢ шѢла ушчняются до чрезвычайности, а старость гнусно проводяшѢ въ штрудахѢ, дѢла свои воспоминая краснѢютѢ, и что принуждены бывають дѢлать, то дѢлають сѢ досадою. Они всю пріятность испощили въ младости; а на старость оставили горесть.

Я нахожусь между Богами и между людьми, и значное дѢло обыкновенно у нихѢ безѢ меня не бываетѢ, меня болѢе всѢхѢ почитаютѢ и Боги и люди; кои меня имѢютѢ художники, шѢмѢ я любезная помощница, домоводителямѢ вѢрной спражѢ, Фамиліи усердной другѢ, въ мирныхѢ дѢлахѢ доброй товарищѢ, въ сраженіяхѢ крѢпкая защитница и дружбы хранительница наилучшая. Друзья мои сѢ пріятностію и безѢ досады вкушаютѢ пищу и питье, ибо они не ѢдятѢ прежде пока захочутѢ. СпятѢ они гораздо пріятнѢе, какѢ праздные, и когда просыпаются не чувствуюшѢ досады. И для сна не упускаютьѢ того, что надобно сдѢлать.

Молодые увеселяются похвалами старыхѢ, а старые радуются почтеніемѢ молодыхѢ: со удовольствіемѢ приводятѢ

на память прежнія свои дѣла: и насто-
ящія порядочно отправляя, веселятся:
они чрезъ меня угодными богамъ, лю-
безными друзьямъ, и славными въ опе-
чествѣ учинились: и по пришествіи опре-
дѣленной имъ кончины не въ забвеніи пре-
бываютъ, но въ памяти и славѣ въ без-
конечные вѣки процвѣтаютъ.

Сіе ты благородный юноша Геркулесъ!
исполнивъ, можешь достигнуть совер-
шеннаго блаженства.

*Перепель Императорскаго Москов-
скаго Университета Студентъ
Давидъ Давыдовскій.*

III.

О

МУДРОСТИ

ДРЕВНИХЪ

изЪ

БАКОНА

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Древность первыхъ вѣковъ (выключая то, что мы имѣемъ въ священномъ писаніи) погребена въ забвеніи и молчаніи; за молчаніемъ древности послѣдовали басни Пійпъ, за баснями наконецъ послѣдовали сочиненія, кои мы имѣемъ, такъ что знанія древности отъ знаній послѣдующихъ вѣковъ, баснями какъ бы завѣсою различены и отдѣлены; слѣдовательно баснотвореніе было среднее между тѣмъ, что погибло и что нынѣ находится. Я думаю, что многіе сочтутъ, что я шучу и играю, и такуюжъ вольность употребляю въ исполкованіи басенъ, какъ самыя Пійпы употребляли въ вымышленіи оныхъ; и я конечно могъ бы также

также важными размышленіями оное украситъ къ своему и чипателеву удовольствію. Ибо извѣстно мнѣ что удобно обращаема матерія есть баснь, и что оную всячески обращать и толковать удобно; и что способность разума и краснорѣчіе могутъ и то приписать къ спашѣ, о чемъ никогда и помышляемо не было. Приходитъ мнѣ на мысль еще и то, что употребленіе басенъ уже давно испорчено. Ибо многіе для снисканія древняго почтенія своимъ изобрѣшеніямъ и мнѣніямъ, стихотворцовъ басни къ онымъ принаравить старались. И древнее оное и нерѣдкое щеславіе какъ издавна завелось такъ и часто употребляемо было. Ибо и въ древности Хризиппъ, какъ бы нѣкоторый истолкователь сновъ, стоическія мнѣнія обыкновенно приписывалъ самымъ древнѣйшимъ стихотворцамъ, и еще глупѣе Химики, игры и стихотворческія вымыслы въ превращеніи тѣлъ приписали опышамъ печи. Сіе, говорю, все я извѣдалъ и разсмотрѣлъ, и все легкомысліе и излишнее на себя умомъ упованіе въ разсужденіи Аллегорій разобралъ и примѣшилъ, однакожъ отъ сего мнѣнія совсѣмъ не отступаю. Ибо во первыхъ не справедливо, что будто не многихъ людей дурачество и вольность, припчей вообще честь уменьшаетъ. И сіе означало бы нѣчто хульное и дерзновенное, когда законъ содержитъ въ себѣ подобныя

припчи, и кто опметаетъ оныя, потъ почти отрицаетъ сообщество божества съ челоѳчествомъ. Но разсмотримъ челоѳческую премудрость. Я конечно чисто-сердечно и охотно признаю, что я такового мнѣнія, что многіе древнихъ стихотворцовъ басни съ самаго начала таинство и иносказаніе въ себѣ заключали, и сіе я думаю или плѣнясь почтеніемъ древнихъ вѣковъ, или что въ нѣкоторыхъ басняхъ пошкое и столь ясное съ означаемою вещью сходство и связь сыскиваю, какъ въ самомъ составѣ басни такъ и въ свойствѣ имянъ, коими дѣйствующія лица въ оной какъ будто надписями означены, что никто основательно не можетъ такъ отрицать чтобъ смыслъ оный (истинный) не былъ въ умѣ писавшихъ и нарочно оными какъ тѣнію покрытъ. Ибо кто столь грубъ и явно слѣпотствующъ, которой бы слыша о славѣ, по истребленіи Исполиновъ, какъ бы о сестрѣ послѣ ихъ родившейся, не опнесъ сего къ народной молвѣ и возмущительнымъ слухамъ, которые обыкновенно по истребленіи бунтовщиковъ чрезъ нѣсколько времени носятъ? Или слыша о Исполинѣ Тифонѣ обрѣзавшемъ и унесшемъ у Юпитера жилы и о Меркуріи, который оныя укравъ возвратилъ обратно Юпитеру, не примѣтитъ вдругъ, что сіе надлежитъ къ сильнымъ бунтамъ, подрѣзывающимъ Государямъ

жилы

жилы денегъ и важности, однако такъ, что чрезъ ласковыя рѣчи и благоразумные указы подданныхъ сердца скоро паки примиряются и Государямъ возвращаются силы? Или слыша, что въ достопамятной оной боговъ прошивъ исполиновъ войнѣ оселъ своимъ рычаніемъ превеликую силу имѣлъ въ прогнаніи исполиновъ; не станеть прямо думать, что сіе говорится о великихъ бунтовщиковъ стараніяхъ, которые по большей части чрезъ пустые слухи и тщетныя страхи пресѣкаются? Равнымъ образомъ сходство и знаменованіе именъ кому можетъ быть темнымъ? Когда Метисъ жена Юпитера явственнo значитъ совѣтъ, Тифонъ гордость, Панъ весь міръ, Немезисъ отмщеніе и подобное. Такъ же пусть не тревожитъ никого, естли иногда вмѣшаны бывають нѣкоторыя исторіи, или что нибудь придано для украшенія, или естли смѣшиваются времена, или когда изъ одной басни что нибудь переносится въ другую и новая дѣлается Аллегорія. Ибо сіе тогда нужно было, когда изобрѣтенія были такихъ мужей, кои и временами и намѣреніями были различны; когда иные древнѣйшіе, иные новѣйшіе были, иныхъ предмѣтомъ была природа вещей, а другихъ гражданскія дѣла. Я еще и другой не малой знакъ сокровеннаго и какъ бы прикрытаго толку имѣю, что нѣ-

которыя басни находятся самимъ повѣствованіемъ столь безразсудны и глупы, что еще издали показываютъ и какъ бы гласятъ, что они суть не что иное какъ нѣкоторая загадка. Ибо вѣроятно, что оное есть баснь и можно думать, что оно къ увеселенію и по подобію исторіи вымышлено. А что ни кому не пришло на умъ о семъ разсуждать или говорить, то мнѣ кажется, что сей запросъ относится къ другому. Ибо что то за выдумка? Что Юпитеръ женился на Метисѣ и какъ только почувствовалъ, что она беременна тотчасъ ее съѣлъ, отъ чего и самъ почувствовалъ беременность и изъ головы родилъ вооруженную Палладу? По справедливости я думаю, что никому изъ смертныхъ не случался и сонъ столь страшный и съ мыслями не сходственный. А больше всего сильнымъ и очень важнымъ у меня то, что премногія басни кажутся не тѣми изобрѣщенны, кои ихъ говорятъ и употребляютъ, какъ по Гомеръ, Гезіодъ и прочіе. Ибо если бы намъ точно было извѣстно, что они отъ тѣхъ временъ и тѣхъ писателей произпекли, кои ихъ упоминаютъ и до насъ дошли, то конечно (какъ мнѣ кажется) мы бы отъ такого начала ничего великаго или высокаго ожидать и доразумѣвать не вздумали. Но если кто прилѣжнѣе подумаетъ, то вдругъ примѣтитъ, что ихъ пишутъ и упоминаютъ какъ прежде

извѣ-

извѣстные и принятыя, а не какъ вновь вымышленныя и написанныя. Да и когда писатели почти одного вѣка пишутъ ихъ различными образами: по удобно можно примѣнить, что они имѣютъ нѣчто общее изъ древности взятое; разнствуютъ только въ томъ, что всякъ изъ нихъ придалъ для украшенія: и сіе у меня умножило къ нимъ уваженіе, какъ будто бы они не принадлежали ни временамъ ни изобрѣщеніямъ самыхъ стихотворцовъ; но какъ бы священныя остатки наилучшихъ временъ, кои изъ преданій древнѣйшихъ народовъ къ Грекамъ въ стихотворенія достались. А если бы кто упорно сталъ оспаривать, что Аллегорія въ басняхъ всегда была подложная а не природная; я тому досаждать не буду, но глупую и почти ничего незначащую его разсужденія важность оставлю и противъ него (если только достоинъ будетъ) другимъ образомъ какъ бы вновь возстану. Двояко люди употребляютъ притчи, и что удивительнѣе, что сіе самое употребленіе служитъ къ противоположному. Поелику притчи служатъ и къ запутыванію и прикрытію; и къ изъясненію и открытію. отвергнувъ первое оное употребленіе (лучше нежели вступишь въ споръ) и принявъ древнія басни за выдумки служащія къ одному только увеселенію; остается безъ сомнѣнія сіе послѣднее употребленіе котораго

ни какая ума наглость у меня исторгнуть не можетъ, и никто не спанетъ препятствовать (кто бы хотя посредственно былъ ученъ въ принятіи сего ученія, дѣломъ важнымъ, прызвымъ, и нелегкомысленнымъ для наукъ полезнымъ, а часто и нужнымъ, то есть дабы въ новыхъ изобрѣтеніяхъ и отъ простыхъ мнѣній сокровенныхъ путь къ понятію человѣческому удобнѣйшій и пріятнѣйшій чрезъ припчи изыскиваемъ былъ. И такъ когда въ древніе вѣки, изобрѣшенія человѣческаго разума, и заключенія, теперь всякому извѣстныя, а въ тѣ времена новыя и не обыкновенныя, всѣ были исполнены всякаго рода басенъ, загадокъ, припчей и подобій: то чрезъ сіе способъ ученія а не искусство сокрывать древніе искали; т. е. для грубыхъ погдашняго времени человѣческихъ умовъ, и ничего высокаго (кромѣ обращавшагося предъ ихъ чувствами) не терпящихъ и почти не понимающихъ. Ибо какъ Героглифы буквъ, такъ припчи умственныхъ доказательствъ были прежде. Да и теперь естли бы кто какое новое просвѣщеніе человѣческимъ умамъ подать захотѣлъ, то не бесполезно бы избралъ оный путь и прибѣгнулъ къ пособію подобій. По чему мною сказанное симъ заключу. Премудрость древняго вѣка была и велика и щастлива: потому что изобрѣтена Фигура или тропъ: щастлива, потому что люди дру-

другое дѣлая подали матерію и случай къ
 поликому достоинству размышлений. Трудъ
 же мой (если въ немъ есть что поле-
 зное) ни въ одномъ ни въ другомъ случаѣ
 худо употребленнымъ не почитаю. Ибо
 я или древность или самыя вещи изъяснилъ.
 Не безызвѣстно мнѣ и то, что о сей ма-
 теріи и другіе писали: Однако если ска-
 зать то, что я чувствую, и не съ доса-
 дою но охотно, что красота ея и досто-
 инство при таковыхъ хотя великихъ тру-
 дахъ исчезаютъ: когда неискусные и не
 больше общихъ и извѣстныхъ предѣловъ
 ученые, смыслъ притчей къ нѣкоторымъ
 народнымъ и общимъ случаямъ принара-
 вливаютъ, и истинной ихъ силы, и природ-
 наго свойства и вышшаго понятія не до-
 стигаютъ. Но я (если не ошибаюсь) въ
 извѣстномъ покажу новости и явное прези-
 рая о дальнѣйшемъ и вышшемъ буду раз-
 суждать.

О
МУДРОСТИ
ДРЕВНИХЪ.

IV.

Кассандра или Паррезія.

Повѣствуютъ , что Аполлонъ чрезвычайно влюбился въ Кассандру , которая хотя отъ исполненія его желаній разными хитростями избѣгала , однако всегда обнадеживала до тѣхъ поръ , пока выманила у него даръ пророчества ; а какъ только то получила , чего съ начала своимъ припворствомъ искала , то вдругъ просьбу его явно пренебрегла : тогда Аполлонъ видя , что далъ то , чего возвратить не могъ , а припомъ пылая мщеніемъ и не желая быть посмѣянъ хитрой женщины , къ подарку своему придалъ и наказаніе ; чтобъ она хотя предсказывала справедливо , но никтобы ей не вѣрилъ , и такъ прореченія ея были истинны но никто имъ не вѣрилъ : что съ нею всегда случалось , да и при самомъ разореніи ея отечества , о которомъ она часто говаривала , однако никто не слушалъ и не вѣрилъ. Кажется , что сія баснь выдуманна о безвременной и бесполезной вольности и напоми-

минаніи. Ибо имѣющіе разумъ упорной и грубой, не желаютъ покориться Аполлону, по естѣ Богу согласія (harmonia), какъ для познанія въ вещахъ свойствъ и мѣръ, въ рѣчахъ ударенія остраго и шпаккаго, и въ слухѣ различія нѣжности и грубости, такъ наконецъ и для наблюденія временъ когда говорятъ, и когда молчатъ: поелику они хотятъ разумны и чистосердечны бывають, и подаютъ совѣты полезные и добрые; однако почти никогда своимъ жаркимъ совѣтомъ не успѣвають; и къ произведенію дѣлъ не дѣйствительны; и чаще шѣхъ, коимъ совѣтуютъ къ гибели устремляютъ, и тогда ужè послѣ несчастнаго случая за пророковъ почитаются. Прекрасный сему примѣръ М. Катонъ Утиценской. Ибо онъ паденіе отечества, и неправильное похищеніе надъ онымъ власти во первыхъ изъ заговоровъ, по томъ изъ спора Кесаря съ Помпиемъ послѣдовавшее, гораздо прежде какъ бы съ высоты предвидѣлъ; но шѣмъ самымъ не только ничего не успѣлъ, но и повредилъ и бѣды отечества приближилъ. Что весьма разумно упоминаетъ и изрядно описываетъ Цицеронъ, другу своему: Катонъ превосходно разсуждаетъ, но часто и вредитъ обществу; поелику онъ такъ говоритъ, какъ бы въ обществѣ Платона, а не какъ въ подломъ народѣ Римскомъ.

Тифонъ или бунтопщикъ.

Говорятъ Пѣицы, что Юнона вознегодовавъ, что Юпитеръ изъ себя, безъ нея Палладу родилъ, всѣхъ Боговъ и Богинь прозьбой убѣдила, чтобъ позволено было и ей одной безъ Юпитера родить. И какъ они на усильныя и безвременныя ея прошенія согласились, то она попрясла землю, отъ коего движенія родился Тифонъ, великое и страшное чудовище. Онъ былъ данъ какъ бы питателью змѣю для вскормленія, и недолго послѣ какъ выросъ войну пропивъ Юпитеравоздвигнулъ. На семъ сраженіи Юпитеръ попался во власть сему исполину; который его на плечи взявъ въ отдаленную и мрачную страну занесъ и обрѣзавъ ручные и ножные жилы, и съ собою оныя взявъ, оставилъ его безъ рукъ и обрубленнаго. Но Меркурій тѣ жилы у Тифона укравъ возвратилъ Юпитеру, кой укравшись снова на сего звѣря напалъ; и впервыхъ ранилъ молніею изъ коей крови родились змѣи. Потомъ падающаго и убѣгающаго (бросивъ на него Етну) тяжестію горы сей пригнелъ. Баснь вымышлена о превратномъ Государей щастіи и измѣнникахъ, что обыкновенно часто случается въ Монархіяхъ. Ибо Государи съ своими государствами, какъ Юпитеръ съ Юноною, какъ бы союзомъ супружества сопряженными спра-

ведливо почитаются; но не рѣдко случается, что они чрезъ обыкновеніе повелѣвань испорчавъ, и спремясь къ тиранству, все присвоивъ себѣ, и презрѣвъ чиновныхъ и своего сената согласіе, отъ себя раждаютъ: то есть по своей волѣ и одной власти все управляютъ. Сіе народы съ досадою снося и сами замышляютъ нѣкоторую главу бунтовъ отъ себя родить и возвысить. Что начало свое пріемлетъ отъ тайнаго побужденія знатныхъ и высокихъ лицъ, за согласіемъ коихъ начинается возмущеніе народа, отъ котораго увеличеніе нѣкоторое бунтовъ (чрезъ младенчество Тифона означенное) слѣдуетъ. И сіе смутное состояніе отъ врожденныхъ простаго народа худыхъ склонностей и злобной природы (змія для Государей пагубнѣйшаго) воспитывается. А какъ только недостатокъ силъ дополнится, то бунтъ явною измѣною открывається, что поелику безконечное зло и Государямъ и народамъ приноситъ подъ проклятымъ онымъ изображеніемъ Тифона представляется, у котораго сто головъ по причинѣ раздѣленныхъ властей, пламя испускающіе уста по причинѣ зажженій, препоясаніе изъ змievъ по причинѣ заразительныхъ повѣтрій, (особливо въ осадахъ) руки желѣзные по причинѣ убивствъ, когти орлиные по причинѣ грабежа, тѣло покрыто перьями, по причинѣ непрерывныхъ слуховъ,

ховъ, вѣстей и прѣпетаній, и подобнаго симъ. И часто сіи бунты столь сильны бывають, что Государи принужденными себя находятъ какъ бы измѣнниками перенесенные, оставить государскіе престолы, и первѣйшіегорода, и въ отдаленнѣйшую нѣкопору и неславную владѣнія своего провинцію удалились, съ обрѣзанными жилами денегъ и величества: Однако спустя нѣскольکو времени разумно снося хипростью истараніемъ Меркурія снова жилы получаютъ, то есть ласковыми здѣлавшись чрезъ указы благоразумные и благосклонныя рѣчи примиривъ подданныхъ сердца и наконецъ возбуждаютъ охоту къ понесенію подапей и къ почитанію царской власти. Однако благоразумны будучи и осторожны щастія отвѣдывать по большой части не желаютъ и отъ сраженія удерживаются, а только спараются какимъ либо значнымъ дѣломъ уваженіе измѣнщиковъ уничтожить. Что естли по желанію удаются, то измѣнщики чувствуя свою рану и будучи въ своихъ предпріятіяхъ робки, съ начала къ слабымъ и тщетнымъ угрозамъ, какъ бы зміи къ свистамъ обращаются. Потомъ отчаявшись убѣгають. И тогда уже, когда они падають начнутъ, безопасное и выгодное время Государи имѣють войскомъ и всею силою государства какъ бы горою Епны ихъ постигнуть и задавить.

VI.

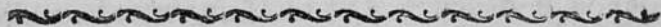
Цыклопы или слуги страха.

Говорятъ, что Цыклопы за свою свирѣпость и гордость отъ Юпитера низвержены въ шаршаръ, и осуждены были на вѣчное заключеніе: но земля после присовѣтовала ему, что небезполезно будетъ, освободивъ ихъ отъ узъ употребить на работу громовыхъ стрѣлъ. Что и здѣлано, и они будучи въ своихъ должностяхъ прилѣжны и рачительны стрѣлы и другія служащія къ усрашенію орудія непрестанно и съ ужаснымъ стукомъ дѣлали. Со временемъ же случилось, что Юпитеръ на Ескулапа Аполлонова сына осердился по причинѣ избавленія отъ смерти одного человѣка лѣкарствомъ; и скрывая свой гнѣвъ) понеже причина была неправильная негодовавъ за доброе и славное дѣло) Цыклоповъ на его тайно подговорилъ, кои не мѣдя его убили: въ отмщеніе за что Аполлонъ безъ воспрепятствованія Юпитера стрѣлами ихъ побилъ. Кажется, что сія баснь надлежитъ къ дѣйствіямъ государей. Ибо они свирѣпыхъ и кровожаждущихъ Министровъ сперва наказуютъ и отъ должностей оставляютъ. По томъ по совѣту земли то есть подлому и незнающему, когда какая нибудь покажется польза, паки ихъ употребляютъ; естьли гдѣ или строгое изслѣдованіе, или жестокое исполненіе надобно. будетъ Они

Часть IX. мѣс. Май В отъ

отъ природы свирѣпы, потерянiемъ пер-
ваго щастiя огорчены, и довольно зная,
чего отъ нихъ надѣются, удивительное
раченiе въ таковыхъ дѣлахъ оказыва-
ютъ; но по неосторожности своей, и по-
ропаясь приобрѣсть себѣ милость, ино-
гда по тайнымъ желанiямъ великихъ
лицъ, и скрытымъ ихъ приказамъ нена-
вистное нѣкоторое изслѣдствiе произво-
дятъ. А большiя лица давъ мѣсто злобѣ
и довольно зная, что въ такихъ орудiяхъ
не будутъ никогда имѣть недосыпка,
низвергаютъ оныхъ, и отдають на судъ
ихъ ближнимъ и друзьямъ, народнымъ
доносамъ, мщенiю и злобѣ; по чему съ
великою похвалою, и желанiями госуда-
рямъ благаго щастiя, и восклицанiями,
позднѣе нежели заслуживаютъ, погибають.

VII.

Панъ или природа.

Древнiе всю природу подъ видомъ Пана
весьма рачительно описали; но рожде-
нiе его оставили въ сомнѣнiи. Ибо одни
утверждаютъ, что онъ рожденъ отъ Мер-
курiя; а другiе совсѣмъ иначе думаютъ
о его рожденiи; поелику говорятъ, что
всѣ Пенелопины любовники имѣли съ нею
совокупленiе, отъ коего смѣшенiя родился
об-

общій сынъ Панъ. И въ семъ послѣднемъ повѣствованіи безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ новѣйшихъ, древнюю басню Пенелопею назвали, что и не рѣдко дѣлаютъ, когда повѣствованія древнѣйшія, къ новѣйшимъ лицамъ и именамъ прилагаютъ, иногда и непристойно и глупо; что здѣсь явствуетъ, когда Панъ изъ самыхъ древнѣйшихъ боговъ, и гораздо прежде времянь Улисса былъ, припомъ же и Пенелопу древность почитала за чистоту сохраненную ею во вдовствѣ. Но не должно пропустить и претъяго изъясненія о рожденіи Пана. Нѣкоторые написали, что онъ былъ сынъ Юпитера, и Гибреи то есть поношенія. Опъ когобъ то онъ ни былъ рожденъ, однако говорятъ, что Парки были его сестры. А изображеніе его такъ древность описываетъ; съ рогами, которые его роги возвышены даже до небесъ, по всему тѣлу обросшей шерстью, и имѣетъ бороду очень долгую. Образъ его двоякій, въ разсужденіи вышшихъ тѣла частей человѣческой, но опъ половины звѣрь, и оканчивается козьими ногами. А знаки власти носилъ онъ въ лѣвой рукѣ дудку изъ семи простей составленную; въ правой же пастушей посохъ, или дубину въ верху кривую и наклоненную; въ епанчѣ изъ рысей кожи. Власти ему и должности такія приписываются; Богъ охотниковъ, пастуховъ, и во обще всѣхъ сельскихъ; также обладатель горъ, и самый

близкой Меркурію вѣстникъ боговъ. Кро-
мѣ того онъ почитаемъ былъ вождемъ и
повелителемъ Нимфъ, кои около его не-
престанно короводы водили и плясали:
провожали и Сатиры и старѣйшіе ихъ Си-
лены. Еще имѣлъ онъ власть напускать
страхи особливо пустыя, и суевѣрныя,
кои и названны Пановыми. Дѣйствій имѣ
произведенныхъ не много описываютъ: и
особливымъ почитается то, что онъ Купи-
дона вызвалъ на борьбу, которой его и по-
бѣдилъ. Онъ же и Тифона великана въ
сѣти запуталъ и удержалъ. Еще повѣ-
ствуютъ; что когда Церера будучи пе-
чальна, и негодуя за похищеніе Прозерпи-
ны скрылась, и всѣ Боги старались
всемѣрно ее сыскать и на разныя дороги
раздѣлились, то Пану только по щасію
удалось за охотою ъздя ее сыскать и
показать. Онъ отважился и съ Аполлономъ
спорить о преимуществѣ въ музыкѣ, и по
суду Мида предпочтенъ: за которой судъ
Мидъ и ослиныя уши получилъ, но тайно и
скрытно. О любовной страсти Пана ничего
или очень мало пишутъ, что въ полъ
влюбчивомъ собраніи Боговъ удивитель-
нымъ показаться можетъ. Только то о немъ
говорятъ, что онъ влюбился въ эхо, ко-
торая и почитается его женою, да
еще въ одну Нимфу называемую Сирингою,
къ коей онъ по причинѣ гнѣва и мщенія
противъ Купидона, (кого на брань выз-
вать

вашь не отважился) любовію зажегся. Онъ же и плода по себѣ ни какого не оставилъ, (что такъ же удивительно, особливо, что Боги были весьма плодородны) кромѣ, что приписываютъ ему, какъ бы дочь, нѣкоторую женщину служанку именемъ Ямбе, которая смѣшными повѣспованіями обыкновенно увеселяла гостей, и нѣкоторые думали, что плодъ Пановъ былъ отъ супруги его Эхо. Баснь сія довольно хороша, по тому, что преисполнена сокровенными натуре тайнами. Панъ какъ и самое его имя значитъ, собраніе всѣхъ вещей, или натуре представляеть. О происшествіи его двояко думаютъ, и двояко только и можно: понеже онъ происходитъ или отъ Меркурія то есть божія слова (что и священное писаніе безсомнѣнія утверждаетъ, и Философы почитавшіеся Божественными полагали) или изъ совокупленныхъ сѣменъ вещей. Ибо полагавшіе одно началу вещей или къ богу оное относили; или естли полагаютъ матерію началомъ; то утверждаютъ, что и сіе въ разсужденіи силы есть различное; такъ, что весь сей споръ къ оному раздѣленію приходитъ, что міръ долженъ быть или отъ Меркурія или отъ всѣхъ Пенелопиныхъ жениховъ.

„Ибо говорилъ онъ какъ въ простран-
номъ пустомъ мѣстѣ собранны были

„сѣмена и дѹши землѣй, моря и плав-
 „каго огня, то отъ сихъ первыхъ всѣхъ
 „начала и самъ вѣжнѣйшій міра кругъ
 „взросъ.

А претіе рожденіе Пана есть такое, что можно думать, что Греки нѣчто изъ Еврейскихъ тайнствъ, хотя посредствомъ Египтянъ или другимъ какимъ образомъ почерпнули; поелику оно надлежитъ къ состоянію міра не только съ начала но и по паденіи Адама смерти и плѣнію подверженнаго. По тому, что состояніе оное было и есть плодъ Бога и грѣха. И такъ проякое сіе повѣствованіе о рожденіи Пана можетъ показаться истиннымъ, еслии его вещми и временами различить. Ибо сей Панъ, на коего мы взираемъ съ большимъ нежели надлежитъ почитаніемъ отъ слова Божія посредствомъ смѣшанной матеріи (которая и сама создана была отъ Бога) и чрезъ произшествіе смѣшенія и соединенія начало свое получилъ. Природа вещей и судьба справедливо почитаются сестрами, поелику они натуральныхъ причинъ связи, происхожденія вещей, пребыванія, прекращенія, угнѣшенія, возвышенія, дѣйствія и покой, на конецъ и всѣ случаи могущія вещамъ приключиться производяшъ. Такъ же и роги міру приписываются. А что роги сіи съ низу потолще а въ верху остры, то сіе къ тому надлежитъ; что вся природа вещей наподобіе пирамиды есть острая; ибо

ибо вещи въ особливости суть безконечныя : они собираются въ многіе виды : а виды составляютъ роды , и сіи увеличиваясь собираются въ главнѣйшія , такъ , что на конецъ какъ бы одно составляютъ . И неудивительно , что Пановы рогà простираются даже до неба : когда верхи природы или общія понятія и къ божеству въ-которымъ образомъ возносятся . Ибо удобной и очень близокъ переходъ отъ мета-Физики къ натуральной богословіи . А тѣло природы прекрасно и справедливо изображается мохнатымъ , по причинѣ поперешниковъ (radius) вещей : ибо поперешники суть какъ бы волоса природы , или шерсть , и почти все или больше или меньше имѣетъ поперешниковъ , что изъ видѣнія явствуетъ , также и во всякой другой силѣ и дѣйствии (души) въ разсужденіи чего нибудь отстоящаго : Ибо о всемъ томъ что дѣйствуетъ или простирается къ отстоящему , безъ ошибки можно сказать , что оно и поперешники (radius) дѣлаетъ . Но больше всего видна борода Панова , поелику поперешники небесныхъ тѣлъ наибольше изъ дали дѣйствуютъ и проникаютъ . Да и солнце , когда вышняя его часть покроется облакомъ , а лучи въ низъ прорываются , смотрящему кажется какъ бы имѣющимъ бороду . И составъ природы весьма хорошо описывается двуличнымъ въ разсужденіи

различій небесныхъ и земныхъ тѣлъ. Поелику небесныя тѣла по причинѣ красоты ровности въ движеніи, постоянности и какъ бы власти надъ землею и земными тѣлами, правильно подъ человѣческимъ изображеніемъ представляются: а земныя тѣла по своей превратности, нестройнымъ движеніямъ и что небесными управляются, довольно хорошо и подъ видомъ живопного могутъ быть изображенны. Тоже тѣла описаніе надлежитъ къ заимствованію видовъ. Ибо ни какое естество не можетъ быть простое; но какъ бы изъ двухъ заимствующее и составлено. Поелику человѣкъ имѣетъ нѣкоторую часть скота, скотъ нѣчто имѣетъ дерева, дерево въ себѣ имѣетъ нѣсколко тѣла бездушнаго, и все по справедливости есть двойное и изъ небеснаго и земнаго сооружено. А въ козыхъ ногахъ приписанныхъ Пану весьма замысловатая кроется аллегорія, они значатъ движеніе которымъ поднимаются земныя тѣла на воздухъ и небо. Ибо коза есть живопное прыгучое, и на горахъ и спремнинахъ бытъ любящее; такимъ образомъ и вещи хотя на нижнемъ шарѣ находясь, однако удивительныя дѣйствія производятъ, какія въ облакахъ и Метеорахъ очень видны. А знаки въ рукахъ Пана два: одинъ согласія, другой власти. Ибо свирѣль изъ семи простей, показываетъ сходство вещей, и гармонію, или согласіе съ несогласіемъ смѣшанное, которое происходитъ

дипъ отъ движенія седми блудящихъ звѣздъ. Также и посохъ оный есть высокое изображеніе, по причинѣ прямыхъ и косвенныхъ нушей природы. А особливо кривизна вершины его; понеже всѣ провидѣнія Божія дѣла въ мірѣ противнымъ образомъ бывають, такъ что они со всѣмъ кажущя къ другому концу стремящимися; нежели какъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ, какъ продажа Іосіфа въ Египетъ и подобное сему. да и во всякомъ разумномъ правленіи человѣческомъ, кои управляють, нужное для народа чрезъ отводы и околичныя пути удачливѣе, нежели, прямо учреждають, такъ что всякая просьба правленія по справедливости должна быть въ верху наклоненна. Весьма разумно выдуманно, что одежда Панова была изъ кожи рыся, по причинѣ пятенъ вездѣ по ней разсѣянныхъ; ибо небо звѣздами, моря островами земля цвѣтами испещренны, да и всѣ почти вещи обыкновенно бывають различны на поверхности, которая есть какъ бы епанча.

А должность Пана ничемъ такъ хорошо представленна и изъясненна быть не могла, какъ чпобъ быть ему богомъ охотниковъ; ибо всякое натуральное дѣйствіе, и слѣдовательно движеніе и произшествіе есть не что другое какъ охота. Поелику знанія и искусства трудами уловляются и люди какъ за своими предметами такъ и за всѣми естественными вещми, даже за

самою пищею какъбы за добычею, и за веселостями какъ бы за утѣшеніемъ искусно и проворно гоняются.

„ За волкомъ львица въ слѣдъ бѣжитъ, волкъ за козою,
„ Коза сама бѣжитъ за горькою справою.

Панъ еще называется богомъ всѣхъ сельскихъ, потому, что сіи люди больше по напурѣ живутъ, нежели въ городахъ и дворцахъ, чрезъ излишніе приборы такъ портятъ напуру, что справедливымъ должно почестъ, оной любовной стихъ Пoesмы.

(*) *Сама дѣвица есть наименьшая часть самой себя.*

А особливо главнымъ управителемъ горъ называется Панъ потому, что на горахъ и высокихъ мѣстахъ природа открывается и представляется глазамъ. Что Панъ есть второй по Меркуріи вѣстникъ боговъ, сія аллегорія есть совершенно божественная, потому, что по словъ Божіей самое изображение міра есть прославленіемъ всемогущества и премудрости божіей, что и Божественный стихотворецъ Давидъ воспѣлъ: *небеса поцѣдуютъ славу Божию, тцорейи же руку его поцѣщаютъ тпердъ.* Также Пана увеселяютъ Нимфы, то есть души: ибо веселіе міра суть души живущихъ: и онъ по справедливости ихъ повелитель, по-

---

(•) Сіе надобно разумѣть о женскихъ уборахъ, кои и въ наши времена не рѣдко представляють Синицъ журавлями.

поелику они природѣ своей какъ бы предво-
 дителю послѣдуютъ и около ея съ беско-
 нечными переменами, какъ бы каждая изъ
 нихъ по обыкновенію дѣшей пляшутъ, и хоро-
 воды водятъ съ непрерывнымъ движені-
 емъ: вмѣстѣ всегда ходятъ Сатиры и Си-
 лены, то есть старость и юность. Ибо всѣхъ
 вещей нѣкоторый возрастъ есть веселой и
 скачущій, а потомъ не поворотливой и пья-
 ный. Но кто безпристрастными глазами
 посмотритъ на дѣйствія обоихъ возрастовъ,
 тому можетъ быть, какъ Демокрипу, пока-
 жутся они смѣшными и безобразными, на по-
 добіе Сатира и Силена. О Пановыхъ же спра-
 хахъ премудрое ученіе предлагается: ибо
 природа вещей всѣмъ живымъ впечатлѣла
 страхъ и опасеніе для сохраненія своего су-
 щества и избѣганія и отраженія приближа-
 ющихся бѣдъ; однако таже природа умѣрен-
 ности не наблюдаетъ; но опасеніямъ полез-
 нымъ всегда пустыя и шешные страхи при-
 мѣшивается, такъ, что (еслибы внутрь
 проникнуть можно было) все Пановыхъ т. е.
 пустыхъ страховъ преисполненно; сіе осо-
 бливо касается до людей, кои суевѣріемъ
 (которое поистиннѣ есть нечто иное какъ
 пустой Пановъ страхъ) бесконечно зара-
 женны; наипаче во время несчастія и бѣд-
 ствій. Что же касается до смѣлости Па-
 на и схваткѣ чрезъ вызовъ на поеди-
 нокъ Купидона, то сіе къ тому надле-
 житъ, что матерія не лишилась еще склон-
 но-

ности и стремленія къ разрушенію міра и превращенію его въ древній оный Хаосъ, естлибы не разрывное вещей согласіе (любовію или Купидономъ означенное) злобы и стремленія его не удерживало и въ порядкъ не приводило. И такъ по благой для людей и вещей судьбѣ бываетъ, что Пану сраженіе не удается и онъ отходитъ побѣжденнымъ. Къ тому же совѣмъ надлежитъ баснь о Тифонѣ впутанномъ въ сѣти. Ибо сколь ни пространно и необыкновенно вздымающіяся вещи (что означаетъ Тифонъ) хопя подымающія моря, облака, земля и проч. однако природа вещей сіи тѣлѣ дерзости и бѣшенства въ неразрѣшимую сѣть впутываетъ, удерживаетъ и какъ бы Адамантовою цепью укрощаетъ. А что сысканіе Цереры сему Богу приписываютъ и по чрезъ ловлю; прочимъ же Богамъ неприписанно, хопя и они прилѣжно искали и по же самое дѣлали; по сіе содержитъ истинное и весьма разумное напоминаніе, по естъ; дабы вещей полезныхъ къ жизни и земледѣлію изобрѣтеніе, каково было изобрѣтеніе нивѣ, отъ Философовъ обращающихся въ однихъ только умозрѣніяхъ, какъ бы отъ большихъ Боговъ ожидаемо не было; хопя бы они всѣми силами о томъ самомъ старались, но только отъ Пана, по естъ, разумнаго опыта и общаго познанія вещей сего міра которое по случаю и какъ бы во время

ловли на такія изобрѣшенія обыкновенно нападаешъ. А оной о музыкѣ спорѣ, и его удача полезное представляетъ ученіе, и такое, которое человѣческія неумѣренныя желанія и высокоуміе, узами превоспи, обязать можетъ. Ибо кажется, что гармонія есть двоякая и какъ бы музыкальная: одна провидѣнія Божія, другая человѣческаго разума. Ибо разуму человѣческому и какъ бы ушамъ смертныхъ, управленіе міра, вещей, и сокровеннѣйшія Божія судьбы кажется какъ бы нѣсколько грубо и непристойно; онсе незнаніе хотя по справедливости ослиными ушами означается, однако самыя уши не видны: поелику безобразія своего люди не видятъ и не примѣчаютъ. На конецъ нимало не удивительно, что Пану неприписываютъ ни какой любовной страсти, кромѣ супружества его съ эхомъ; потому, что міръ самимъ собою, и въ себѣ, всѣмъ наслаждается: а кто любовію зараженъ, тотъ наслаждаться желаетъ, да и въ довольствѣ желаніе не имѣетъ мѣста. И такъ міръ никакой любви имѣть не можетъ, ни желанія что либо получить, для того, что онъ самъ собою доволенъ; кромѣ того что, можетъ быть, онъ имѣетъ голоса: сіи суть Нимфа, Эхо а тончайшія изъ нихъ, Сиринга. Изъ голосовъ попревосходству въ супружество міру избирается одно эхо; Ибо та наконецъ

Фи-

Философія есть истинная, которая самаго міра слова весьма вѣрно изъясняетъ, и какъ бы по изреченію его написана; и есть не что иное какъ его изображеніе и подобіе и ничего отъ себя не прилагаетъ, но только повторяетъ, и отдаетъ голосъ. Также къ дополненію и совершенству міра относится, что онъ никакого плода не производитъ. Потому, что онъ по частямъ раждаетъ, а по всему какъ можетъ производитъ? Когда въ него нѣтъ никакого тѣла. Мнимая его дочь, женщина она, по справедливости составляетъ премудрое прибавленіе къ баснѣ; ибо чрезъ нея представляются, всегда и на многихъ мѣстахъ простирающіяся, суесловныя о природѣ вещей ученія, въ самомъ дѣлѣ безполезныя, родомъ какъ бы рабскія, но въ разсужденіи своего вздору, иногда пріятныя, а иногда досадныя и скучныя.

VIII.

Орфей или Философія.

Басня о Орфѣѣ всѣмъ извѣстна, но истолкователя во всемъ вѣрнаго не имѣетъ, кажется, что она изображаетъ видъ всея Философіи. Ибо изображеніе Орфея мужа удивительнаго и совершенно божественнаго, искуснаго во всякомъ согласіи, и пріятностію все плѣняющаго и привлекающа-

щаго удобно перемененно можетъ быть
 на описаніе Философіи. Потому, что дѣла
 Орфея такъ превосходятъ Геркулесовы, какъ
 превосходятъ дѣла премудрости, дѣла
 мужества. Орфей по причинѣ любви къ
 похищенной безвременною смертію своей
 женѣ, полагаясь на лиру вознамѣрился
 снискать во адѣ, дабы отпросить ея духъ;
 въ чемъ и не обманулся. Ибо умилости-
 вивъ тѣни и усладивъ пріятностію пѣнія
 и игры, поль великую у нихъ возымѣлъ силу,
 что позволено ему и жену возвратитъ
 съ собою: однако съ такимъ договоромъ;
 чтобъ она за нимъ шла, а онъ бы не
 оглядывался до тѣхъ поръ пока дойдутъ
 къ спранамъ свѣта. Чего онъ когда по
 неперпѣливости, любви, и опасенію (какъ
 уже они почти въ безопасности были) не
 наблюлъ, то нарушенъ договоръ, и она ско-
 ропостижно паки во адѣ упала. Съ по-
 го времени Орфей сдѣлався печальнымъ и
 ненавидящимъ женѣ удалился въ пустыню,
 гдѣ пою же пріятностію пѣнія и лиры,
 съ начѣла всякаго рода звѣрей къ себѣ при-
 влекалъ, такъ, что они оставляя свою
 природу, и позабывъ гнѣвъ или свирѣ-
 постъ, не будучи побужденіями страсти
 усремлены, ниже жадность насытитъ,
 и добычи больше желать не стараясь, на
 театрѣ его обступали смиренными и ласко-
 выми межъ собою сдѣлавшись, и только
 гласа лиры слушая. И сего не довольно;

но поликую силу музыка его имѣла, что и
лѣса двигала, да и самые камни, такъ, что
и они переносились, и мѣста свои около
его надлежащимъ образомъ и порядкомъ
располагали. Сіе когда до времени ща-
спливо и съ великимъ удивленіемъ уда-
валось; на конецъ Фракійскія женщины
будучи пьяны надули въ первые рогъ, шип-
ко и ужасно звенящій, отъ чего по при-
чинѣ шуму, звуку музыки слышать нель-
зя было: Наконецъ по разрушеніи силы
связывавшей все сіе собраніе, началось воз-
мущеніе, всѣ звѣри почувствовали свою
природу и одинъ на другаго устремился;
да и камни и лѣса не оспались на своихъ
мѣстахъ. А самъ Орфей на конецъ отъ
женъ въ бѣшенство пришедшихъ разорванъ
и разбросанъ по полямъ; по причинѣ ко-
его смерти въ знакъ печали Геликонъ (рѣ-
ка посвященная музамъ) съ негодованіемъ
сокрылъ воду подъ землю, и на другихъ
мѣстахъ сизнова открылъ. Кажется, что
толкъ басни есть сей. Двойкое есть пѣніе
Орфея одно для умилоствленія пѣней,
другое для привлеченія звѣрей и лѣсовъ. Пер-
вое къ натуральной, второе къ нравоучи-
тельской и гражданской философіи весьма хо-
рошо относится. Ибо дѣло натуральной
Философіи превосходное есть самое воз-
становленіе и возобновленіе вещей подвер-
женныхъ порчѣ и (сегожъ сдержанія какъ
бы меньшія степени) сохраненіе пѣлъ въ
своемъ

своёмъ состояніи и отдаленіе разрушенія и порчи. Сіе естли въ точности можетъ быть, то конечно не другимъ образомъ какъ чрезъ должныя и порядочныя натуры сложенія, какъ бы чрезъ согласіе лиры, и вѣрныя средства. Однако поелику сіе дѣло шруднѣе всѣхъ и для того исполненіе часто не удается; и то (какъ и вѣроятно) больше не по другой причинѣ какъ по любопытному и безвременному старанію и неперпѣливости. И такъ Философія столь великое дѣло произвестъ не въ состояніи; и по тому справедливо въ печали обращается къ дѣламъ человѣческимъ и совѣтомъ и краснорѣчіемъ ввѣдряя любовь къ добродѣтели, справедливости и тишинѣ дѣлаетъ то, что люди собираются въ единое мѣсто, принимаютъ законы; подвергаютъ себя властямъ и позабываютъ неукротимыя свои страсти, пока правила и ученіе слушаютъ и повинуются: отъ чего въ скоромъ времени созидаются зданія, строятся грады; поля и сады насаждаются деревьями; такъ что не безъ причины сказано, что камни и лѣса созываются и переносятся. И сіе попеченіе о гражданствѣ, правильно и порядочно полагается по прилѣжномъ отвѣдываніи опыта возставлять смертное тѣло и на конецъ не удачнаго: Поелику неизбѣжная необходимость смерти ясно предложенная ободряетъ лю-

дей къ снисканію вѣчности заслугами и славою имени. Такъ же благоразумно въ басни придано, что Орфей женѣ и женидѣ бы ненавидѣлъ, по тому, что свадебныя услажденія и любовь къ дѣтямъ часто людей отъ славныхъ и великихъ къ обществу заслугъ отвращаютъ, когда они почитаютъ, что для полученія безсмертія довольно одного распространенія (рода) а не дѣла. Да и самыя премудрости дѣла, хотя человѣческія дѣла превосходятъ, но и они свои предѣлы имѣютъ. Ибо, случается, что по цвѣтущемъ чрезъ нѣскольکو времени соспояніи государствъ и обществъ, раждаются возмущенія, бунты и войны; между шумомъ коихъ вопервыхъ умолкаютъ законы, и люди къ испорченной своей природѣ возвращаются; на конецъ на поляхъ и въ городахъ зрится опустошеніе. И въ семъ соспояніи скоро (еслии сіи бѣшенства продолжались) и науки и Философія конечно упадаютъ: такъ, что только остатки на не многихъ мѣстахъ какъ бы обломки разбилаго корабля находятся и грубыя времена наступаютъ; сокрываются подъ землю воды Геликона, и по должной вещи перемѣнѣ, еслии не на тѣхъ мѣстахъ, то въ другихъ сторонахъ источаются и произтекаютъ.

IX.

Небо или Начáло

Говорятъ Пійты, что небо было прежде всѣхъ Боговъ, и что сынъ его Сатурнъ части способныя къ рожденію у него серпомъ отрѣзалъ. А самъ хотя и много рождалъ, но сыновъ пожиралъ всегда: наконецъ Юпитеръ погибели избѣгъ, и выросши, отца своего Сатурна въ шаршаръ низвергнулъ и воспріялъ царство; при чемъ и дѣпородные уды у отца шѣмъ же самымъ серпомъ, которымъ онъ у неба, отрѣзалъ, и бросилъ въ море отъ чего родилась Венера. А послѣ за царствованіемъ Юпитера, которое онъ едва укрѣпилъ, послѣдовали два достопамятныя сраженія. Первое сраженіе было произведено Титанами, коихъ прогнать особливо прилагало стараніе солнце (которое одно изъ числа Титановъ держало сторону Юпитера): второе, произвели Исполины, но они молніею и оружіемъ Юпитера низвержены; по усмиреніи коихъ Юпитеръ царствовалъ спокойно. Кажется, что баснь сія есть загадка о началѣ вещей, и не много отлична отъ той Философіи, которую послѣ принялъ Демокритъ. Который всѣхъ открытѣе утверждалъ, что матерія есть вѣчна, а міръ не вѣченъ. Въ чемъ нѣсколько ближе къ истиннѣ священнаго писанія подошелъ: поелику онъ полагаетъ, что, прежде се-

мидневныхъ созданій была неуспроенная матерія. Смыслъ басни есть сей. Небо есть выпуклость или кругъ содержащій матерію; а Сатурнъ есть самая матерія, которая всю произвожденія силу у родителя своего опнимаетъ. Ибо величина матеріи всегда есть равна; и самое природы количество ни увеличиться ни уменьшиться не жоветъ. А возмущенія и движенія матерій, съ начала не совершенныя и не складныя вещей связи произвели, какъ бы опыты міровъ: попомъ съ печеніемъ вѣка произошло такое спроеніе, которое бы расположеніе свое защищать и сохранять могло. И такъ первое вѣка раздѣленіе чрезъ царство Сатурна означенно, которой по причинѣ частыхъ разрушеній, и недолговременности, пожравшимъ своихъ сыновъ почитается: а въ поргѣ, чрезъ царствованіе Юпитера, кой безпрерывныя сіи и непостоянныя перемѣны въ шаръ низвергъ; которое мѣсто возмущеніе означаетъ. Кажется, что сіе мѣсто есть средина между нижнею часпію неба и внутренностію земли; въ коемъ разспояніи наибольше находится нестройность, ломкость и разрушеніе или порча. И во время пребыванія первѣйшаго онаго произведенія вещей, которое было въ царствованіе Сатурна, Венера не родилась. Поелику когда во всей матеріи несогласіе большее и сильнѣйшее было согласія,

то необходимо должно было послѣдовать перемѣнѣ и въ цѣломъ строеніи. Такія произведенія вещей до низверженія Сатурна находились. Когда же сіе произведеніе кончилось слѣдовало другое, Венерино; когда, возрасло и усилилось согласіе вещей такъ, что перемѣна только по частямъ происходитъ безъ нарушенія цѣлаго состава: однако говорятъ, что Сатурнъ только низверженъ, а не убитъ и совсѣмъ не истребленъ. Ибо Демокритъ думалъ, что миръ въ древнюю нестройность обратиться можетъ: о чемъ Лукрецій просилъ, чтобъ сіе не случилось въ его времена.

„Что отврати отъ насъ, фортуна міра Царь!

„Устрой по разуму, къ концу стремишься шварь.

Но и когда миръ въ своей величинѣ и силѣ спалъ, и тогда съ самаго начала не было покойно. Ибо во первыхъ послѣдовали достопамятныя произшествія въ небесныхъ странахъ, кои владѣющею надъ небомъ силою солнца такъ усмиренны, что состояніе міра сохранено: Послѣ такимъ же образомъ въ нижнихъ странахъ, чрезъ наводненія, непогоды, вѣтры и землетрясенія по большей части всеобщія, по укрощеніи и истребленіи коихъ, спокойнѣйшее и долговременнѣйшее вещей началось согласіе и тишина. По справедливости о сей баснѣ можно сказать, что баснь содержитъ въ себѣ Философію, и паки

Философія содержитъ вѣ себѣ баснь. Ибо (изъ священнаго писанія) извѣстно, что сіе все есть не что иное, какъ смыслъ давно ужѣ умолкшихъ и преставшихъ прореченій: поелику вѣ немѣ матерія и строеніе міра по самой справедливости относятся къ создателю.

X.

Протей или Матерія.

Сказываютъ Пѣицы, что Протей у Нептуна былъ пастухомъ вѣ старости, и будучи припомъ превосходнымъ и превеликимъ предсказателемъ. Поелику онъ не только будущее, но и прошедшее и настоящіе такъ зналъ, что кромѣ предсказаній всѣ древности и всѣ тайны рассказывалъ и изъяснялъ. А жилъ онъ вѣ великой пещерѣ. Тамъ онъ обыкновенно вѣ полдень свое стадо морскихъ телятъ (Phocæum) щипалъ, а потѣмъ ложился спать. Кшождъ его помощи вѣ чемъ либо искалъ, потѣмъ не инако у него желаемое получалъ, какъ перчатками его поймавъ и оковавъ вѣ оковы. Напротивъ чего онъ для освобожденія своего, во всѣ виды чудовища, огонь, воду, звѣри обыкновенно превращался, пока на конецъ прежней видъ принималъ. Кажется, что баснь сія надлежитъ къ тайнамъ природы

роды и состоянія матеріи. Ибо подѣ видомѣ Протеея представляется древнѣйшая всѣхъ вещей по Богѣ Матерія. Сія Матерія подѣ выпуклостію неба, какъ бы въ пещерѣ обитаетъ. А у Нептуна рабомѣ есть потому, что все дѣйствіе Матеріи и сила проспирается къ жидкостямъ. А скотъ или стадо Протеея кажется есть нечто иное, какъ обыкновенные виды животныхъ, растеній, и металловъ, въ коихъ Матерія изливается и какъ бы истощается; такъ что по изображеніи и совершеніи сихъ видовъ (какъ бы исполнивъ долгъ) кажется, что она спитъ и покоится, и какъ бы уже больше ни отвѣдываетъ ни приготавливаетъ ниже замышляетъ о другихъ видахъ. И сіе значитъ Протеево исчисленіе скота и попомѣ сонъ. Но говорятъ, что сіе бываетъ въ полдень, а не поуспру или въ вечеру, то есть, когда уже придетъ дозрѣлое и какъ бы правильное время къ совершенію и произведенію видовъ изъ Матеріи такъ, какъ уже изъ приготовленной и предрасположенной и сіе время есть среднее между основаніями производимыхъ видовъ и ихъ наклоненіями; какое, какъ намъ изъ священнаго писанія извѣстно, было при самомъ созданіи. Ибо тогда силою оною Божія слова (да произведетъ) Матерія по повелѣнію создателя, безъ всѣхъ околичностей, вдругъ стеклась, и дѣло свое въ

дѣйство изобильно произвела, и составила виды. Баснь и по сіе время повѣствованіе свое о Пропеѣ вольномъ и разрѣшенномъ съ своимъ скотомъ повѣствуетъ. Поелику всѣхъ вещей съ порядочными видовъ составами и строеніями Матерія не стѣсненна или покорена равно и не изъ числа матеріальныхъ видовъ. И естли какой искусной Физикъ станетъ насиловать, и сжимать Матерію, какъ бы съ симъ самымъ намѣреніемъ и умысломъ, чтобъ ее преобразить въ ничто: то она напрошивъ (поелику обращеніе въ ничто и истинное разрушеніе, неизиначе какъ чрезъ всемогущество слова Божія спасться можетъ) находясь въ такой нуждѣ въ удивительныхъ вещей премѣненія и изображенія превращается: такъ, что на конецъ превращается въ кругъ, наполняетъ круглость, и какъ бы возобновляется, естли сила продолжится. А способъ прижимать или связывать матерію легкой будетъ; естли ея ловить въ перчаткахъ, то есть, чрезъ наружность. Что же въ баснѣ придано, что Пропей былъ Пророкъ и зналъ при времена, сіе очень сходно съ природою Матеріи. Потому что, желающій знать Матеріи спрдація и дѣйствія не опмѣнно долженъ знать связь и сокращеніе вещей созданныхъ, сущихъ, и имѣющихъ бытъ, хотя не простирая познанія къ частямъ и единствамъ.

XI.

Мемнонь или Скоропостижнѣй.

Пишутъ Пѣишы, что Мемнонь былъ сынъ Авроры. Онъ имѣя знашное оружіе, и будучи въ народѣ прославляемъ вступилъ въ Троянскую войну и къ величайшимъ предметамъ спремься и поспѣшая, съ храбрѣйшимъ изъ Грековъ Ахиллесомъ вышелъ на поединокъ и отъ него убитъ. Юпитеръ сжалившись надъ нимъ для украшенія его погребенія возбудилъ птицъ безпрестанно печально и жалостно поющихъ; сказываютъ, что и спаянуя его, когда касались ея солнечные лучи, обыкновенно издавала томный стонъ. Кажется, что сія баснь надлежитъ къ несчастнымъ слѣдствіямъ самыхъ надежнѣйшихъ юношъ. Ибо они какъ бы сыны Авроры кичась пустымъ и наружнымъ видомъ, отваживаются на то, что превышаетъ ихъ силы, и мужественнѣйшихъ Героевъ раздражая пребудутъ поединка и съ неравнымъ схватясь убиваемы погибаютъ; но за смертію ихъ обыкновенно послѣдуетъ безконечное сожалѣніе: поелику никакая смертныхъ судьба столь не достойна оплакиванія, и не сильна къ возбужденію соболѣзнованія, какъ мужества цвѣтъ безвременно увядшій. Поэтому, что ниже первой возрастъ довольно и до зависти не продолжился, которая бы печаль о смерти умягчить

или сожалѣніе умѣришь могла; но и плачевные гласы и стоны не только по подобію оныхъ при погребеніи бывшихъ птицъ струбы ихъ облетаютъ, но сіе сожалѣніе долго продолжается и пребываетъ: наибольше, случемъ новыхъ произшествій и начинаній великихъ дѣлъ какъ бы упренными солнечными лучими, сожалѣніе оныхъ возобновляется.

ХІІ.

Тифонъ или Сатіа.

Изрядную баснь повѣствуютъ о Тифонѣ чповѣ него влюбленна была Аврора, которая желая съ нимъ бытъ на всегда просила Юпитера, чпобы Тифонъ никогда не могъ умереть, но по женскому легкомыслию позабыла въ прошеніе свое включить, шгоо чпобѣ онъ и не старѣлся. И такъ онъ сдѣланъ безсмертнымъ, но старость послѣдовала и удивительная и доспояная сожалѣнія, какой должно бытъ шгоо, крему смерти нѣтъ, а лѣта непрестанно увеличиваются; такъ что Юпитеръ сжалившись надъ таковою его участію превратилъ его на конецъ въ кузнечика. Кажется, что сія баснь есть разумное и прекрасное описаніе роскоши; которая съ начѣла какъ бы въ упреннее время, споль

прі-

приятна, что люди желаютъ, дабы удовольствія сіи пребыли съ ними вѣчно и не отбемлемо, не воображая приближающейся скучной старости. Такъ, что на конецъ когда роскоши оставляютъ, а желаніе, и страсти не истребляются, то обыкновенно бываетъ, что таковые люди только рѣчи и воспоминаніями того, что имъ чрезъ цѣлую жизнь удовольствіе приносило, увеселяются. Что мы въ похотливыхъ и военныхъ людяхъ видимъ, когда первые изъ нихъ безстыдныя рѣчи, а послѣдніе свои знатныя дѣла рассказываютъ, на подобіе кузнечиковъ, коихъ вся сила въ одномъ только голосѣ.

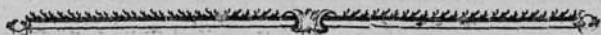
ХІІІ.

Женихъ Юноны или Непристойность.

Говорятъ Пійты, что Юпитеръ для удовольствованія своей отрасти превращался во многіе и разныя виды, какъ то въ быка, орла, лебедя, златой дождь; когда же склонялъ Юнону, то превратился въ весьма подлой и какъ въ презрѣннѣи такъ и въ посмѣяннѣи находящійся видъ. Сей видъ былъ бѣдной кукушки дождемъ и непоудою измоченной, испужанной, дрожащей и полумертвой. Расумная баснь и изъ самыхъ внутреннѣйшихъ расположеній взята. А смыслъ ея такой, дабы люди не

не съ лишкомъ о себѣ думали, почитая что признакъ ихъ добродѣтели можетъ для нихъ у всѣхъ пріискати ураженіе и милость. Поелику сіе удастся по натурѣ и нравамъ тѣхъ, коихъ они избираютъ и почитаютъ, кои естли бывающъ люди, никакими дарованіями и украшеніями не одаренные, но только имѣютъ гордой разумъ (что подъ видомъ Юноны представляется) то тогда узнаютъ, что они во все должны оставить потъ видъ, который излишнюю красу и достоинство показываетъ, и что они безумствуютъ шествуя другимъ пушемъ и что недовольно того, что они подлую повиновенія услугу оказываютъ, естли не превратятся совершенно въ подлой и опмѣнной видъ.

XIV.

Купидонъ или несѣкомое.

Все что Піимы о Купидонѣ или любви говорили къ одному лицу собственно приличествовать не можетъ: однако различіе ихъ такое, что збивчивость лицъ опмѣтается, а подобіе пріемлется. Сказываютъ, что любовь была прежде всѣхъ Боговъ, слѣдовательно и прежде всѣхъ вещей; выключивъ Хаосъ котораго почитаютъ ей современнымъ. Но древніе ему никогда не приписывали божеской

ни чести ни имени. А о оцѣ любви
 вовсе не говорятъ, кромѣ, что нѣкто-
 рые полагаютъ, что отецъ его былъ
 яйцо ноци: свойствъ ему приписываютъ
 числомъ чепыри, т. что онъ на всегда мла-
 денецъ, слѣпый, нагій и стрелѣцъ; была
 такъ же нѣкоторая другая любовь млад-
 шая изъ всѣхъ Боговъ, сынъ Венеры, кое-
 му и древнѣйшей любви свойства припи-
 сываются, и нѣкоторымъ образомъ приличе-
 ствуютъ. Сія баснь надлежитъ къ началу
 природы. Кажется, что любовь сія есть
 склонность или стремленіе первой мапе-
 ріи, или (яснѣе сказать) движеніе природ-
 ное несѣкомыхъ. Ибо сія есть оная древ-
 нѣйшая и единая сила, которая все изъ
 маперіи составила расположила и изобра-
 зила. Она конечно не имѣетъ отца, по есть,
 причины. Поелику причина есть какъ
 бы родитель дѣйствія: а сей силы не мо-
 жетъ быть ни какая причина въ природѣ
 (ибо Бога я всегда исключаю.), потому, что
 нѣтъ ничего ея первѣе; и слѣдовательно
 причины дѣйствующей она никакой не
 имѣетъ: и нѣтъ ничего въ природѣ ея
 извѣстнѣе, слѣдовательно нѣтъ ея ни ро-
 да ни вида; почему какая она ни есть, есть
 положительная и нечувствительная. И хо-
 тя бы ея способъ и произшествіе знать
 можно было: однако по причинѣ знать
 не льзя; поелику она по Богѣ есть при-
 чина причинѣ, не имѣя сама причины. мо-
 жетъ

жетъ быть, не надобно думать, что способъ ея человѣческому понятію представишь или понять можно; и такъ справедливо вымышлено яйцо отъ ночи произшедшее; но Божественный Философъ такъ говоритъ. Все прекрасно создалъ во времена свои, и міръ оставилъ ихъ разсужденіямъ однако такъ, что человѣкъ не можетъ узнать, что Богъ дѣлалъ съ начала даже до конца. Ибо верховной закою естества, или сила сего Купидона влѣтъ отъ Бога въ первыя частицы вещей къ совокупленію, изъ повпоренія котораго всѣ различныя вещи выходятъ и соспавляются: сіе разсужденіе человѣческое поразить можетъ но понятю быть имъ едва можетъ. Правда, что Философія Греческая въ снисканіи матеріальныхъ началъ вещей очень испытна и прилѣжна; но напротивъ того въ началахъ движенія, (въ коихъ вся сила дѣйствія состоитъ) не рачительна и слаба. А въ сей матеріи, о которой я говорю совсѣмъ слѣпотствуетъ и полико болтаетъ: поелику Перипатетическое мнѣніе о возбужденіи Матеріи, чрезъ лишеніе или недостатокъ почти не далѣе словъ простирается, и о самомъ дѣлѣ больше говоритъ, нежели его означаетъ. А опносящіе сіе къ Богу, правда что не худо дѣлаютъ, но скакомъ а не постепенно восходятъ, поелику безъ сомнѣнія есть одинъ и верховный законъ, по копо-

ро-

рому естество занимая мѣсто Бога поступаетъ: то самое, которое въ вышшемъ текстѣ сими словами показывается. Дѣло которое творилъ Богъ съ начала даже до конца. Демокритъ же понявъ дѣло обстоятельнѣе сдѣлавъ несѣкомое имѣющимъ нѣкоторое, размѣреніе и видѣ одного Купидона, или первое движеніе ему просто приписалъ, и изъ сораваенія и другаго. Ибо онъ думалъ, что все собственно должно стремиться къ центру міра, и что имѣетъ больше матеріи, стремится скорѣе къ центру, имѣющее оной меньше оппоргаеица и гонится въ противную сторону. Но размышленіе сіе было не доспаочно и содержало въ себѣ меньше нежели надлежало. Ибо кажется, что ни обращеніе небесныхъ шѣлъ, ни сокращенія и распросраненія вещей къ сему началу привести и приложитъ не можно. А мнѣніе Эпикура о склонности несѣкомыхъ и случайномъ движеніи въ пустословіе, смѣхъ и незнаніе вещи обращено. И такъ гораздо больше нашего желанія извѣстно то, что Купидона сего покрываетъ ночь. И такъ разсмотримъ теперь о его свойствахъ; прекрасно представляется Купидонъ подѣ видомъ маленькаго, и вѣчнаго младенца; ибо сложенные существа суть огромнѣйшія существа, и по лѣтамъ премѣняются; а первыя вещей начала или несѣкомые, суть тончайшіе. и пре-

пребываютъ въ вѣчномъ младенствѣ; такъ же и то самая истинна, что Купидонъ нагъ: поелику, кто порядочно размышляетъ, для того конечно, все сложенное имѣетъ только видъ, и одѣто, а собственно ничего нагаго нѣтъ, кромѣ первыхъ вещей частицъ. Премудро иносказательнымъ образомъ представляется Купидонъ слепымъ. Ибо Купидонъ сей какой быто онъ ни былъ, кажется, что очень мало имѣетъ прозорливости; но по ближайшему къ себѣ, чувствуемъ, что онъ ступаетъ и движется; по подобію слѣпыхъ, осязая; чемъ больше достойно удивленія провидѣніе Божіе, что изъ вещей со всѣмъ не имѣющихъ разума, и какъ бы слѣпыхъ, по извѣстному и непремѣнному закону, сей порядокъ и красоту вещей выводитъ. Послѣднимъ свойствомъ почитается, что онъ спрѣлецъ, то есть, что сія сила такова, что простираетъ свои дѣйствія къ отдаленнымъ вещамъ. По тому, что простирающее свои дѣйствія, къ отстоящимъ, какъ бы спрѣлу пускаетъ: а всякъ признающій несѣкомыхъ, и пустое мѣсто, хотя бы полагалъ, что сія пустота смѣшанная а не отдѣленная, не обходимо признаетъ несѣкомыхъ силу стремящуюся къ отстоящимъ существамъ: поелику сію силу отнявъ не могло бы произведено быть ни какое движеніе, по причинѣ включенной пустоты; но все бы

пре-

спупленіе до времени было для него безъ наказанія , и онъ произведши войну со славою непобѣдимымъ возвратился въ отечество ; гдѣ внутреннія беспокойства испытавъ , удалился въ Италію. Правда , что и тамъ съ начѣла онъ былъ довольно щастливъ , и Государь Давнъ его принялъ , одарилъ , и многіе спатуи въ оной спранѣ ему воздвигнуты. Но при первомъ нещасіи , приключившемся народу пришло на мысль Давну , что онъ въ отечество свое впустилъ челоуѣка беззаконнаго , ненавистнаго Богамъ , и богопропивника нашедшаго съ мечемъ и уязвившаго Богиню , коей и при коснушья щипалось за преступленіе. И такъ для освобожденія своего отечества очистительною жертвою , презрѣвъ право госпопріимства , а предпочпя право благочестія первѣйшимъ , повелѣлъ Діомиду голову опрубить и спатуи низвергнуть и сокрушить. Да и сожалѣть о толико важномъ приключеніи было не безопасно , поелику и споварищи его , когда оплакивали его смерть и на полняли все жалостными спонами , превращены въ лебедей , кои также предъ своею смертію пріятный нѣкоторый и плачевный испускаютъ спонъ. Сила сей басни рѣдкая и опмѣнная. Поелику ни въ одной басни не написано , чтобы какой Герой , кромѣ Діомида какого либо Бога мечемъ поразилъ. И безсомнѣнія можно думать , что баснь

въ

вѣ видѣ его изобразила образъ такого чело-
вѣка и щастія, который нарочно сей пред-
мѣтъ своихъ дѣйствій полагаетъ и предо-
предѣляетъ; дабы на богопочтеніе нѣко-
торое или секту вѣры ш. е. пустую, и
маловажную насильственно и съ воору-
женною рукою напасть и повергнуть. Ибо
хотя кровопролитные благочестія раздоры
древнимъ не извѣстны были; (поелику
языческіе боги поревнованія (zelotypia), ко-
торое есть свойство истиннаго Бога не
имѣли), однако мудрость первыхъ вѣковъ
толь велика была, что древніе чего на са-
момъ дѣлѣ не видѣли, то разсужденіемъ,
и представленіями понимали. И такъ шѣ,
кои какую нибудь секту, ш. е. пустую,
и скверную (что означенно подѣ видомъ
Венеры) не силою разума и ученія, не
святостію жизни и не важностію вели-
кихъ примѣровъ, исправить и очистить,
но мечемъ и огнемъ, и же спокою
казнію искоренить и испребить тщася:
побуждаются, можетъ быть, къ сему Пал-
ладою, то есть, спрогимъ нѣкопо-
рымъ благоразуміемъ и разсужденіемъ,
коихъ силою и дѣйствительностію или
проницаніемъ таковыхъ заблужденій об-
маны, и умыслы совершенно усматрива-
ютъ: и по ненависти къ развратному, и
по доброй ревности, до времени великую
славу получаютъ, и отъ простолюди-
мовъ (коимъ ничто умѣренное не мо-
жетъ

жесть быть пріятно) какъ особливые истинны и благочестія защитники (когда прочіе медленными и боязливými кажутся) почитаются, и почти обожаются. Однако сія слава, и щастіе рѣдко пребываетъ до конца: но всякая почти наглость, естли скорой смертной превратности или взаимности вещей не избѣжитъ, при окончаніи бываетъ несчастна. Поелику естли случится, что состояніе таковое переменится, и секта она разоренная и угнѣбенная получитъ силы, возобновится, и возвысится, то тогда таковыхъ людей ревность и старанія бывають обвиняемы, самое имя въ ненависть, и всѣ ихъ чести въ посмѣяніе на конецъ преображаются. Что же касается до того, что Діомидъ убитъ хозяиномъ; то сіе къ тому надлежитъ, что раздоръ въ законѣ даже и межъ самыми лучшими друзьями производитъ коварства и предательства; а что не только не позволено сожалѣть и оплакивать, но даже и наказанію томъ былъ подверженъ, кто имѣлъ сожалѣніе; сіе означаетъ, что всякое почти беззаконіе производитъ въ людяхъ сожалѣніе такъ, что и ненавидящіе преступленій по чловѣчеству соболѣзнують о бѣдствіяхъ обвиненныхъ; величайшее же изъ золъ есть, когда соболѣзнованіе запрещается. И такъ когда дѣло идетъ до закона и злочестія, то и самое сожалѣніе людское замѣчаютъ

и въ подозрѣніе берутъ. На противъ же поварищи Діомидовы, по естѣ, люди той же секты и мнѣнія, обыкновенно произносятъ свои жалобы и оплакиванія очень хипро и громко по подобію лебедей, птицъ Діомидовыхъ; въ чемъ и та часть Аллегоріи преизрядна; что спрадающихъ за благочестіе голосъ предъ смертію, какъ бы лебединья пѣнія, удивительно преклоняетъ человѣческія сердца, и впечатлѣвшись въ ихъ память и чувства чрезъ должайшія времена пребываетъ.

XVI.

Ериктоній или обманъ.

Баснословствуя о стихотворцѣ, что Вулканъ попревожилъ было стыдливость Минервы, и любовію будучи воспаленъ употребилъ насиліе, и въ самой борбѣ испустилъ на землю сѣмя, изъ котораго родился Ериктоній, кой (въ разсужденіи вышшихъ частей) имѣлъ красивой и пріятной пѣла составъ, а лядвія и голени на подобіе ящерицы непригожія скаредныя и гнусныя: копорую гнусность самъ въ себѣ чувствуя первой употребленіе колѣсницъ изобрѣлъ, дабы пригожія пѣла части были видны, а скверныя прикрыты. Кажется, что сія удивительная баснь имѣетъ слѣдующій толкъ: искусство (подъ видомъ Вулкана по при-

чинѢ различнаго употребленія огня пред-
спавляемое) сколько бы ниспаралось чрезѢ
всякія тѢлѢ мученія, природы силу по-
бѢдить и (покорить природа подѢ видомѢ
Минервы, за раченіе вѢ дѢлахѢ предсав-
ляется), однако желаемаго предмѢта рѢдко
достигае тѢ; и чрезѢ великое усиліе и спа-
раніе (какѢ бы борьбу) между тѢмѢ произ-
ходятѢ порожденія несовершенныя, и дѢ-
ла нѢкоторыя недоспащныя, взглядомѢ
пригожія, но для употребленія слабыя, и
негодныя; однако обманщики ихѢ вѢ вели-
комѢ и обманчивомѢ уборѢ показывають и
какѢ бы сѢ торжествомѢ вездѢ возятѢ. Какія
почти очень часто можно видѢть между
произведеніями химическими и спонкостѢ-
ми и новостѢми механическими; особливо
когда люди сѢ большею охотою предпрія-
тіе продолжая, нежели заблужденія свои
оставляя, больше борюся сѢ естествомѢ,
нежели сѢ должнымѢ повиновеніемѢ и по-
чтеніемѢ вѢ его обящтіе спремьяся.

XVII.

ДеукаліонѢ или постащленіе.

ПовѢствуютѢ Піипы, что по совершен-
номѢ изспребленіи чрезѢ потопаѢ пре-
жняго свѢта жителей, когда остались одни
только ДеукаліонѢ и Пирра, кои священ-
нымѢ желаніемѢ пылали возобновить родѢ
чело-

человѣческой, по послѣдовало имѣ такое прореченіе: вы получите желаемое, естли взявѣ матернія кости бросите за себя: что сѣ начѣла великую печаль и опчаяніе вѣ нихѣ произвело. Поелику по причинѣ заглажденія всѣхѣ вещей попомѣ, сыскапѣ гробѣ дѣло было невозможное; но наконецѣ разумомѣ дошли, что оракулѣ имѣ сказалѣ о земныхѣ камняхѣ (поелику земля щипается матерію всего). Кажется, что сія баснь открываетѣ тайну естества, и исправляетѣ заблужденіе людямѣ свойственное; понеже не просвѣщенные люди думаютѣ, что возобновленіе и воспавленіе вещей можетѣ произведено бытѣ изѣ ихѣ же исплѣнія и остатковѣ (какѣ Фениксѣ изѣ своего собственнаго пеплу), что никакѣ не возможно, поелику сіи матеріи совершили ужѣ свой путь и кѣ начинанію совсемѣ неспособными сдѣлали. И такѣ сіе надобно опнестѣ кѣ началахѣ вышшимѣ общимѣ.

XVIII.

Немезисѣ или препратностьѣ щещей.

Утверждаютѣ, что Немезисѣ была Богиня, опѣ всѣхѣ почищаемая и наводящая страхѣ какѣ великимѣ такѣ и находящимся вѣ покровительствѣ щастія людямѣ: говорятѣ, что она была дочь

Ночи и Океана. А изображаютъ ее такъ :
 съ крылами , въ коронѣ и имѣющею въ
 правой кленовое копье , а въ лѣвой чашу ,
 въ коей были заключены Еѳіопы : и сидя-
 щую на еленѣ. Припѣча кажется такова ,
 самое имя Немезисъ довольно ясно озна-
 чаетъ мщеніе или воздаяніе ; поелику дол-
 жность и правительство сей Богини въ
 семъ состоитъ , чтобы во время поспоян-
 наго и непрерывнаго наслажденія блажен-
 ствующихъ , по обыкновенію народнаго
 Трибуна приходилъ и оное слово *запрещаю* ,
 произносилъ , и не только гордость нака-
 зывать , но и умѣренное и припомѣ безвред-
 ное щастіе премѣнять на нещастіе ; какъ
 будто бы такое обыкновеніе было , чтобы
 никого изъ смертныхъ не допускать къ
 пиршеству боговъ , развѣ только къ игра-
 лищу. По справедливости я читая оную
 Плинія главу , въ которой онъ нещастія и бѣд-
 ствія Августа Кесаря исчисляетъ , коего я
 щасливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ по-
 читалъ , которой и искусство нѣкоторое
 употреблялъ и наслаждался щастіемъ
 имѣлъ , и въ коего душѣ ничего надменнаго ,
 ничего легкомысленнаго , ничего нѣжнаго ,
 ничего смешеннаго и ничего меланхолическа-
 го не было (такъ , что нѣкогда добровольно
 рѣшился было умереть) сію Богиню великою
 и всемошною я почелъ , на коея олтарь
 таковая жертва была бы похищена. Роди-
 тели сея Богини были Океанъ и Ночь , по
 есть ,

есть, переменна вещей, и сокрытыя и тайныя Божія судьбы; поелику переменна вещей къ спашъ представляется подъ видомъ Океана, по причинѣ прилива и отлива: а сокровенное провидѣніе правильно изображается ночью. Поелику и язычники нощную оную Немезисъ примѣчали и познавали, потому что судь человеческій опъ божескаго весьма опличенъ былъ.

Богамъ угодно такъ: изъ рода Тевкровъ,
Мужъ честнѣйшій, поверженъ въ смертный ровъ.

А крылатою изображаютъ Немезисъ за нечаянное и непредвидимое превращеніе вещей; ибо сколько намъ извѣстно, то сіе почти обыкновенно, что великіе и разумные люди чрезъ то погибли, что они наибольше презирали. Маркъ Цицеронъ будучи освѣдомленъ опъ Деція Брута о невѣрности и зломъ умыслѣ Октавія Кесаря; только сіе опписалъ, я тебя любезный Брутъ по должности люблю, что ты о всѣхъ пустошахъ увѣдомить не преминулъ. Представляющъ еще Немезисъ въ коронѣ по причинѣ зависливой и злобной просаго народа природы: поелику когда щастливые и великіе люди упадаютъ, простой народъ величайшее чувствуетъ удовольствіе и сопѣшаетъ вънецъ Немезѣ. А копье въ правой рукѣ Немезы надлежитъ къ тѣмъ, коихъ она дѣйствительно поразила и проколола. А

пѣмъ, которыхъ несчастіемъ и злополучіемъ не угнѣтаетъ, показываетъ держимое въ лѣвой рукѣ ужасное и несчастное страшилище; ибо безъ сомнѣнія обращающія предъ глазами смертныхъ и на самую высочайшую степень возвышенныхъ, смерть, болѣзни, несчастія, вѣроломство друзей, и ухищренія непріятелей, превращенность счастья и подобное, какъ бы оныя Еѳіопы въ чашѣ: по справедливости Виргилій, описывая Акіаческое сраженіе прекрасно придаетъ о Клеопатрѣ.

Царица по среди въ опеческій рожокъ, созываетъ лишь спадъ, невидя позади себя толпы змѣиной.

И по немногомъ времени куда ни обращалась со всѣхъ сторонъ была окружена полками Еѳіоповъ. На конецъ разумно придають и то, что она сидитъ на еленѣ; понеже елень есть живописное весьма живучее; и можетъ быть, что тотъ, кого въ юношествѣ судьба похитила, Немезы предускоритъ, и избѣжитъ; а кому случится чрезъ долгое время быть въ счастья и достоинствѣ, тотъ безъ сумнѣнія подлежитъ и какъ бы поверженъ бываетъ Немезѣ.

XIX

Ахелой или сраженіе

Повѣствуютъ древніе, что когда Геркулесъ съ Ахелоемъ зачалъ спорить о свадьбѣ Деяниры, дѣло дошло до драки. То Ахелой различные и многіе виды оповѣдавъ (поелику сіе ему можно было сдѣлать) на конецъ въ видѣ свирѣпаго и рычащаго быка къ Геркулесу прибѣжалъ и пріуготовился къ брани; а Геркулесъ въ обыкновенномъ человѣческомъ образѣ, сдѣлавъ съ нимъ схватку; и дѣло вдругъ свершилось, и кончилось тѣмъ, что Геркулесъ одинъ рогъ быку сшибъ, онъ находясь при крайней болѣзни и будучи испуганъ для искупленія онаго своего рога, превратился въ прежній видъ и рогъ Амалтеи или изобилія Геркулесу подарилъ. Сія баснь надлежитъ къ военнымъ дѣйствіямъ; ибо пріуготовленіе войны со спорной защищающейся (подъ видомъ Ахелоя представляемое) бываетъ различное и многообразное. По тому, что нападающая сторона имѣетъ одинъ и простой видъ состоя изъ одного только войска или флота, а сторона ожидающая непріятеля въ своей землѣ, безконечное задумываетъ, то разоряетъ то ограждаетъ города, то народъ съ полей и деревень собираетъ въ города и замки, то строитъ и полагаетъ мосты, войска и провожатыхъ собираетъ

и раздѣляетъ; при рѣкахъ, приспаяхъ, проливахъ и лѣсахъ располагается и въ другихъ безчисленныхъ дѣлахъ обращается, такъ, что всякой день новые виды принимаетъ и на конецъ довольно укрѣпившись и снабдившись представляетъ видъ бодливаго быка. А наступающій принимается за войну и о семъ единственно спарается, опасаясь въ непріятельской землѣ скудости. А еслии удастся, что по сраженіи онъ будетъ побѣдителемъ, и какъ бы рогъ у непріятели сломитъ; тогда безъ сомнѣнія слѣдуетъ то, что непріятель будучи усрашенъ и потерявъ свое уваженіе, для распроспертія и умноженія своихъ силъ убѣгаетъ въ крѣпчайшія мѣста, и какъ города такъ цѣлыя стороны къ опустошенію и расхищенію побѣдителю оставляетъ, что по справедливости можно назвать рогомъ онымъ Амалтеи.

XX.

Діонисъ или похотливость.

Говорятъ, что Семелисъ Юпитерова наложница, обязавъ его ненарушимою клятвою къ неопредѣленному обѣщанію просила, чтобы онъ въ обѣщанія ея пришелъ такимъ, какимъ онъ обыкновенно приходитъ къ Юнонѣ: и такимъ образомъ она будучи имъ зажжена погибла.

бла. А младенца, коего она еще во чревъ
носила Юпиперъ взялъ и въ лядвію свою за-
шилъ до исполненія должныхъ младенцу
мѣсяцовъ; однако Юпиперъ отъ сего нѣ-
сколько храмалъ. И такъ отрокъ отъ по-
го, что будучи въ лядвіи Юпипера опяг-
чалъ и кололъ, имя Діониса получилъ, а по
рожденіи своемъ чрезъ нѣсколько лѣтъ вос-
питанъ былъ Прозерпиною; пришедши же въ
возрастъ, уста почти женскіе имѣлъ, такъ
можно было сомниться о его полѣ: онъ
также убитъ и погребенъ до времени и
не за долго послѣ воскресъ. И въ первомъ
юношесствѣ дѣланіе винограда, и слѣдо-
вательно составленіе вина, и употребленіе
первой изобрѣлъ и показалъ, чрезъ что сдѣ-
лавшись славнымъ и непобѣдимымъ, цѣ-
лымъ свѣтомъ овладѣлъ и прошелъ до
послѣднихъ границъ Индейскихъ: а ѣхалъ
онъ колесницею везомою пирами: около
его подскакивали гнусные демоны назы-
ваемые Кобалы, Акрапы (пѣянственныя ду-
хи) и другіе. Да и музы его проважали. Жену
онъ себѣ взялъ Аріадну оставленную отъ
Тезея; права ему посвящена была плющъ
haedera. Его припомъ почипали изобрѣта-
телемъ и учредителемъ Богослуженія и
обрядовъ, однако такихъ, кои были и бе-
зумны и полны скверности, а припомъ
и спроги. Онъ еще имѣлъ власть дѣлать
свирѣпыми. Говорятъ; что жены коснув-
шіяся его жертвенныхъ, растерзали двухъ
зна-

знапныхъ мужей, Пенгея и Орфея, когда первой изъ нихъ хотѣлъ взлѣзши на дерево посмотрѣть, что происходитъ и вторый когда игралъ на лирѣ. А дѣла сего Бога почти не разнятся отъ дѣлъ Юпитера. Кажется что сія баснь такъ къ нравамъ относится, что нѣтъ ничего ея превосходящаго въ нравоучительной Философіи. А описывается подъ видомъ Бахуса качество похоти, или страсти и смущенія. Поелику мать всякаго похотѣнія и самаго вреднѣйшаго, не иная есть, какъ желаніе ложнаго добра: а зараждается похоть всегда въ непозволенномъ желаніи безрасудно съ начала и немужественно допущенномъ. А когда уже страсть начнетъ свирѣпѣть, то мать ея (то есть природа добра) отъ излишняго жару разоряется и погибаетъ: похоть же пока еще незрѣетъ, въ душѣ чело-вѣческой, (которая есть ея мать и представляется чрезъ Юпитера) воспитывается и сокрывается, особливо въ нижшей части души какъ бы въ лядвѣ; и душу мучитъ, разоряетъ и угнѣщаетъ; такъ что разсужденія и дѣйствія ея терпятъ препятствіе и недоставки. Когдажъ получишь согласіе и способность, то начнетъ показываться и на дѣлѣ, однако до времени воспитывается у Прозерпины: то есть скрывается, и находится въ неизвѣстности, и какъ бы подъ землею, пока оп-вергъ узду стыда и страха, и возрастетъ дер-

дерзновеніе, или беретъ на себя видъ какой добродѣтели, или и самое безславіе презираетъ. И это очень справедливо, что всякая сильнѣйшая страсть, есть какъ бы сумнительнаго пола. Ибо стремленіе имѣетъ мужское а слабость женскую. Прекрасно такъ же представляется и Бахусъ воскресающимъ. По тому что они иногда кажутся совсѣмъ усмиренны, и умерщвленны, однако вѣрится имъ никакъ не должно, даже и тогда когда они уже какъ бы погребены; поелику они какъ только получаютъ матерію и случай вдругъ воскресають. Не меньше хороша притча и о изобрѣщеніи винограда: понеже всякая страсть есть разумна и проворна въ изобрѣщеніи своихъ поджогъ; а больше всего, что только людямъ извѣстнымъ учинилось вино къ возбужденію и возженію всякихъ возмущеній, есть самое сильнѣйшее, дѣйствительнѣйшее, и какъ бы общая пороковъ поджога. А покорителемъ провинцій и зачинщикомъ безконечныя войны преизрядно представляють его по тому, что онъ никогда не бываетъ доволенъ тѣмъ что имѣетъ, но съ безконечнымъ, и ненасытнымъ желаніемъ стремится далѣе и старается о новомъ; говорятъ также, что и Тигры у страстей стоятъ въ стойлѣ и бывають впрягаемы въ калесницу; По елику какъ только какая нибудь страсть начнетъ быть быстрою, какъ конь, а не

пихою-

тихою, какъ пешехондицъ, и торжествующею побѣдительницею разума, то вдругъ на все пропивающееся ей жестоко и неусмиримо свярѣпствуемъ. А что около его колесницы прыгаютъ смѣшныя демоны; сіе составляетъ веселую шупку. Понеже всякая страсть производитъ непристойныя нескладныя шуповскія и безобразныя движенія въ глазахъ, устахъ, и въ самомъ хожденіи, такъ что томъ, который въ какойнибудь спрасти какъ то, гнѣвъ, насмѣшкѣ, и любви кажется величественнымъ, другимъ представляется сквернымъ и смѣшнымъ. Видны такъ же и музы въ свитѣ спрастей. Потому, что нѣтъ почти ни одной спрасти, которую бы не одобряла какаянибудь наука, и въ семъ случаѣ снисхожденіе ученыхъ уменьшаетъ величество музъ, такъ что онѣ будучи должны бытъ вождями жизни, бывають у спрастей рабынями. А особливо хорошая аллегорія то; что Бахусъ влюбился въ ту, которую другой оставилъ. Поелику сіе очень извѣстно, что страсть къ тому спремится и избираетъ то, что опытъ отвергнулъ. Всѣ даже и раболѣпствующие своимъ спрастямъ и увеличивающіе до чрезвычайности цѣну вождѣленія, какъ то щастія, любви, славы, наукъ и прочаго, знаютъ, что они желаютъ то, что уже многими оставлено, во всѣхъ почти вѣкахъ опытомъ извѣдано, опрынуто и опорочено.

Кро-

Кроется тайна и въ помѣ, что трава плющъ была посвящена Бахусу. Понеже сіе двойное имѣетъ сходство. Первое, что плющъ и зимою зеленѣетъ, второе, что около поль многихъ деревъ, стѣнъ, и строеній онъ растетъ и обвиваясь возвышается. Что касается до перваго, то всякая страсть чрезъ сопротивленіе воспрещеніе и противныя обстоятельства, (какъ бы плющъ среди зимняго мороза) зеленѣетъ и усиливается. Второе, страсть приходя въ силу всѣ человѣческія дѣйствія и всѣ намѣренія, какъ плющъ окружающъ, къ онымъ соединяется, и вмѣшивается. Неудивительно и то, что суевѣрные обряды приписываются Бахусу, поелику всякая почти худая страсть свирѣпѣетъ въ суевѣріи: такъ же, что онъ насылаетъ бѣшенства. Понеже всякая страсть и сама въ себѣ есть краткое бѣшенство, и еслили сильнѣе настоитъ, и нападаетъ, то оканчивается безуміемъ. А расперзанный Пеншей и Орфей составляютъ ясную припчу. По тому, что сильная страсть и подробному разсмотрѣнію и добрымъ увѣщаніямъ есть великій непріятель. На конецъ смѣшеніе оное лицъ Юпитера и Бакха есть прекраснѣйшая пратча, поелику славныя и великія дѣла и значныя заслуги, иногда отъ добродѣтели, здраваго ума, и великодушія; а иногда отъ кроющейся страсти, и непримѣтнаго вадѣлѣнія (какъ бы они ни славились) про-

исходятъ; такъ, что трудно различить дѣла Бакховы отъ дѣлъ Юпитеровыхъ.

XXI.

Аталанта или Прибыль.

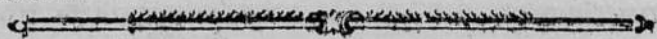
Аталанта имѣя превосходную скорость, спорила въ томъ съ Гиппоменомъ. Они положили договоръ, что естли Гиппоменъ побѣдитъ; то возметъ за себя Аталанту, а естли останется побѣжденнымъ; то долженъ умереть. Побѣда казалась несомнительною, поелику непреодолимая Аталанты въ бѣгѣ скорость была извѣстна по причинѣ многихъ уже гибели. И такъ Гиппоменъ прибѣгнувъ къ коварству, и приготовивъ три золотыя яблока взялъ оныя съ собою. Дѣло началось; Аталанта перегоняетъ; а онъ видя себя назади оставшимся, и вспомня свою хитрость, бросилъ передъ нее одно золотое яблоко, и не прямо, но въ сторону, чѣмъ бы ея остановить и съ пути совлечь; Аталанта женскою похотливостію поощряема и красотою яблока будучи прельщена оставяетъ предмѣтъ, бѣжитъ за яблокомъ и для поднятія онаго наклоняется. А Гиппоменъ между тѣмъ не малое разстояніе пробѣжалъ, и Аталанту перегналъ. Но она вновь природною скоростію потерю времени наградила, и стала перегонять; но Гиппоменъ въ другой и третій разъ

разъ ей помѣшательство сдѣлалъ, наконецъ хитростию а не скоростию, одержалъ побѣду. Кажется, что сія баснь пренатную представляетъ Аллегорію о сраженіи искусства съ природою; поелику искусство, чрезъ Апаланту означенное, собственною силою, естли ничто не помѣшаетъ и воспрепятствуетъ, гораздо проворнѣе природы, и какъ бы скорѣйшій имѣетъ бѣгъ, и скорѣе достигаетъ предмѣта. Сіе во всѣхъ почти дѣйствіяхъ видно; посмотри, что плодъ изъ ядра нескоро выходитъ, а естли посадить, то гораздо скорѣе, глина въ произведеніи камней не скоро, а въ дѣланіи кирпичей скоро твердѣетъ; такъ же и въ нравственныхъ, забвеніе болѣзней, и утѣшеніе долговременностию какъ бы природою получаютъ. А Философія, которая естъ какъ бы искусство жить, не ожидаетъ дня, но производитъ и представляетъ. Но сіе искусства преимуществво и сила къ безконечной вещи чловѣческихъ прапѣ златыми яблоками удерживаются: и нѣтъ ни одной науки ни искусства, которое бы истинное и правильное свое теченіе къ надлежащему концу, какъ бы къ цѣли, постоянно приводило; но всегда искусство начатое прерываетъ, опмечаетъ, и на подобіе Апаланты склоняется къ корысти и прибыли.

Путь надлежащій оставлешъ,
Златое яблоко хватаешъ.

И такъ ни мало не удивительно, что искусству не удалось побѣдить природы и побѣдивъ по здѣланному уговору угнѣсть или разрушить; но прошивное, чтобъ искусство было во власти природы, и какъ сочетанная жена своему супругу повиновалась.

XXII.

ИЗЪ ОРФЕЯ

Гимнъ о Богѣ.

Возвращаю правымъ! и да заключатся двери отъ непросвѣщенныхъ и всѣхъ подобныхъ имъ: внемли о муза свѣтоносная луны порожденіе! изреку бо истинну, не отыму любезнаго предзрѣнія въ грядущіе вѣки, прежде душою своею ощущаемаго. Вникая въ Божественное слово присѣди ему, внимай правотѣ души, и шествуя благою стезею зри Владыку міра.

Единъ бо есть саморожденъ, изъ него единого вся создашася. Онъ во всемъ обращается; и ни ктоже изъ смертныхъ можетъ зрѣть его; ему же вся суть видима. Онъ есть даяй изъ благихъ злая смертнымъ, брань ужасную, и скорби плачевныя. И нѣсть инаго кого. Узришь свободно все сіе, ежели увидишь его прежде сошествія его на землю. Сыне! Предложу тебѣ о немъ, когда узрю сабды его и руку крепкую державнаго божества. Самаго же не возмогу ни какъ узрѣти. Обстоятъ бо Его окрестъ облаки; оппусти мнѣ! ибо

чело-

человѣкамъ предстоятъ десять забралъ сокрыпающія Его. И ни кто изъ смертныхъ не зрѣтъ владѣющаго человѣками, развѣ едиnorodнаго, и развѣ того кто отпрасль есть рода отдаленнаго Халдѣевъ. Сіи теченіе звѣздъ познавали, сіи круговъ движенія испытавъ рекли, како окрестъ средоточія подобно колесу обращаются, како вѣтры окрестъ влаги и воды носятся, како блестящій огонь молніи проспираетъ сильнорожденный; имѣяй престолъ златый утвержденъ въ небѣ и подножіемъ землю, проспираяй десницу до предѣловъ моря, и основанія горъ шрепещутъ, страхомъ колебаясь; сего не можетъ понести разумъ. Пренебесный бо есть всячески, устрояетъ же на земли: начало средину и конецъ содержитъ. По слову древнихъ, по слову водорожденнаго въ двучастномъ законѣ, не могу и я иначе о немъ сказать, шрепещетъ духъ мой, помышляя о управляющемъ съ превыспреннихъ всѣми. О чадо умилися сердцемъ, положи храненіе устамъ, въ сердцѣ вѣчашлѣй сіи слова мои!

XXIII.

Письмо отъ членовъ семинаріи Педагогической, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ къ Издателямъ Утренняго свѣта.

Всѣхъ вѣковъ народами благодарности всегда почиталась за одну изъ главнѣйшихъ

шихъ и роду человѣческому полезнѣйшихъ добродѣтелей. Ею чувствительныя и благодарющія сердца возбуждаются къ дальнѣйшему исполненію изящной добродѣтели, благодаренія, и чрезъ нея человѣкъ носитъ на себѣ ближайшее подобіе образа Божіяго. Ибо благонамѣреніе и любовь къ ближнему суть яснѣшія въ человѣкѣ следы подобія того Творца, которой есть повелитель безчисленныхъ міровъ. Сею любовію совокупаются люди въ единодушное общество, собираются во грады и общими силами сопротивляюся прудностямъ сея жизни.

Сколь высока и сколь велика сія добродѣтель, споль напротивъ гнусенъ порокъ неблагодарности. Онъ ожесточаетъ самыя благодарныя и чувствительнѣйшія сердца; дѣлаетъ насъ нечувствительными къ несчастнымъ, изстребляетъ любовь къ обществу и къ отечеству, и не только самага благодарителя заставляетъ скорбѣть, но еще врагомъ быть человѣчеству. Мы моглибъ пространно показать ужасныя слѣдствія неблагодарности; еслибъ не были увѣрены, что единое имя сего порока приводитъ всякаго въ содроганіе и что нѣтъ нужды приводить доказательствъ къ обьясненію гнусности онаго.

Но какъ первый долгъ благодарности долженъ воздаваемъ быть за принятіе благодаренія радостію исполненными сердцами,

цами, и мы сами не въ состояніи оказатъ взаимныхъ услугъ, по по крайней мѣрѣ изъясненіемъ чувствованій нашей благодарности обрадовать благоусердныхъ Членовъ общества и возбудить почтеніе къ благодѣтелямъ, мы Члены Семинаріи Педагогской при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, почли нашимъ долгомъ просить васъ, яко благодѣтельныхъ Издателей Упреняго Свѣта объ изъясненіи публикѣ изливающихся непрестанно благошвореній нашего благодѣтеля, Его Превосходительства, Прокофія Акинфіевича Демидова.

Его не престанное попеченіе, со времени заведенія Семинаріи, проспирается какъ обще до Университета, такъ особливо до насъ. Его Превосходительство, къ вящему поощренію въ наукахъ, подавая благосклонно различные дары, приводитъ насъ въ состояніе изобиловать тѣми самонужнѣйшими книгами, безъ которыхъ до истиннаго ученія ни какимъ образомъ достигнуть не можно. Мыжъ теперъ ничего болѣе сдѣлать не можемъ, какъ токмо нашему благошворителю публично воздать благодарность. Но въ короткое время надѣмся показать публикѣ чрезъ изданіе школьныхъ книгъ общими нашими трудами, что мы, сколько силъ нашихъ будемъ, постараемся исполнить ту цѣль, на которую насъ ведутъ.

Коликая бы надежда была для наукъ, естлибъ большее число членовъ опечества съ истиннымъ усердіемъ успремилось къ распространенію наукъ, слѣдуя примѣру сего достойнаго Папріота и кто бы симъ упованіемъ не прельщался. Ибо, когда во времена Августа весь Римъ преисполненъ былъ Меценатами, во времена Льва X. Апалія подкрѣпляла ученыхъ испремящихся къ достиженію просвѣщенія, и во время правленія Лудовика Великаго почти каждая знатная Фамилія во Франціи споспѣшествовала распространенію наукъ, даже и самое непросвѣщенное военное и упражняющееся всегда въ верховой ѣздѣ и псовой охотѣ дворянство Германское слѣдовало примѣру своихъ Государей; по чего мы должны надѣяться, когда весь свѣтъ единогласно проповѣдуетъ, что премудрость и благошвореніе царствуетъ на Расійскомъ Престолѣ въ лицѣ Человѣколюбивѣйшія Монархини, **ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ**, и когда почти большая часть ученыхъ вкусила плодъ щедрости нашей Премудрыя Минервы.

Уповашельно, что приведенные примѣры возбуждаютъ уже во многихъ чувствованіе любви къ опечеству. Какая лестная надежда. Какіе сладчайшіе виды! мы остаемся.

УТРЕННІЙ
СВѢТЪ,
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Іюнь.

У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ.

I.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА.

*О челоѣческой душѣ, ея способностяхъ и
знаніяхъ.*

Заслуживаетъ ли потѣ имя челоѣка, которой мало знаетъ цѣну души своей, такъ какъ горы не знаютъ цѣны драгоцѣнныхъ камней въ нихъ содержащихся? Конечно нѣтъ.

Склонности, разсудокъ, понятіе, всѣ лучи болѣе или менѣе сіяющіе небеснымъ свѣтомъ, не суть ли дѣйствія, тѣмъ болѣе удивительныя, чѣмъ перемѣнныя въ челоѣкѣ чудеса, происходящія отъ сихъ единыхъ божественныхъ словъ *Fiat lux, Да будетъ свѣтъ.*

Разумъ призываетъ наши чувства, воображеніе и память къ своему суду.

Часть IX. мѣс. Іюнь

Ж Изпраши-

Изпрашиваетъ, испытываетъ и осуждаетъ ихъ; а чувство даетъ ему способъ управлять своимъ могуществомъ. Оно ихъ цѣнитъ, осматриваетъ, очищаетъ и употребляетъ въ науки и художества.

Склонности не производятъ грѣха, хотя и подаютъ часто къ оному поводъ.

Душа безъ разсужденія, какъ не обитаемой домъ преисполненной гадины и нечистоты, погибающій день отъ дня и грозящій паденіемъ.

Разсужденіе рѣдко находится, но острога преизобилуетъ. Что производитъ острогу въ человѣкѣ? Гнѣвъ, злость, вино, а почти всегда ветренность; вотъ несчастные ея источники.

Острога весьма полезна, когда проводится разсудкомъ, и опасна также, когда выходитъ изъ границъ; подобно свирѣпому коню, разрывающему удило его удерживающее.

Разсудокъ служитъ человѣку, какъ щитъ воину.

Острога безъ разсужденія, какъ не искусной матросъ, понуждающей парусы свои ипши на камни.

Напрошивъ, разсужденіе какъ алмазъ, обделанной острогою сіяетъ большимъ свѣтомъ, да хотя и не обделанъ всегда драгоцѣнной камень.

Острога ненавидитъ все то, что ее превосходитъ, и сему думаетъ, должна бытъ

быть подвержена; считая себя, какъ блестящая молнія, во время мрачной тучи.

Остропа учтиваго ласкателя, такъ зловредна, что иногда скоповъ ставитъ за боговъ.

Люди поправляются, исправляютъ нравы обыкновеннымъ между собою обращеніемъ, такъ какъ льдины округливаются и бывають гладкими, бившись одна съ одною.

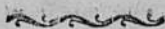
Чувства наши исправляются разговорами. Речи, подобно оселку для пробы золота, показывающему его качества, открываютъ свойства человѣка; они источникъ, гдѣ протекають наши склонности.

Мысли, скрывающіяся въ человѣкѣ, могутъ быть добрыя и худыя; онѣ часто открываютъ себя въ разговорахъ, и ими одними различается достоинство и подлость.

Товары держащіеся долго, портятся: безъ разговору разумокъ слабѣетъ.

Внутреннее понятіе, какъ свирепой конь, бѣгающей по полямъ: разговоръ, какъ манежъ, гдѣ его усмиряють, выѣжжаютъ, и гдѣ случается склонность служить ему въ мѣсто шпоръ.

Разсужденіе безъ разговору, пребываетъ, какъ вѣроломной Государь, или умираетъ, какъ голодной нищей.

Разговоръ насъ приугошовляетъ къ уединенному размышленію, какъ упражненіе къ покою. Знающей, и хотящей болѣе знать, никогда не бываетъ доволенъ. — Тотъ, которой привыкъ красить по чужимъ землямъ, оставляетъ обыкновенно свои: онъ подобенъ живописцу, торгующему картинами.

Находятся знанія, кои подобно мѣсячнымъ лучамъ сіяютъ, не имѣя жару. И такъ сіе знаніе, имѣетъ сходство, съ свѣтомъ, занимающимъ оное отъ другаго.

Если желаете вы, быть разумнѣе разумныхъ; научайтесь подробнѣе различать не только то, что нужно и что знать полезно, но иногда, что и не нужно.

Система закона нашего понятна разумамъ наипростѣйшихъ людей. — Ежели имѣютъ они доброе и правдивое сердце, то пахаютъ землю могутъ быть знающіи.

Люди насѣлены на землѣ, чтобъ обожать и удивляться, а не для того, чтобъ входить въ подробность и много знать.

Требовать тайности божіаго существа, есть предпріятіе, дѣлающее умнаго дуракомъ.

Истинная наука, есть только познавать себя, и касающіяся до насъ вещи.

II.
ВРЕМЯ,

Драгоценность онаго и употребленіе.

Когда время къ намъ подходитъ, скрываетъ свои крылья. Для старика разслабленнаго время кажется едва съ прудомъ проходящее. Когда достигаетъ насъ, разпростираетъ свои широкія крылья, оплешааетъ быстрѣе самаго вѣтра, и какъ древніе Спарты оно насъ разитъ, улетая.

Тѣнь солнечныхъ часовъ, есть мѣра человѣческой жизни и его изображеніе. Хоть движеніе ихъ и не примѣтно, но они подвигаются безъ престоанно. Солнце зашло, они не дѣйствуютъ. И сколько разъ густыя облака предускоряютъ ихъ конецъ!

Самой разумнѣйшій ближе къ смерти, нежели онъ думаетъ.

Мы теряемъ время, не употребляя его въ пользу! Мы дышемъ а не живемъ. Теряемъ время, бывъ только человекомъ. Употребляемъ его въ пользу, живемъ.

Простое бытіе, есть несносное бремя для существа жить назначеннаго.

Колоколъ звонитъ. . . . А люди считаютъ время, потому только, что оно проходитъ, а не для того, чтобъ получить нужную пользу.

О дни напрасно потерянные! сколь скушны вы въ вашемъ пребываніи, сколь горьки по прошествіи! для чего не могу я возвратить прошедшаго! — Поздное раскаяніе.

Какое бѣ было чудо сдѣлать прошедшей день будущимъ. — Что говорю я! Больше чудо обращеннаго въ нашу пользу. Севоднишней день, ежели мы имѣ воспользуемся будетъ воскресшей вчерашней.

Какъ времени, такъ и минутъ для спасенія въ жизни нашей очень довольно, но не должно только употреблять ихъ во зло.

Я потерялъ день! . . . . . Сожалѣвъ великой Государь, препроводя оной не сдѣлавъ никого щасливымъ. Оябъ былъ бы болѣе Короля, хотябъ и не былъ Императоръ.

Издерживайте время ваше какъ деньги, то есть! умѣренностію, и не проводите ни минуты для бесполезной вещи, нестоющей онаго. Не теряйте его безъ огорченія, какъ будтобъ теряли вы кровь вашу, но всегда употребляйте для лучшей пользы.

Презирайте время, презирайте Имперію стоите славы, а не хулы. Но какъ же выбрать наспоющія минуты? Человѣкъ, которой бы зналъ цѣну одного часа, еще не родился.

Познавъ цѣну часа, должно находить-ся на смертной постелѣ.

Время ни что иное, какъ краткое предисловіе нашего пребыванія. Вѣчность есть томъ, которой никогда не наполнишь.

Пробудемъ еще день на земли во удовольствіи, хотя вечеръ теперь и способенъ, завтра будетъ таковъ же; и такъ мы въ море отправимся, скажемъ глупой мапросъ. Но кто увѣрилъ его въ томъ? Сколь неразумны тѣ, кои посвящаютъ такъ время свое глупости, чтобъ послѣ переменить его въ совсѣмъ неизвѣстную добродѣтель.

Сравнивать вѣчность съ минутою, естлибъ сіе было необыкновенно, сколь было бы удивительно. Не много есть еще сего удивительнаго, что столь обыкновенно и общественно.

III.

ВРЕМЯ ЖИЗНИ.

Дѣти имѣютъ по возрасту своему и игрушки: они оставляютъ все, чтобъ только вдашься въ оныя. Любятъ ихъ съ горячностію, завидностію и ссорами, и тѣмъ славятся. Часто наше ребячество имѣетъ право осуждать совершенныя наши лѣта.

Человѣкъ въ своей молодости мало о себѣ безпокоющійся, довольствуется желаніемъ, чтобъ прародители были его умнѣе. Въ 30 лѣтъ, считаетъ, что онъ былъ безъ ума. Въ 40 о томъ увѣренъ, и дѣлаетъ разныя намѣренія, чтобъ поправиться. Въ 50 кается, что еще не исполнилъ, и предпринимаетъ исполнить свое намѣреніе. Въ 60 возобновляетъ ихъ прещца о рѣшеніи; и умираетъ ничего не исполня, желая, чтобъ дѣти были его умнѣе.

Севоднишней день, такъ намъ показываетъ прошедшей, что способъ жизни нашей всегда одинаковъ.

Всегда дѣлаютъ предпріятія, всегда обѣщанія, и нѣтъ переменны, нѣтъ исправленія, всегда остаются въ одинакой жизни.

Приобрѣтайте премудрость, пока не будетъ еще мученіе вамъ поправиться, и престать быть безумцомъ: дитя, носи голову прямо, пока не станутъ принуждать тебя къ тому бранью, побоями и железными крестами?

Человѣческая жизнь подобна древнимъ Сивиллинымъ книгамъ, тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ менѣе остается.

Лѣта подають благоразуміе. Нещасны сѣдые власы, коихъ неразуміе портитъ труды времени.

Не довольно ль жилъ ты игралищемъ
вѣтра и волнъ. Умри по крайнѣй мѣрѣ
въ пристанѣ.

Желанія наши простираются , какъ
дѣнь , пока солнце не зайдетъ .

Колико разъ не почитаютъ нѣко-
торые зимніе дни за весенніе !

Старики развѣ имѣютъ предписанное
право прошивъ смерти ? Они ужè мершвы ;
ихъ сердце погребено ; свѣтъ ихъ гроб-
ница .

Старикъ сей долженъ умереть скоро ,
а я могу прожить еще 20 лѣтъ , хотя
имѣю я и сѣдые власы , но доброе сердце .
— Испорченные стенные часы , которыхъ
стрелка со внутренностію не согласуются .
Глупость бьетъ 6 часовъ ; а природа ужè
полночь .

Остатокъ жизни равно непріятенъ и
невкусенъ . — Чувства мои ослабѣли : па-
мяти не достаетъ : разумъ мой сдѣлался
птягоспенъ какъ шѣло , мраченъ , какъ гла-
за , шрепещущъ , какъ руки . — О ты ,
могущей еще любить меня , подай мнѣ
конецъ .

Тишина въ сердцѣ и почтеніе снару-
жи , вотъ все то , что старость ожидать
можетъ въ семъ свѣтѣ .

Старики должны бѣ убѣгать собранія ,
искать уединенія , чшобъ скрыть пороки
лѣтъ ихъ , и поправлять сердце . Они дол-
жныбѣ находиться у брегу Океана , чрезъ

которой должны скоро переправиться, спараться многія добрыя вещи сложить на корабль, и дожидаться ветру.

Я жилъ 60 лѣтъ, скажетъ старикъ, для чего не скажетъ онъ я ужъ опжилъ, и свѣтъ мнѣ гробъ.

Время мое прошло: новые комедіанты мнѣ послѣдуютъ и показываются въ дѣйствіи, дабы меня согнавъ, надо мной смѣяться.

Рѣдкія вижу я гробницы, которыябъ не заключали въ себѣ человѣка меня моложе. Каждая изъ нихъ гласитъ мнѣ: иди къ намъ.

IV.

ВРЕМЕННЫЯ БѢДСТВІЯ.

Тотъ, который не былъ бы подверженъ ни какимъ бѣдствіямъ, не долженъ бы также имѣть ни какого участія въ щастіи. А жизнь человѣческая, какъ Леопардова кожа, покрыта различными пятнами.

Дѣти научаются прежде плакать, нежели грѣшить.

Чувствовать сожалѣніе о другихъ, или быть самому имъ подвержену, вопъ соспояніе человѣка въ семъ свѣтѣ.

Сколько разъ обвиняемъ мы природу бѣдствіями намъ причиняемыми, которыя при-

причиняемъ мы нашими собственными про-
ступками.

Тотъ, которой живетъ слѣдую естество рѣдко бѣденъ. Тотъ, которой живетъ по собственнымъ мыслямъ никогда не богатъ.

Есть упражняющіеся въ разговорахъ о бѣдности и несчастіи, какъ колоколъ звонящей къ смерти, толкующіе о печали и огорченіи, не чувствуя ихъ.

Ежели разумъ вашъ чрезвычайно смущенъ, бодрость духа въ опасности, и близко находите къ паденью наполненной бѣдствіями участи, думайте о какой нибудь важной истинѣ. Умѣряйте побужденія страстей, содѣлывайте великодушныя дѣйствія, научайте незнающаго, утѣшайте несчастнаго, исправляйте друга, оказывайте услуги врагу, молитесь Всевышнему: воишь сильнѣйшія предосторожности противъ душевнаго паденія.

Да не подастъ небо щастія друзьямъ моимъ, пока не научатся они чрезъ многія бѣдствія онымъ наслаждаться.

Огорченіе можетъ почестъся поржествомъ честныхъ людей, потомство помрачаетъ ихъ достоинство, а бѣдствіе возобновляетъ, какъ мрачная ночь подаютъ болѣе свѣту звездамъ.

Почитайте воина въ сраженіи, матроса въ кораблекрушеніи, и добродѣтель въ печалѣ.

Можно ль назвать невольника несчастнымъ, которой на завтра будетъ Королемъ? Но когда имъ будетъ, вспомнитъ ли о цепи, кою носилъ? Почувствуетъ ли еще тягость оной? Онъ ужè Государь въ душѣ, онъ начинаетъ повелѣвать державой.

*Перепелъ съ Италіянскаго языка
Дмитрій Рыкачевъ.*

V.

РАЗЛИЧНЫЯ МНѢНІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

Три вещи суть, которыя человекъ долженъ соблюдать: Господа бога бояться и всегда молиться. Царя чинить и любить. Общество и ближняго соблюдать и почитать.

Три вещи суть особливья и похвальныя: послушаніе, обходительность и ежели что дашь ближнему, по безъ укоризны и лихвы.

Три вещи весь свѣтъ раздѣляютъ: вѣра, языкъ и доходы.

Три вещи смерти подобны: ждешь и недождаешься, служишь безъ награжденія, на постели лежашь и не спашь.

Трехъ вещей всякъ себѣ желать долженъ, здоровья, добраго имени и имѣнія довольнаго безъ обиды ближняго.

Три

Три вещи надобно имѣть въ наблюдѣніи: лѣнивыхъ принуждать ходить въ церковь, предварять излишество и распущенность, почтеніе всегда блюсти.

Три вещи по мнѣнію Алѣонса служатъ къ соблюденію пріятства человѣческаго: бочка вина для подчиванья, шапка для почета людей, бумаги дѣсть для переписокъ.

Три вещи по мнѣнію блаженнаго Бернарда гостей изъ дому выгоняютъ. Непокрытое мѣсто (гдѣ все выносятся), дымъ, злая и вздорная жена.

Три вещи въ свѣтѣ мерзски суть: въ чести нищій гордый, богатый сластолюбивый и безпокойный, старый бездѣльникъ и прелюбодѣй.

Три вещи всякаго дѣлаютъ осторожнымъ; бездѣльная любовь, диспуты, тяжба по судамъ.

Три вещи домъ обыкновенно гнуснымъ дѣлаютъ: куры, собаки, непостоянные и безстыдные дѣвицы.

Три вещи въ окнѣ на передѣ не должно ставить: жены, чтобы кому не понравилась, чернильницы, что бы отъ вѣтра не испортились чернилы, огниво, дабы не отсырѣло.

Три вещи суть всегда людямъ вредны: быть подозрѣваемымъ; быть мстительнымъ и не принимать совѣта.

Три вещи, за копорыя люди другимъ дѣлаются пріятны: хлѣбъ, шапка, благодареніе безъ выговору, укоризны и лихвы.

Три вещи безъ вкусу употреблять можно: вѣ пипейномъ домѣ сидѣть безъ музыки, плясать безъ дѣвицы, телегу везти безъ подмаски.

Три вещи вѣ собраніяхъ съ убыткомъ употребляютъ: платье излишно долгое, сапоги обѣ одной подошвѣ, шапку лѣпнюю.

Три вещи даютъ случай помнить знакомство! школа, чужая сторона, дорога.

Три суть состоянія, копорыя всегда переменны пребываютъ; Монастырскіе насцоты, подьячіе, слуги господскіе.

Три вещи челоуѣка приводятъ вѣ печаль; подозрѣніе, невѣрность, неперпѣливость, или нескромность.

Двѣ вещи не терпятъ товарищества: любовь и господство.

Двѣ особливья побѣды: побѣдить челоуѣка добраго состоянія и себесамаго

Три вещи благопріятны людямъ и Богу; любовь между братій, пріятство между сосѣдами, мужъ и жена согласные, взаимновѣрные и любовь брака содержащіе.

Три вещи, копорымъ быть послушнымъ есть полезно: правда Божія, родитель повелѣвающій доброе, пѣшухъ возбуждающій пѣніемъ по упру спящихъ.

Тремъ вещамъ непрестанно пропиваться должно: собственой своей склон-

ности ко злу, учащимъ на зло, похвалъ
глупыхъ людей.

Три вещи памятовать есть потребно:
союзъ дружества, благодареніе дознанное,
вѣрныхъ умершихъ для напоминанія соб-
ственной смерти.

Три вещи въ памяти затвердить дол-
жно: прискорбныхъ рѣчей и поступокъ,
пого, чемъ кого можно озлобить, и здѣ-
ланныхъ ближнему благодарній.

Трое на свѣтѣ слѣпы: невидящій тѣ-
лесными очами, глупые и въ роскоши упо-
пающіе, копорые достойны и нѣмыми
назваться.

Трое глухи: открывающій тайну, уча-
щійся всегда говорить и не договаривающій,
копорой всякой день хорошее слушаетъ,
однако не научается.

Три вещи бесполезно дѣлаются; си-
томъ черпать воду, гоняться за лѣпаю-
щею пшцею, плакать по умершихъ.

Трехъ вещей пребуетъ настоящее
дружество: добродѣтели, обычая, употре-
бленія.

Три вещи къ опдаленію трудны: вши
со струпьями, обжирцы отъ добраго обѣ-
да, сонливые и лѣнныые отъ мяжкой по-
спели.

Три вещи посмѣянія достойны: гово-
рить къ своему вреду, драться съ тѣнью,
разсуждать съ глупымъ.

Безполезныя и неюпребныя вещи: 1. слѣпаго миганьемъ дразнить или пальцомъ призывашь. 2. Говорить съ глухимъ человекомъ. 3. Пить изъ порожняго. 4. сѣять на морѣ. 5. удобрять бесплодную землю. 6. Считать водныя капли 7. На деревѣ ловить рыбу. 8. Бѣ печи сушить ложки. 9. Вѣтрѣ вѣ сундукѣ запирашь. 10. Пальшиваго брить. 11. Кирпичь мышь. 12. Водю гасить лучь солнечный. 13. Старую бабу принуждашь плясашь. 14. Вельбудѣ проводочь сквозь иглиныя уши. 15. Козла доить. 16. Философїи учить глупаго и непоняшнаго.

Три добра вѣрять не безопасно, 1. вино сладкое и вкусное. 2. жену прекрасную. 3. богатство.

Добра безполезныя къ содержанію: 1. старая курица, 2. бесплодная свинья. 3. слуга невѣрный и вороватый. 4. работа лѣнивая. 5. котѣ боящійся мышей. 6. жена прелюбодѣйца. 7. толстая служанка. 8. дѣти непокорныя. 9. мѣшокѣ зашитый на денги.

На три вещи добродѣтельные люди денги употребляютъ: 1. для нужныхъ расходовъ. 2. для полученія добраго имени. 3. для всякихъ нечаяныхъ случаевъ.

Сїи вещи суть на погубленіе прочимъ. 1. собаки зайцамъ. 2. котѣ мышамъ. 3. лисица курамъ. 4. волки овцамъ. 5. цапли лягушкамъ. 6. вороны летучимъ мышамъ.

7. собаки сами себѣ за кость. 8. волокиты своимъ соперникамъ. 9. лѣнь и сонливость добродѣтели.

Три вещи отъ людей за наилучшія почитаются: 1. Здоровье 2. Дородство и красота. 3. богатство безъ обмана нажитое.

Тремя вещами по мнѣнію Плутарха соблюдается здоровье: 1. Неизлишнимъ употребленіемъ кушанья. 2. Трудолюбіемъ. 3. Натуральнаго сѣмени сохраненіемъ.

Три вещи мараютъ домъ. 1. Ластовицы. 2. Голуби. 3. любовники.

Въ сихъ трехъ вещахъ не медли: 1. что надобно непременно говорить, говори. 2. Добраго дѣла безъ похвалы не оставляй. 3. Нечаянной славы и поговорки.

Три вещи для приниманія лѣкарствъ и пущенія крови наблюдать должно: 1. знать натуре разположеніе 2. полѣтамъ своимъ имѣть умѣренность 3. причины вызнать своей болѣзни.

Къ четыремъ вещамъ склонность вредитъ.

1. Къ войнѣ и поединкамъ. 2. къ пьянству и картежной игрѣ. 3. На пиръ безъ прошенія. 4. къ разговорамъ съ глупыми людьми.

Трехъ вещей изслѣдовать, а четвертаго разумѣть не можно. 1. слѣдъ орла лешающаго. 2. пупи змія ползущаго по камени. 3. слѣдовъ корабля поморю плывущаго. 4. путей юноши ходящаго въ дома дѣвицъ.

Четыре вещи глазамъ человѣческимъ прошивны и гнусны. 1. дымъ съ сырого дѣрева. 2. вѣтръ разительный. 3. плачъ. 4. видѣть непріятеля въ счастіи а пріятеля въ несчастіи.

Четыри вещи должны быть безпрепятственны: 1. кто хочетъ по приспосойности себя вести. 2. Кто къ наукамъ показываеѣтъ склонность. 3. Кто хочетъ несчастливымъ помогать. 4. кто отъ худаго житія возвращается къ доброму.

По четыремъ вещамъ путь скользокъ и небезопасенъ. 1. По льду. 2. По мѣсту мокрому и гористому. 3. При похваленіи и возношеніи. 4. По природѣ женской.

Четыре вещи всегда въ домѣ быть должны. 1. труба. 2. куры. 3. кошки. 4. жена, которой свойственно домъ вѣдать.

Сіи вещи прошивны природѣ: 1. чтобъ не любили красивой дѣвицы. 2. ярманка безъ воровъ. 3. старой расповщикъ безъ денегъ. 4. Молодой безъ веселости. 5. На головѣ струпья безъ вшей. 6. старой козелъ безъ бороды. 7. чтобы сонливый и лѣнивый былъ мудръ и свѣдущъ о многихъ вещахъ.

Глупой сихъ вещей ищетъ и неудобно сыскиваетъ: 1. правды у лицемѣровъ. 2. вѣрности у ласкателей. 3. презвосты у пьяницъ. 4. денегъ у распочителей. 5. мудрости у дурака. 6. въ толстомъ брюхѣ остраго ума. 7. во зломъ товариществѣ чело-

человѣка добраго. 8. у лѣниваго добродѣтели. 9. вѣ мысли и дѣлахъ человѣческихъ того, что Богъ хошетъ.

Четыре вещи никому не милы: 1. платно и обувь сѣбденыя отъ хорей. 2. во время пляски табакомъ посыпанной полѣ. 3. кто хранитъ не радящихъ о самихъ себѣ. 4. долгой разговоръ между учеными и голодными.

Четыре вещи должно часто поправлять и чистить. 1. часы. 2. женѣ. 3. кровли на домахъ 4. прѣбы.

Четыре вещи суть непостоянны и переменны: 1. крещеный жидѣ 2. пріятель послѣ ссоры примиренный. 3. платно перевероченное. 4. дѣвка нарумяненная.

Четыре вещи пропивны суть и не постоянны: 1. Мазурѣ сдѣлавшійся Итальянцомъ. 2. нищій сдѣлавшійся господиномъ. 3. сова подражающая ястребу. 4. слуга нѣсколько научившійся Лапынѣ.

Четыре вещи всякому господству потребны: 1. добрый порядокъ при истинной справедливости 2. желаемый мирѣ. 3. хорошее поведеніе дома. 4. урожай.

Четыре вещи утверждаютъ человѣка въ дружествѣ: 1. почипать человѣка въ присутствіи его. 2. хвалить его въ отсутствіи. 3. служить ему при случаѣ. 4. помогать ему въ нуждѣ безъ прибыли.

Четыре вещи въ домѣ утаиться не могутъ: 1. огонь. 2. любовь. 3. кашель. 4. ссоры.

Четыре вещи суть, чрезъ которыя человекъ теряетъ честь, здоровье и имѣніе: 1. кто не имѣетъ въ житіи мѣры. 2. въ судахъ завязчивый и непреклонный. 3. въ картахъ безъ счастья. 4. безмѣренъ въ любви.

Четыре вещи утверждаютъ здоровье: 1. Кушанье по аппетиту. 2. Въ жандѣ умеренное питье. 3. Въ ночи умеренный сонъ. 4. Неизлишняя суета.

Четыри вещи для мужа женѣ сохранять должно: 1. Трезвость. 2. Ласковость. 3. Вѣрность. 4. Не быть ревнивой.

Пять вещей здравіе и спокойствіе хранятъ: 1. Не всему вѣрить и уважать что говорятъ. 2. не все вывѣдывать и рассказывать, что знать можно. 3. не все вдругъ судить и опредѣлять, что намъ кажется. 4. не позволять себѣ дѣлать что можно. 5. не всего желать и домогаться, что пріятно.

Пять вещей, чрезъ которыя особливо правду испытываемъ: 1. Робячество. 2. Сонъ. 3. Глупость. 4. Пьянство. 5. Несчастіе.

О пяти вещахъ любопытствовать не должно: 1. О хозяйствѣ чужаго дому. 2. О дѣлахъ божіихъ. 3. О пищѣ рыбъ морскихъ. 4. О совѣтахъ министерскихъ лю-
дямъ

дямъ привапнымъ. 5. О обращеніи въ-
шровъ.

Пять вещей показываютъ добрый или
худый порядокъ въ каждомъ мѣстѣ. 1.
Церковь ежели не опустѣла. 2 Магистратъ.
3. Школа. 4. Рынокъ. 5. Часы.

Пяти вещамъ невѣрь. 1. Чужой собакъ.
2. лошади въ дорогѣ. 3. женѣ многорѣчи-
вой. 4. Слугѣ самохвалу. 5. подрытымъ
берегамъ.

Шесть вещей на употребленіе и для
жизни разсмапривать должно. 1 Здорова-
го воздуху. 2. высокаго мѣста. 3. близъ
города бышь. 4. Выгоднаго дому. 5. Щедрого
сосѣда. 6. Друга разговорчиваго.

Шесть вещей для предосторожности
должно помнишь 1. На всякое дѣло опре-
дѣлишь время. 2. Въ веселостяхъ бышь
умѣренну. 3. Чпо всякая роскошь только
на время. 4. Чпо распочительность и сво-
евольство всегда небезопасны. 5. Чпо всякой
звѣрь свое время знаетъ. 6. Чпо смерть и
самыхъ красивѣйшихъ въ гробъ отпра-
вляетъ.

Шесть вещей трудно скрывать: 1.
Шило въ мѣшкѣ. 2. Беспорядочная жена
въ окнѣ. 3. Чесотку на рукахъ. 4. Кашель
при банкетѣ. 5. Нищету при шалости. 6.
Преврапность, распустность и опвагу на
всякое зло.

Шесть вещей всегда переменяющіяся:
1. Цвѣтъ весенній. 2. время переменны дня

и ночи. 3. Бросаніе костей. 4. ловля летающихъ птицъ. 5. любовь женская. 6. Господская милость.

Шесть родовъ людей къ правленію городовъ неспособныхъ : 1. которыми никоимъ образомъ не хочется вѣрять. 2. которые не здоровы тѣломъ. 3. Которые отеческое имѣніе промотали. 4. Которые гоняются за новизнами между людьми и сами въ томъ лжесвидѣтельствуютъ. 5. Которые общую сумму расточаютъ. 6. Которые въ обществѣ сѣютъ ссоры и вражду.

Знаки добраго гражданина. 1. Тоже несть что и другіе. 2. Въ общемъ употребленіи быть причастнымъ. 3. Упадокъ общій нести. 4. Тѣхъ же имѣть друзей и враговъ. 5. Въ разныхъ опасностяхъ охотно сообщать себя то отъ своего, то со своими, то для своихъ, наконецъ то со своими согражданами.

Знаки непостояннаго гражданина: 1. Преступленіе законовъ. 2. Судовъ подкупъ. 3. Возмущеніе въ правительствѣ и порядкахъ. 4. Всякаго зла быть предводителемъ и зачинщикомъ.

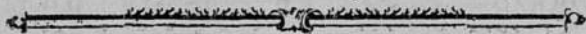
Семь вещей владѣльцу наблюдать должно: 1. Милость богатымъ. 2. Терпѣливость и милосердіе къ убогимъ. 3. Цѣломудріе въ юношествѣ. 4. Презрѣніе суеты и довольство ученымъ. 5. Стыдливість и повиновеніе между женами. 6. Всякому свое. 7. Храбрость на войнѣ.

Семь вещей, копорыя людямъ рѣдко даромъ проходятъ. 1. Ранній дождь. 2. Бабыя пляска. 3. Въ пятницу пѣсни пѣть. 4. Въ воскресенье до обѣдни есть. 5. Послѣ обѣда напиваться. 6. Послѣ обѣда спать. 7. компанія.

Восемь вещей каждому нужны: 1. Порядочный домъ. 2. Телѣга исправная. 3. Хорошій поваръ. 4. Вина бочка. 5. Наличныя деньги 6, Изобильный огородъ. 7. Мяжкая постеля, 8. Учпивая жена.

Перепедено въ Нопогородской Семинаріи 1772 году Октября 22.

VI.

Ц И М А

или

Не обрѣтаемое щастіе.

Когдабъ щастія на свѣтѣ не было, то люди давнобъ уже перестали его искать, сказалъ нѣкоторой Философъ. Есльибъ щастіе было, сказалъ другой, то съ тѣхъ поръ, какъ его ищутъ, давнобъ кто нибудь нашелъ.

Разумные родители назначили Циму быть щаспливымъ. Хорошее воспитаніе есть основаніемъ жизни; оно научаетъ любить добродѣтель, убѣгать пороковъ, и стараться о полезныхъ знаніяхъ. — Цима во всякомъ родѣ имѣлъ наилучшихъ учителей. Онъ принужденъ былъ слушать отъ нихъ

предолгія наставленія, претерпѣвають часто удары а иногда и сѣченье; тогда онѣ не почиталѣ себя щасливимѣ, но ласкался бытъ такимѣ, когда уйдетѣ отѣ ихѣ рукѣ. Онѣ былѣ хорошо воспитанѣ разумѣлѣ на два діалекта, зналѣ Аристотелеву Философію и древнюю Исторію. Употребленіе избавило его отѣ учителей, а природа отѣ родителей.

Онѣ былѣ богатѣ, не зависимѣ, имѣлѣ вкусѣ и понятіе о забавахѣ: и какѣ молодой человекѣ предався онымѣ. Прелестная любовница способствовала сѣ своими благосклонностями кѣ скорому разпоченію всего его имѣнія. Убожество извлекло его изѣ сего пріятнаго упоенія, и онѣ сказалѣ самѣ вѣ себѣ (ибо онѣ любилѣ иногда разсуждать): пріятно имѣтъ хорошую любовницу; но вѣ бѣдности не можно бытъ щасливу.

Убѣжденѣ будучи сею истинною, онѣ прилѣпился кѣ женщинѣ пожилыхѣ лѣтъ и щедраго духа. Утѣхи его оставили, богатство заступило мѣсто оныхѣ; но онѣ часто говорилѣ самѣ вѣ себѣ: кто благополучіе свое достаетѣ цѣною отѣ старой женщины, тотѣ не совершенно щасливѣ.

Онѣ рѣшился перемѣнить родѣ жизни, и хотѣлѣ обязанѣ бытъ благополучіемѣ своимѣ любви. Цима былѣ молодѣ и хорошѣ. Молодая и прекрасная женщина

вліяла вѣ него сильнѣйшую страсть, и къ нему пылала равномѣрнымъ пламенемъ. Онъ восхищался живѣйшими утѣхами; но ревливой и сердитой мужъ, заставши любовниковъ вѣ подозрительномъ положеніи, для заглаженія своей чести, выбросилъ Циму за окошко. Онъ переломилъ себѣ руку и будучи еще преисполненъ страстію сказалъ печально, о! любовь! сколь утѣхи твои усладительны! сколь щасливымъ онъ дѣлаютъ того, у кого рука не переломлена.

Послѣ сего онъ возмнилъ, что истинное благополучіе не соединено со страстьми. Но познаніе и наслажденіе онаго предоставлено разуму. Чему послѣдуя, онъ вознамѣрился единственно слѣдовать оному по обыкновенію другихъ людей. Онъ показался ко двору, просилъ чиновъ, и получивъ оныя желалъ другихъ. Утѣхи умножили его желанія, и наконецъ почувствовавъ суету оныхъ, сказалъ: для подданнаго довольно чести быть вѣ комнапахъ своего Государя; только сіе не дѣлаетъ совершеннаго щастія: но тихая и спокойная жизнь составляетъ истинное благополучіе. Изгонимъ честолюбіе и рабство, същемъ честную супругу, и спанемъ жить сами для себя.

Онъ вѣ самомъ дѣлѣ сыскалъ выгодную для себя партію. Это была благо-

родная дѣвушка и наслѣдница знатнаго имѣнія, весьма добродѣтельная, которая общала его очень любить. Она была высокаго росту, долголица и худощава, имѣла блѣдножелтое лице и всегда внизъ потупленные глаза, была важнаго свойства, любила науки, выучена Богословіи и къ Нравоученію имѣла особенную склонность. Цима не радившій о сей части Филофіи не долгое время былъ согласенъ съ расположеніями поль совершенной особы. Она ему говорила все объ одномъ, смѣялась надъ нимъ, и принималась съ нимъ спорить всякой день разъ по спу; но сіе его ни мало не исправляло, при чемъ любезная его половина не могла удержать своего негодованія. Онъ по часту говорилъ самъ въ себѣ: рѣдкой даръ имѣть добродѣтельную жену; но это не такое щастіе какъ его воображаютъ.

Возвращаясь нѣкогда ночью изъ своей деревни, онъ вошелъ нечаяннымъ образомъ въ комнату своей супруги: сіе посѣщеніе въ необыкновенное время причинило чрезмерное негодованіе. По сильнѣйшихъ доказательствахъ о злоупотребленіи ночныхъ путешествій, онъ получилъ рѣшительное приказаніе удалиться. Будучи очень учтивъ, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ загладить свое преступленіе нѣкоторыми знаками дружества. Приблизившись къ кровати увидѣлъ на оной проповѣдника лежащаго въ

весь-

весьма принужденномъ положеніи. О! О! сказалъ онъ, хотя не надобно сердиться когда благосклонной другъ избавляетъ насъ отъ дурной и спорливой жены; однако же не лзя сказать, чтобъ сіе дѣлало человека щаспливымъ.

Цима вознамѣрился избавиться отъ скучной своей Фамиліи. Онъ удалился въ принадлежащую ему мызу, и нѣсколь-ко времени чувствовалъ удовольствіе не быть оспориваемымъ и браненымъ; но онъ не имѣлъ никакого дѣла, и говорилъ самъ въ себѣ: естли спокойствіе есть благо, то праздность есть зло. Сія послѣдняя раждаетъ скуку; а при скукѣ щастіе быть не можетъ.

Онъ жилъ въ провинціи лежащей близъ моря; и сіе вселило ему мысль заняться торговлею. Все споспѣшествовало его намѣренію, и въ короткое время онъ увидѣлъ себѣ въ томъ величайшее щастіе: но Цима былъ не сребролюбивъ и золото не могло наполнить его сердца. Вижу, сказалъ онъ, что имѣя довольно щастія не можно быть щаспливу. Сундуки мои полны, но душа моя пуста: перестанемъ собирать богатство, и станемъ спараться о наслажденіи оными.

Хотя жена его была и очень дурна; но онъ былъ отецъ дочери, которая была весьма любви достойна. Онъ имѣлъ друзей, ибо онъ былъ достоинъ имѣть оныхъ:

выдавъ свою дочь очень удачно, собралъ къ себѣ всѣхъ любимыхъ для него людей, находясь въ совершенной вольности, въ нѣдрахъ дружества и изобилія, мнилъ себѣ что вкушаетъ утѣхи, коихъ ничто разрушить не можетъ; но и щастіе имѣетъ свои неудобности и время не теряетъ правъ своихъ.

Цима былъ уже не молодъ, онъ пожилъ довольно, неумѣренность въ забавахъ произвела горькіе плоды. Онъ сказалъ однажды своимъ друзьямъ: я имѣю чувствительную и нѣжную душу, разумъ расположенной къ веселости. Все окружающее меня мнѣ пріятно, ни какое воспоминаніе меня не смущаетъ. Я свободенъ и живу въ изобиліи: все, что возбуждаетъ въ человѣкѣ забавы во мнѣ не недостаетъ; но когда уже мы оныя довольно испытали, то не можемъ быть щастливы. Я зналъ все что только можно знать. Я изчерпалъ всѣ глупости любви и честолюбія. Извѣдалъ пріятности дружбы, разсудка, вольности, ученія, богатства, ипроч. одно щастіе меня убѣгло. Скажите мнѣ: не уже ли вы вѣрите его бытію.

Перепель съ французскаго языка А. М.

VII.

АРАБСКАЯ ИСТОРИЯ.

Унѣкопорого купца жившаго въ Смирнѣ, былъ сынѣ, копорой помощію ученія въ ономѣ городѣ производимаго, получилъ чинѣ Наиба. Будучи въ сей должности, онѣ всегда ходилѣ по рынкамѣ и осматривалѣ вѣсы и мѣры. Какѣ онѣ въ одинѣ день въ этомѣ упражнялся, то купцы торгующіе подлѣ лавки его отца, совѣтовали оному спрятать Фальшивые вѣсы обыкновенно имѣ употребляемые, а на мѣсто ихѣ положить другіе, кои бы исправнѣе вѣсили. Но купецѣ смѣялся сему совѣту; надѣясь на сына, копорой, думалѣ онѣ, никакѣ не доведетѣ его до публичнаго безчестія, безѣ опасенія стоялѣ у дверей своей лавки, дожидаясь его приходу.

Наибѣ имѣя довольную причину къ подозрѣнію безчестныхѣ поступокѣ своего отца, не хотѣлѣ его пощадить, но вознамѣрился открыть его плутовство, и сдѣлать его примѣромѣ публичной справедливости. Такимѣ образомѣ онѣ оспановился у дверей его лавки, и сказалѣ ему: вынесите сударь мнѣ посмотрѣть ваши вѣсы.

Купецѣ вмѣсто послушанія смѣялся тому, однако онѣ скоро повѣрилѣ, что Наибѣ не шутитѣ, услыша, что онѣ при-
казы.

казывалъ Офицерамъ искать ихъ въ лѣвкѣ, и увидя, что они нашли ихъ, оныя вѣсы по почтѣйшемъ разсматриваніи были кинуты и разбиты на части. Приведенъ будучи въ замѣшательство такимъ нечаяннымъ произшествіемъ, стоялъ не подвижно, однако надѣялся, что симъ публичнымъ стыдомъ имъ претерпѣннымъ кончится все наказаніе за его преступленіе.

Но нѣтъ, онъ въ этомъ ошибся. Наибъ поступилъ съ нимъ въ семъ случаѣ равно какъ бы съ самымъ худымъ преступникомъ, сдѣлавъ приговоръ заплащитъ 50 пѣспровъ штрафу, и дать ему нѣсколько ударовъ палкою по пятамъ.

Весь приговоръ точно былъ исполненъ; послѣ чего Наибъ слѣзши съ своей лошади бросился къ его ногамъ; орошая оныя своими слезами, говорилъ слѣдующее. „Любезный отецъ! я исполнилъ должность мою принадлежащую до Бога, Государя, отечества и до моего чина. Позволь теперь мнѣ почтеніемъ и покорностію заплащитъ долгъ родителю. Правосудіе слѣпо: оно есть божія власть на земли. оно не разбираетъ ни отца ни сына; божіе и ближнихъ нашихъ право превосходитъ союзы родства. Преступивши законы правосудія, вы наконецъ получили же бы наказаніе отъ когонибудь другого. Я сожалею, что вы получили оное отъ меня. Совѣсть моя не позволила

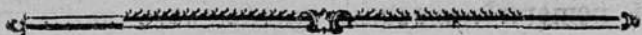
„ мнѣ

„ мнѢ поступить иначе. Впредь ведите
 „ себя лучше, и вмѣсто того чпобѢ меня
 „ бранить, сжалъсь надо мною приведен-
 „ нымѢ до такой крайности.

Сказавъ сіи послѣднія слова онѢ сѣлъ
 опять на лошадь, и ѣхалъ далѣе посреди
 восклицаній всего гѣрода за поль до-
 стойное правосудіе. СулпанѢ скоро о
 помѢ увѣдомившись пожаловалъ его
 сперва КадіемѢ и потомѢ МуфшіемѢ,
 будучи вѢ семѢ чинѢ всегда соблюдалъ
 онѢ законы и любовь онаго государства.

Перепель съ Латинскаго языка В. М.

VIII.

ПОВѢСТЬ.

ПИРРИНѢ и ЛУСЕТТА,

или

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСКРЕННОСТЬ.

ПирринѢ родился вѢ БретанѢ, вѢ не-
 большой деревнѢ близѢ Випрея. СѢ са-
 маго младенчества окружала его крайняя
 бѣдность. ОнѢ лишился отца и матери,
 прежде нежели могѢ выговаривать сіи слад-
 кія имена. СохраненіемѢ его жизни обязанѢ
 былѢ онѢ публичному благошворенію. Правда,
 что вѢ юности обучили его чипать и пи-
 сать: но впрочемѢ воспитаніе его было не
 самое

самое выгодное. На пятнадцатомъ году ошъ роду служилъ онъ въ небольшой маешности пастухомъ. Лусетта, молоденькая сосѣдняя крестьянская дѣвушка, въ тоже время послана была пасти опцовское стадо. Она гоняла свою скотину въ такія мѣста, гдѣ случайнымъ образомъ часто видала Пиррина, которой оказывалъ ей съ радостию всѣ маленькія услуги, какія ему возможны были по его лѣтамъ и состоянію. Случай часто видѣться, одинакія ихъ упражненія, взаимныя ласки и пріятныя услужливости соединили ихъ наконецъ неразрывно. Ежедневно ожидали они съ нетерпѣливостію щасливаго того времени, которое могли они на лугахъ проводить вмѣстѣ, и оставляли оныя всегда съ неудовольствіемъ, когда приходило время имъ расставаться. Ихъ молодая сердца чувствовали уже больше, нежели могли они то понимать. Они любили другъ друга, не зная что такое любовь. Пять лѣтъ прошло въ невинныхъ играхъ и забавахъ. Ихъ чувствованія становились часъ отъ часу живѣе, и наконецъ въ ихъ свиданія начало уже вмѣшиваться нѣкоторое безпокойствіе. Нѣжныя ихъ ласки служили только къ умноженію нѣкоего не извѣстнаго огорченія. Лусетта началà уже сопротивляться симъ ласкамъ; но въ тожъ самое время сожалѣла о такомъ своемъ упорствѣ. Пирринъ, стараясь подражать

Лусет-

Лусетшиной скромности, не могъ удержаться отъ сердечныхъ вздоховъ. Словомъ: они желали ближайшаго соединенія и не таили нѣжныхъ своихъ желаній. Деревенской любви одинъ конецъ супружество. Едва тамъ знаютъ, что такое обманъ, и совѣмъ не думаютъ о томъ, чтобы нужда была остерегаться отъ онаго. Пирринъ принялъ намѣреніе просить себѣ Лусетты у ея отца. Онъ открылъ его своей любезной, которая, свѣдавъ о такомъ предпріятіи, покраснѣвши призналась искренно, что она соглашается на то отъ всего сердца; только не хотѣла она быть сама при семъ его посѣщеніи. Въ слѣдующій день, за нѣкоторую нуждою, надобно было ей оплутаться въ городъ; почему просила она своего любезнаго употребить сіе время въ пользу, подъ вечеръ вышпи ей на встрѣчу, и разказать, какъ принята будетъ та его прозъба.

Пирринъ побѣжалъ въ назначенное время къ отцу своей Лусетты. Онъ говорилъ ему безъ закрытія все, что чувствовало его сердце. Въ деревнѣ не знаютъ хитрости. Съ пристойною смѣлостію признался онъ въ своей любви къ Лусеттѣ. „Ты любишь мою дочь, перервалъ съ жаромъ старикъ его рѣчь, и хочешь на ней жениться? Въ правду ли это Пирринъ? Какъ же ты хочешь начать сіе дѣ-

Часть IX. мѣс. Юнь. И „ло?

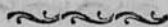

„ло? Есть у тебя для нее платье? Есть
 „у тебя свой домъ, гдѣбы вамъ жить?
 „Или есть у тебя столько денегъ, чѣмъ
 „бы вамъ содержать себя? Ты служить;
 „и у тебя нѣтъ ничего собственнаго. Лу-
 „сетта моя не столь богата чтобъ могла
 „прокормить себя и тебя. Такимъ образомъ,
 „Пирринъ, не начинаютъ жить домомъ. —
 „Но я довольно здоровъ и силенъ, отвѣчалъ
 Пирринъ, Кто любитъ труды и нелѣнивѣ,
 потѣ найдетъ себѣ всегда работу; и за-
 чѣмъ я не принялся для того, чтобъ про-
 кормить Лусетту. По сіе время вырабаты-
 валъ я по пяти талеровъ въ годъ, и на-
 копилъ ихъ двацать. Этими деньгами мо-
 гу я сыграть свадьбу; послѣ еще прилѣ-
 жнѣ стану работать, накоплю денегъ
 еще больше, и найму себѣ маленькой ху-
 торъ. Не такъ ли всѣ богачи здѣшной
 деревни начинали жить, какъ я: для
 чего жѣ бы и мнѣ также не пощасливи-
 лось въ томъ, какъ имъ? „Хорошо! ты
 „молодъ; ты еще можешь подождать.
 „Спайся быть сперва богатымъ, тогда
 „и дочь моя будетъ твоей женою; а до
 „тѣхъ поръ не говори мнѣ больше о
 „женидбѣ.

Пиррину не лзя было и ожидать
 другаго отвѣта. Онъ побѣжалъ потѣ
 часъ искать своей Лусетты, и встрѣшил-
 ся съ нею очень скоро. Помянутымъ от-
 казомъ опечаленъ былъ онъ до крайности.
 Лус-

Луссетта, по смутному его виду, отгадала ту новость, которую онъ хотѣлъ ей рассказать. — Конечно отказалъ тебѣ батюшка въ твоёмъ требованіи? — Ахъ Луссетта! какое для меня несчастіе, что я родился бѣденъ! — Однако не потерялъ еще я всей надежды. Мои обстоятельства переменятся могутъ. Твой мужъ за все бы взялся, чтобъ доставить тебѣ спокойную жизнь: а любовникъ твой меньше ли будетъ стараться, чтобъ сдѣлаться твоимъ женихомъ. Когда нибудь судьба соединитъ насъ конечно. Я льщу себя охотно симъ воображеніемъ. Ободри ты свое сердце для меня только; вспомни, что ты мнѣ его отдала! Но естли твой отецъ высватаетъ тебя за другаго? — Я ничего такъ не боюсь, какъ такого несчастія — Я умру отъ того. — А я, Пирринъ! думаешь ли, чтобъ спала жить для кого другаго? Нѣтъ я буду твоя; или ни чья!

Въ семъ разговорѣ, которой они продолжали во всю Витрейскую дорогу, заснула ихъ ночь, и принуждала разойтись по своимъ домамъ. Тогда былъ весьма темной вечеръ. Пирринъ оступился и упалъ. Вставая ощупалъ руками, что онъ спотыкнулся объ превеликой мѣшокъ, которой онъ на силу поднялъ. Желая узнать, что въ немъ было, поворотилъ онъ съ Луссеттою въ сторону къ огню, оставшемуся послѣ бывшихъ въ полѣ работниковъ.

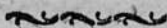
При свѣтѣ отъ угля развязали они мѣшокъ, и нашли, что онъ наполненъ золотомъ. Что вижу я? вскричала Лусетта; ахъ! Пирринъ, ты въ другъ сталъ богатъ. Какое это счастье! Теперь тебя уже отдадутъ за меня? Не само ли небо, способствующее моей любви, подаетъ намъ средство, чрезъ которое можемъ мы не только удовольствоваться твоего отца, но и сами сдѣлаться счастливыми. — Восхищаясь сею мыслию радовались они сердечно; съ жадностію смотрѣли на деньги и не спускали съ нихъ своихъ глазъ, какъ развѣ только для того, чтобъ нѣжнѣе взглянуть другъ на друга. Они пересчитали найденное сокровище, которое состояло въ двенадцати тысячахъ Франковъ. Они отъ того пришли въ изумленіе. Ахъ! Лусетта, вскричалъ Пирринъ, теперь своему отцу не лзя уже отказать тебя мнѣ. Лусетта не отвѣчала на то ни слова. На ея глазахъ видна была часъ отъ часу умножавшаяся страсть. Она подала только свою руку Пиррину, которой не сомнѣвался уже ни мало о скоромъ исполненіи своего желанія. Онъ упѣшаясь симъ счастьемъ, и почувствовавъ въ себѣ необычайную страсть, обнялъ свою любезную. — Милая, Лусетта! сказалъ онъ, сколь пріятно мнѣ сіе счастье! Сколь оно мнѣ драгоцѣнно, для того что я надѣюсь его раздѣлить съ тобою.

Они

Они взяли съ собою найденное сокровище и пошли съ нимъ не медленно къ старику. — Но Пирринъ, вдругъ остановясь уже у воротъ, сказалъ: Мы все свое счастье основываемъ на сихъ деньгахъ; но принадлежатъ ли они намъ? Можетъ быть, какой пробжжій потерялъ ихъ. На этихъ дняхъ была Випрейская ярманка; станется, что какойнибудь купецъ, возвращаясь съ оной, обронилъ ихъ. Можетъ быть, въ самое то время, какъ мы столь много радуемся, онъ поверженъ въ ужасное отчаяніе. — Ахъ! Пирринъ, какъ это для меня спрашно и подумать! Ну ежели несчастной пужитъ теперь о своей потерѣ: то можемъ ли мы его имѣніе употребить въ свою пользу. Правда, что нашли мы эти деньги печально; но ежели захопимъ ихъ удержаль у себя; то это будетъ тоже, какъ бы мы ихъ и украли. Ты меня приводишь въ страхъ Лусетта! Мы только что хотѣли опнести сіи деньги къ своему отцу; можетъ быть онъ сдѣлалъ бы насъ счастливыми. Но должно ли искать себѣ счастья чрезъ бѣду другаго? Слушай! Лусетта, пойдёмъ лучше къ Пастору; онъ всегда любилъ меня, онъ мнѣ доставилъ и то мѣсто, гдѣ я теперь служу. Я не долженъ ничего дѣлать безъ его совѣта.

Пасторъ былъ дома; Пирринъ отдалъ ему найденной мѣшокъ, и сказалъ, что онъ съ начала почелъ его за даръ съ неба. При-

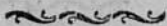
чемъ не утаилъ онъ о своей любви къ Лусеттѣ, и рассказалъ ему искренно всѣ препятствія, какія причиняла ему въ томъ бѣдность. Пасторъ, выслушавъ благосклонно все, что ему сказывали, и посмотря какъ на Пирину, такъ и на Лусетту, пронуть былъ ихъ поступкомъ. Онъ увидѣлъ всю силу взаимной склонности сихъ любовниковъ, и не могъ довольно надивиться рѣдкой въ нихъ честности, которая была еще сильнѣе ихъ любви. Онъ, похваля, такой ихъ поступокъ, оборотясь къ Пирину, сказалъ: Сохрани ты въ себѣ сіи чувства непремѣнными, за что само небо благословитъ тебя. Мы найдемъ хозяина симъ деньгамъ; онъ конечно не оставитъ безъ награжденія такого честнаго твоего поступка; я самъ прибавлю къ тому что нибудь изъ малаго моего имѣнія; и ты долженъ получить Лусетту. Я беру на себя исходапайствовать тебѣ согласіе отъ ея отца. Вы оба стоите такого щастія, чтобы взаимно жить другъ для друга. Если тебѣ деньги, которыя ты теперь отдаешь мнѣ подъ сохраненіе, не същется хозяина, то они принадлежатъ бѣднымъ. Ты Пиринъ бѣденъ, и я думаю не погрѣшу, если я ихъ тебѣ отдамъ. Кажется провиденіе назначило ихъ для тебя.

Побывавъ у Пастора, оба они пошли отъ него очень довольны, тебѣ особливо, что обнадежены были онымъ въ его помощи.

Пасторъ, по долгу своему, велѣлъ объявить о потерянномъ мѣшкѣ съ деньгами, не только въ своемъ приходѣ, но также въ Випреѣ и во всѣхъ сосѣдскихъ мѣстечкахъ. Вскорѣ послѣ сего приходило къ нему очень много лакомыхъ до денегъ; но никто изъ нихъ не могъ угадать сколько было оныхъ, какую монетою и въ какомъ мѣшкѣ.

Между тѣмъ Пасторъ не выпускалъ изъ мысли своего обѣщанія, какъ бы наискорѣе Пиррина сдѣлать щасливымъ. Онъ доставилъ ему не большій хуторъ, и снабдилъ его всею земледѣльческою збруею; а два мѣсяца спустя и женилъ онъ Пиррина на Лусеттѣ. Молодые, достигнувъ исполненія своихъ желаній, благодарили безпреспанно то Бога, то Пастора за устройство ихъ участи. Пирринъ былъ трудолюбивъ, а Лусетта рачительна о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Они въ належащее время платили деньги за наемъ ихъ хутора; а остальныя употребляли на свое содержаніе, и считали себя щасливыми.

Цѣлые два года несыскалось хозяина потеряннымъ деньгамъ. Пасторъ не считалъ за нужное держать ихъ у себя долѣ; по чему и отнесъ онъ ихъ къ добродѣтельному Пиррину съ Лусеттой. Дѣти мои, сказалъ онъ имъ, пользуйтесь симъ благодѣніемъ провидѣнія не употребляя его во зло. Эти двенадцать тысячъ Фрич-

ковъ лежатъ здѣсь безъ всякой прибыли: вы имъете право пользоваться процентами съ сего капитала. Ежелижъ сверхъ чаянiя същется имъ хозяинъ то безъ преко-словiя должны вы ему возврашнть всю сумму. Между шѣмъ употребите сей капиталъ такимъ образомъ, чтобъ пере-мѣнить только названiе его а не цѣну. Пирринъ послѣдовалъ сему совѣту; онъ принялъ намѣренiе купить потѣ самой хуторъ, которой онъ нанималъ. Его дѣй-ствительно продавали; но только просили за него нѣсколько дороже 12 тысячъ Франковъ. Однакожъ на наличныя деньги надѣялись получить его за сію цѣну. Въ самомъ дѣлѣ не могъ Пирринъ выгоднѣе употребить сихъ денегъ, которыя онъ считалъ не своими; да естлибъ и вы-искался хозяинъ, то и самъ бы онъ былъ шѣмъ доволенъ.

Пасторъ похвалилъ такое предложенiе, Купчая была совершена. Когдажъ Пирринъ сдѣлался ужъ хозяиномъ того хутора, ко-торой онъ прежде нанималъ, то началъ по-мышлять о приведенiи его въ лучшее состоя-нiе. Его земля была лучше обработана, труды его награждены были ужноживши-мися отъ оныхъ плодородiемъ. Словомъ: Пирринъ жилъ во всякомъ изобилiи, и чувствовалъ въ двое свое щастiе, для того что онъ сдѣлалъ оное своей Лусеттѣ. Со временемъ союзъ добродѣтельной сей

четы

четы благословенъ былъ сугубымъ плодомъ ихъ супружества. Они восхищались отъ радости, смотря на залогъ нѣжной ихъ любви. Лусетта съ своими дѣтьми выходила каждой вечеръ въ поле къ Пирриру, которой, видя ласки отъ дѣтей своихъ, забывалъ всю тягость своихъ трудовъ. Малолѣтныя Пирриновы дѣти, при всякомъ его возвращеніи съ поля, тѣснились къ нему на руки; одинъ изъ нихъ обтирахъ потъ съ его лица; а другой старался снимать съ него всю тягость, какою онъ былъ обремененъ. Пирринъ съ улыбкою смотрѣлъ на усердіе своихъ дѣтей, превосходившее ихъ силы; онъ благодарилъ Бога, за дарованіе ему толь нѣжной супруги и дѣтей, которыя толико ему подобны были.

Нѣсколько лѣтъ спустя по томъ Пасторъ умеръ. Пирринъ и Лусетта оплакивали смерть его отъ всего сердца. Они воспоминали всегда съ чувствителною признательностію всѣ его благодѣянія. Сіе огорчительное для нихъ приключеніе заставило ихъ думать самихъ о своей участи. Мы также, говорили они, когда ни будь умремъ, и наше имѣніе останется дѣтямъ; но оно намъ не принадлежитъ. Положимъ, что и выискался бы хозяинъ сему хутору, однакожь онъ лишился бы навсегда своего имѣнія, и мы нашею смертію правильное его пребываніе сдѣлали

бы недѣйствительнымъ. Сіе самое разсужденіе обѣимъ имъ было несносно. Гласъ совѣсти убѣдилъ ихъ сдѣлать письменное объявленіе, которое, по засвидѣтельствваніи отъ лучшихъ обывателей той деревни, отдано было новому Пастору. Таковая предосторожность, которую они почитали за нужную, для обязательства своихъ дѣтей къ возвращенію хозяину помянутаго имѣнія, наконецъ успокоила чувствительныя ихъ сердца.

Цѣлые десять лѣтъ прожили они своимъ домомъ. Въ одинъ день, какъ Пирригъ возвращался съ тяжкой своей работы, чтобъ пообѣдать съ своей семьей, увидѣлъ онъ на дорогѣ двухъ человѣкъ въ коляскѣ, которая близъ его опрокинулась. Онъ побѣжалъ вскорѣ къ нимъ на помощь, хотѣлъ выпрячь свою лошадь, свезти ихъ сундуки въ безопасное мѣсто, а самихъ ихъ просилъ къ себѣ въ домъ для отдохновенія съ дороги. Хотя никто изъ сихъ пробѣжжихъ при семъ случаѣ ни мало себя не повредилъ; однакожъ одинъ изъ нихъ сказалъ припомъ съ досадою: „Это погубное „ для меня мѣсто никогда не могу я его „ проѣхать безъ несчастія. За двенадцать лѣтъ передъ симъ претерпѣлъ я „ здѣсь значной убытокъ. Тогда, будучи „ я съ вилрейской ярманки, потерялъ на „ ашомъ мѣстѣ 12000 франковъ наличны- „ ми

„ми деньгами. Какъ? сказалъ Пирринъ, копорой слушалъ его съ примѣчаніемъ, и вы для сыску вашей потери не дѣлали никакого развѣдыванія? Это было невозможно, для того что не медленно я долженъ былъ отправиться въ Индію. Время было коротко; корабль стоялъ готовъ къ выходу въ море; и меня бы одного не стали ждать. По чему я и не въ состояніи былъ много развѣдывать о моей потерѣ, что можетъ спастись было бы шщетно; а при томъ основило бы мой отъздъ и сдѣлало бы мнѣ больше убытку, нежели сколько я потерялъ.

Пирринъ обрадовался чрезвычайно, услыша такую вѣсть; послѣ чего сдѣлался онъ еще услужливѣе къ своимъ гостямъ: онъ просилъ ихъ снова, чтобъ захватить къ нему для отдыха, увѣряя ихъ при томъ, что его домъ былъ всѣхъ ближе и чище во всей деревнѣ. И какъ прошеніе его было принято: то онъ, пошедъ напередъ чтобъ показать дорогу, вскорѣ сошелся съ своей женой, которая по обыкновенію его встрѣчала. Поскорѣ! сказалъ онъ ей, сдѣлай обѣдъ нашимъ гостямъ. Но пока готовляли кушанье, Пирринъ между шѣмъ подчивалъ своихъ пробъжжихъ водкою, и склонилъ свою рѣчь опять на потерю, о которой одинъ изъ нихъ жаловался. Онъ уже не сомнѣвался, что это былъ потъ самой, которому онъ обязанъ былъ

опдать все свое имѣніе. Между тѣмъ Пирринъ побѣжалъ тотчасъ къ новому Пастору, рассказалъ ему все то что онъ слышалъ, и просилъ его къ себѣ отобѣдать. Пасторъ пошелъ съ нимъ вмѣстѣ, и не могъ довольно надивиться безприщворной радости сего честнаго крестьянина по причинѣ такого отккрытія, которое могло бы его сдѣлать нищимъ.

Какъ возвратился Пирринъ съ Пасторомъ; обѣдъ уже былъ готовъ, и вскорѣ сѣли за столъ. Хорошо угощенные гости не знали какъ довольно возблагодарить добраго Пиррина, за его ласковой пріемъ. Они удивлялись какъ хорошему его распоряженію, добросердечію и откровенности, такъ Лусеттину веселому виду и живой ея расторопности; не меньше того, обратили на себя ихъ вниманіе и милья дѣпи сей добродѣтельной чепы, которыми они любовались очень долго. Послѣ обѣда Пирринъ казалъ симъ гостямъ свой овощной огородъ, клевъ и свою скотину, и рассказывалъ имъ о своихъ доходахъ, какія онъ съ нихъ получалъ. — Все это, что вы видите, сказалъ онъ потомъ одному изъ сихъ проѣзжихъ, есть ваше. Деньги, которыя вы потеряли, попались въ мои руки. Но какъ не сыскалось имъ хозяина: то я купилъ сей хупоръ, въ томъ намѣреніи чтобъ его возвратитъ тому, кто по неоспорному праву будетъ его требовать. Теперь онъ
вамъ

вамъ принадлежитъ. Естлибъ я умеръ и не узнавъ васъ, то Господинъ Пасторъ могъ бы показать письменное завѣщаніе, которое бы утвѣрило ваше право на все сіе имѣніе.

Проѣжій, съ изумленіемъ прочитавъ поданное ему завѣщаніе, и окинувъ своимъ взоромъ Пиррина, Лусетту и ихъ дѣшей, Гдѣ я? вскричалъ въ восторгѣ, и что я вижу? Какой чрезвычайной поступокъ! Какая добродѣтель! Какое благородство! Да и въ какомъ состояніи людей нахожу я такія чувства! Развѣ есть у васъ, продолжалъ онъ, кромѣ сего хутора, еще другія земли? Никакъ сказалъ Пирринъ; но естли вы не захотите его продать, то надобенъ будетъ вамъ для онаго прикащикъ; и я надѣюсь, что вы мнѣ въ семъ мѣстѣ не откажете. — Искренность ваша, сказалъ на то проѣжій, заслуживаетъ лучшее награжденіе. Двенадцать лѣтъ ужѣ прошло какъ я потерялъ ту сумму денегъ, которую вы нашли. Съ того времени Богъ благословилъ мою торговлю; она сдѣлалась гораздо обширнѣе и прибыльчнѣе прежней. Я не долго чувствовалъ мою потерю; теперъ возвращеніе оной не сдѣлалобъ значнаго приращенія моему имѣнію; вы достойны вашего щасія. Само провиденіе наградило васъ онымъ. Я бы не простилъ себѣ такого жестокосердія, естлибы польстился

находкою поль маломожной частицы моего имѣнія, и лишилъ бы васъ оной. Владѣйте спокойно симъ вашимъ небольшимъ хуторомъ, онъ вамъ принадлежитъ; и еслии надо, то дарю я его вамъ впрочемъ. Вы найденную сумму могли бы уплатить; я не спалъ бы дѣлать большихъ о томъ разысканій; да и ктобъ въ томъ случаѣ поступилъ такъ какъ вы? При сихъ словахъ, прѣжжій разодралъ завѣщаніе, которое онъ держалъ еще въ своихъ рукахъ. Толь прекрасной поступокъ, продолжалъ онъ, не долженъ остаться безъ замѣчанія. Хотя нѣтъ никакой нужды въ судебномъ засвидѣтельствованіи того, что я вамъ уступилъ мое право, и что какъ вы такъ и дѣти ваши сдѣлались чрезъ то законными владѣльцами сего пріобрѣтеннаго вами имѣнія: однакожъ я хочу, чтобъ все сіе по формѣ было записано, дабы оно въ потомствѣ служило не забвеннымъ знакомъ поль благородной вашей искренности и чистосердечія.

Пирринъ и Лусетта кинулись къ ногамъ прѣжжаго. Онъ, поднявъ ихъ, обнялъ, обоихъ. Нотариусъ, котораго призвали, по томъ записалъ сію уступку по формѣ; онъ во всю свою жизнь ничего лучше сего не писывалъ. Пирринъ проливая слезы отъ радости, и взглянувъ на сверего сына и дочь, сказалъ: Любезныя дѣти! цѣлуйте съ почтеніемъ благотворную десницу сего чуже-

чужестранца. — Смотри на невинную дѣтскую радость и самъ благопворишель, при семъ великодушномъ своемъ поступкѣ, не могъ воздержаться отъ того, чтобъ не прослезиться. — О сколь щасливы! вскричалъ наконецъ Пирринъ, о сколь мы щасливы Лусетта! Сей хуторъ сдѣлался законнымъ нашимъ имѣніемъ, безъ укоризны, безъ угрызенія совѣсти, можемъ мы теперь почипать его своимъ. Да благословенъ будетъ вѣчно нашъ благопворишель! Да препрославлено будетъ имя Всевышняго, услышавшаго смиренное моленіе наше, и воздавшаго намъ, по своей благости, за нашу искренность.

Перевели съ Нѣмецкаго языка
Елисавета и Настасья Спиньины.

IX.

ЖУРНАЛЪ.

На берегу моря въ Марселѣ, молодой Робертъ при хорошемъ лѣтнемъ вечерѣ ожидалъ, пока кто нибудь сядетъ въ его лодку. Одинъ незнакомый сѣлъ въ оную; но потчасъ хотѣлъ ее опять оставить, сказывая подошедшему къ нему Роберту, что онъ поищетъ другой лодки для того что не видно перевозчика, ко-
ему сія принадлежитъ!

Это моя отвѣчалъ Робертъ. —

Но

Но ты юноша непохожъ на перевозчика; видъ твой показываетъ совсѣмъ пропивное состояніе.,,

Это правда я не перевозчикъ; но для заслуженія себѣ чего нибудь болѣе, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ упражняюсь я въ семь ремеслѣ.

Къ чему въ твои лѣта быть уже сребролюбиву!

Сіе обезображиваетъ твою юность, первой взглядъ щастливаго твоего лица начертанія плѣнилъ меня, но при семь пороковъ мое чувствованіе становится совсѣмъ хладнокровно.

Ахъ! Если бы вы знали причину дѣлающую меня столь жаднымъ къ заслуженію чего нибудь: если бы вы меня знали, тобы вы не умножили мою горестъ подозрѣніемъ столь молодужнаго свойства. Можетъ быть, что я тебя обидѣлъ, но ты не хорошо изъяснился повези меня прогуляться по морю, и расскажи мнѣ свою повѣсть. — Теперь любезный другъ! Скажи въ чемъ состоипъ твоя скорбь, ты произвелъ ко мнѣ желаніе принять участіе въ оной.

Одно несчастіе угнѣщаетъ меня; мой отецъ изнемогаетъ въ неволѣ, а я не могу еще его освободить. Онъ былъ сводчикомъ между купечествующими въ семь городѣ; своими трудами и тѣмъ что моя мать ее торгомъ модѣ нажили купилъ

купилъ часть груза одного въ Смирну отправляющагося корабля, хотѣлъ самъ спараться о обмѣнѣ своихъ товаровъ, и отправился съ кораблемъ. Оный былъ взятъ морскими разбойниками, и опсуденъ въ Тетуанъ, гдѣ мой несчастной отецъ съ прочими людьми бывшими на кораблѣ остался въ плѣну.

Выкупу за него требуютъ 2000 талеровъ, но какъ онъ свое имѣніе совсѣмъ истощилъ чрезъ откупленную часть на кораблѣ, то намъ еще на сіе весьма много недостаетъ. Моя мать и сестры работаютъ во весь день, а иногда и до самой глубокой ночи. Я избралъ промыслъ одного золотыхъ дѣлѣ мастера и у него столь же прилѣжно работаю какъ и они; да и праздничные и воскресные дни не хочу пропустить, какъ вы видите. Мы огра ничили себя самымъ необходимымъ шимъ содержаніемъ жизни. Съ начала я думалъ, что мнѣ бы можно было отправиться въ то мѣсто, гдѣ мой отецъ на ходится въ плѣну, чтобъ заступитъ его мѣсто, и такимъ образомъ его освободитъ. Радостное воображеніе быть его избавителемъ, духъ мой возвысило превыше всѣхъ затрудненій сего предпріятія. Я уже хотѣлъ на то отважиться, какъ моя мать, не знаю какъ то узнавши мое намѣреніе, увѣряла меня, что это явная невозможность и всѣхъ карабленачальниковъ отправляющихся въ Левантѣ

просила, о запрещеніи своемъ принимати меня на ихъ корабли. —

Не получаешьли ты какого извѣстія о своемъ отцѣ? Извѣстносили тебѣ имя господина его въ Тетуанѣ? Какъ онъ тамъ содержится? „

Его господинъ есть главный надзиратель королевскихъ садовъ. Онъ умѣетъ почитать челоуѣчество и въ невольникѣ, и работа, кою отецъ мой долженъ исполнять, не превосходитъ его силы.

Но мы не при немъ, чтобъ его утѣшить и ему помогать: онъ отъ насъ удаленъ, удаленъ отъ супруги нѣжно любимой, удаленъ отъ троихъ дѣтей, бывшихъ всегда любезнѣйшими предметами его отеческаго сердца.

„Подъ какимъ именемъ извѣстенъ твой отецъ въ Тетуанѣ. „

Онъ не перемѣнилъ своего имени и тамъ его зовутъ Робертомъ, такъ какъ и въ Марселѣ.

Г. Робертъ..... У надзирателя королевскихъ садовъ? „ Такъ государь мой.

Твое несчастіе прогааетъ меня . . . . твои свойства дѣлаютъ тебя достойнымъ лучшей участи; и если предвѣщаніе моего сердца меня не обманываетъ — не унывай! можетъ быть ты ближе къ счастливой перемѣнѣ, нежели какъ ты надѣешься.

Какъ наступила ночь, то Роберту приказано было грести къ берегу. Лодка пристала къ краю, не знакомой сошелъ съ оной, далъ Роберту свой кошелекъ, и пошелъ поспѣшно отъ него прочь. Въ немъ лежали 18 двойныхъ луидоровъ и 100 талеровъ серебряною монетою. Живѣйшимъ плѣнившимъ восторгомъ молодой человѣкъ не могъ довольно надивиться сему подарку; онъ повсюду искалъ неизвѣстнаго благодѣтеля, чтобъ ему возблагодарить: но стараніе его было тщетно.

Спустя шесть недѣль, послѣ сего приключенія, какъ сія добродѣтельная Фамилія, стараясь между тѣмъ всегда чрезъ неутолимые труды собрать нужную для своей цѣли сумму, успокоивалась нѣсколько минутъ при самомъ умѣреннѣйшемъ обѣдѣ. Робертъ отецъ вошелъ въ ихъ комнату походкою показывающею спокойныя обстоятельство, и засталъ ихъ въ печали и бѣдности. Ахъ! дражайшая моя супруга! любезныя дѣти! какъ вы могли столь скоро освободить меня изъ величайшаго бѣдствія и привести въ цвѣтущее состояніе? Посмотрите какъ я одѣтъ, мнѣ ничего недостаетъ, и вотъ 50 луидоровъ, данные мнѣ въ путь какъ я вступилъ на корабль, на коемъ ужѣ напередъ заплачено было за мою поѣздку, и мое содержаніе! какъ могу я вамъ возблагодарить за столь горячую любовь и такое усердіе!

вЪ какомъ же бѣдномъ состояннн долженъ я васъ теперь найти, и по ради меня? Мать отъ изумленнн была неподвижна; радостныя слѣзы лилися со впадшихъ ее ланитъ и мѣшались съ лобзанннми, коими она многократно встрѣчала возвращеннаго своего мужа; обѣ дочери взявъ руку возлюбленнаго своего родителя, цѣловали ее нѣжно. Молодой Робертъ одинъ сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ и наконецъ упалъ въ обморокъ.

Пролившн слезъ возвратило матери языкъ: она еще обнимаетъ своего супруга, кидаетъ оживленный взоръ на своего сына, и показываетъ ему отца. — „Вотъ твой свободитель! шесть тысячъ ливровъ были цѣною твоего выкупа, половину мы собрали, а большую часть онаго доставили намъ любовь и труды твоего сына. Сей доброй юноша нашолъ дѣйствительно друзей удивляющихся его добродѣтели, кои ему въ томъ помогли; ему единому мы обязаны своимъ щастнмъ; онъ допустилъ насъ чувствовать вѣщшее удовольствн въ нечаянной радости. — Посмотри, какъ онъ самъ чувствуетъ! — но мы его оставляемъ безъ помощи. — Мать, сестры, отецъ, всѣ старались имъ возлюбленнаго изъ сего долговременнаго безпамятства привесити паки въ чувство; по многомъ трудѣ имъ въ томъ удалось. Краска жизни возвращается въ блѣдное его лице. Онъ пер-

первые еще дрожащія взоры не спускалъ съ отца, но будучи еще отъ изумленія безсловесенъ не могъ онъ иначе изъясниться; какъ возрастающимъ волнованіемъ пронутаго сѣрдца.

Вдругъ и самъ отецъ приходитъ въ безпамятство, глаза его помутнились, душа казалось оставляетъ наружныя части его тѣла, и отходитъ въ его внутренность, дабы заняться мучительными мыслями, кои его беспокоили. Онъ стоялъ совѣмъ онѣмѣвъ и трясся, — наконецъ прервалъ сіе страшное молчаніе. — „Нещастный! что ты сдѣлалъ? Вскричалъ онъ своему сыну томнымъ голосомъ сѣшванія; какъ могу я тебя благодарить за мое избавленіе, неоплакивая его? Какъ бы могло быть то скрыто отъ твоей матери; естлибѣ не было цѣною дѣйствія наказанія достойнаго? Въ твои лѣтѣа, въ твоемъ состояніи не безъ чрезвычайныхъ путей сынъ гонимаго злымъ рокомъ отца, невольника находитъ толь великую руку помощи, кою ты мнѣ подалъ. Колико я опасаюсь не обманула ли тебя сыновняя любовь, успокой меня и признайся чистосердечно? Лучше всѣ мы умремъ, нежели чрезъ тебя добродѣтель и честность оскорблены будутъ. Успокойтесь дражайшій родитель, отвѣчалъ молодой Робертъ (вставъ съ горячностью, но не безъ труда еще) обоймите своего сына, онъ не недостоинъ сего любе-

знаго имени токмо и не довольно щастливъ, чтобъ доказать вамъ, какъ свято для него сіе наименованіе. Не мнѣ, и не намъ обязаны избавленіемъ. Я зная нашего благодѣтеля. Любезнѣйшая мать! сей не извѣстный давшій мнѣ сей кошелекъ, распросилъ отъ меня всѣ обстоятельства; это точно онъ! я во всю жизнь свою стану его искать, я долженъ найти; онъ сугубо будетъ наслаждаться своимъ благодѣніемъ, когда раздѣлитъ оное съ нами, и соединитъ слѣзы своего чувствованія съ слезами нашей благодарности. Онъ рассказалъ отцу приключеніе свое съ незнакомымъ, и утишилъ чрезъ то его безпокойствіе. Сія повѣсть была озареніемъ души добродѣтельнаго отца. Радость распроспанилась по его лицу, онъ взирая на сына; о Боже! Восклицалъ съ восторгомъ, koliko я тебя люблю? И подбѣжалъ къ нему обнималъ его толь сердобольно, что никогда еще отъ него подобнаго тому не случалось. Тронутая мать заливающаяся радостными слезами, также его лобызала — Какое щастіе имѣть такого сына, какъ сей! Любезный нашъ братъ зывали сѣстры, бросясь обѣ вмѣстѣ ему на шею, какъ мы тебя любимъ! Послѣ сихъ радостныхъ часовъ слѣдовали щастливѣйшіе дни. Робертъ снискалъ паки друзей и вспоможеніе. Онъ былъ щастливъ въ новыхъ своихъ предпріятіяхъ, которыхъ слѣд-

слѣдствіе превышало его надежду. Чрезъ два года пріобрѣлъ онъ себѣ значное имѣніе, и утвердилъ щастіе, cadaго изъ прехъ своихъ дѣшей выгоднымъ бракосочетаніемъ. Ничего не доставало къ его благополучію и радости его семейства, какъ утешеніе знать своего благодѣтеля. Молодой Робертъ прилагалъ всѣ свои силы о открытіи его; чувствованіе премѣняемое въ нѣкое обоженіе исполняло благодарностію его сердце съ пѣхъ поръ, какъ онъ получилъ паки своего отца, онъ повсюду искалъ земнаго сего Бога своей признательности.

Въ одно воскресеніе по утру встрѣтился онъ съ нимъ на конецъ въ Гавани., — Ахъ мой защитникъ!, болѣе не въ состояніи онъ бывъ ничего промолвить, повергся въ безпамятствѣ къ его ногамъ. Незнакомый помогаетъ ему съ усердіемъ и посредствомъ благовонной воды возвращаетъ ему жизнь. Едва пришелъ онъ въ себя, то спрашивалъ толпъ его о причинѣ сего чуднаго поступка. Ахъ можетъ ли она быть вамъ неизвѣстна. Развѣ вы забыли Роберта и несчастное его семейство, которое получило паки себѣ любезнаго отца и новое щастіе чрезъ виши благодѣянія.

Вы ошибаетесь мой другъ! Я васъ не знаю; и вы знаете меня безъ сомнѣнія

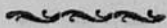

стольже мало; я чужестранецъ въ марселѣ; и еще не давно здѣсь.

Сіе можетъ быть правда; однако вспомните, что вы за два года предъ симъ были здѣсь; приведите себѣ на мысль сіе прогуливаніе въ гавани; вспомните объ участіи, кое вы брали въ моемъ злосудіи; о вопросѣ сдѣланномъ мнѣ вами, о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ чрезъ кои вы довольно могли освѣдомиться. чтобъ сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ. Великодушный избавитель моего отца! можете ли вы позабыть, что вы искупитель цѣлой Фамиліи, ничего болѣе къ своему щастію не желающей, какъ вашего присутствія. Успокойте нашу нетерпѣливость, радѣйте съ нами нашу радость своимъ приходомъ! Умѣрьте себя, мой другъ! вы ошибаетесь я ужъ вамъ сказалъ. Эпо., Нѣтъ я не ошибаюсь, ваши черты столь глубоко въ моемъ сердцѣ впечатлѣны что я въ васъ опознаться не могу, удостойте, я васъ прошу.

Молодой Робертъ взявъ его за руку хотѣлъ принудить его съ нимъ итти, между тѣмъ много народу ужѣ собралось около ихъ.

Государь мой, сказалъ неизвѣстной важнымъ голосомъ, сей поступокъ меня упомяетъ, безъ всякой вамъ помощи. Поиспиннѣ точное сходство подаетъ поводъ къ сему вашему заблужденію.

Опомнитесь лучше; возвратитесь въ вашъ домъ, вы опять наслаждаться будете покоемъ съ вашею Фамилією, это вамъ нужно.

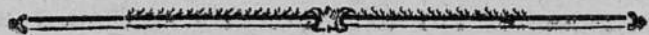
Какая жестокость! великодушный благодаритель сей Фамиліи! для чего вы своимъ сопропивленіемъ мнѣ теперь чинимымъ, вашимъ отрицаніемъ, чѣмъ отъ меня отстать, помрачаете щастіе, за кое она обязана вамъ единому?

И такъ развѣ я напрасно долженъ лежать у вашихъ ногъ? Развѣ не хотите совершеннымъ сдѣлать ваше благодареніе; чѣмъ васъ видѣть, вамъ возблагодарить болѣе мы ничего нежелаемъ. — А вы мои сограждане, вы, которые мое смущеніе, мое усердіе чувствуете, соединитесь со мною, споспѣшествуйте мнѣ въ щастіи, виновника моего благополучія видѣть свидѣтелемъ собственнаго его дѣйствія! незнакомый пребывалъ въ глубокомъ молчаніи. Потомъ вдругъ усиленъ побужденіемъ свойственнымъ только великой душѣ отказываетъ онъ прелестному виду и радостному чувствованію кое его ожидаетъ: вырывается изъ объятій молодаго Роберта, уходитъ между множествомъ народа отъ глазъ теплыми заливающимися слезами чувствованія благодарнаго юноши, и оставляетъ тронутымъ зрителямъ примѣръ никогда невиданнаго великодушія.

Неизвѣстный, о коемъ здѣсь рѣчь, остался бы и понынѣ таковымъ; еспльибѣ по смерти его наслѣдники не нашли между его письмами записку на 7500 ливровъ, посланную изъ Кадикса господину Маину, и о томъ бы изъ любопытства не освѣдомились; ибо сія записка была зачернена, и бумага измята, какъ будто для сожженія была назначена.

Сей славной Аглинской Банкиръ показалъ въ своемъ отвѣтѣ, что онъ употребилъ сіи деньги къ освобожденію изъ неволи въ Тешуанѣ Марсельскаго гражданина по имени Роберта, по приказанію Г. Карла Фонъ Секондата Барона де Монте-скье Президента Парламента, что въ Бурдо.

Х.

НѢКОТОРЫЯ ГЛАВЫ

изъ

сокращенія

БАКОНОВОЙ ФИЛОСОФІИ

О Сцептицизмѣ.

Сомнѣніе есть основаніе истинны. Сцептицизмъ начало свое получилъ отъ философовъ Натуралистовъ, кои повсюду только въроятность и правдоподобіе усматривали. Сократъ пріобрѣлъ названіе мудраго

драго и славу ученаго мужа признаніемъ своего незнанія. И какъ онъ казался не рѣшительнымъ и малознающимъ въ томъ самомъ, въ чемъ онъ наиболѣе искусенъ былъ, то по сему и искреннія его признанія въ несовершенствѣ своемъ, принимали на щетъ его скромности. Онъ привелъ доказательства въ вопросы. Однако говорятъ о немъ, будто бы онъ на небесахъ почерпнулъ истинну, къ достиженію коея научалъ смертныхъ единственному средству сомнѣваться.

Прочіе Философы составляли системы; Сократъ на прошивъ того за удовольствіе себѣ вмѣнялъ оныя опровергать своими вопросами, кои служили упражненіемъ ученику и послѣдователю его Платону. Послѣ Философовъ, Ораторы сдѣлались Сцепщиками, къ пріобрѣтенію равной славы съ тѣми, кои какъ защищать, такъ и опровергать могли съ твердостію; ибо таковыя почитаемы были за краснорѣчивѣйшихъ. Отсюда произошелъ сей Методъ законоискусниковъ, во всякомъ случаѣ изыскивать причины къ сомнѣнію и къ подтвержденію, бѣдственное изобрѣтеніе, влекущее за собою медленность или поспѣшность рѣшеній, попому что когда судя при всякомъ шагѣ видитъ себя тревожима новыми возраженіями будучи не столько просвѣщенъ слабымъ сіяніемъ, сколько то было при первомъ лучѣ, окан-

чиваетъ свои заключенія на удачу, только съ большимъ угрызеніемъ.

Академики или послѣдніе Сцептики единые только оное имя носившіе утверждали въ ложныхъ положеніяхъ истинны вкуса и чувствованія, предавая безсмертію посредствомъ остроумныхъ разсужденій раздоры и ссоры ученыхъ. Но изъ всѣхъ Сцептиковъ несноснѣе были тѣ, кои не соглашались полагаться на вѣрность чувствъ. Ибо кого мы въ свидѣтели примемъ на мѣсто оныхъ. Лучшебы было возложить всѣ наши заблужденія на недостатки разума, не вмѣняя того споспѣшности смысла, который не даетъ себѣ ни времени на разсмотрѣніе, ни пшанія на разсужденіе; но все выводитъ изъ мнимыхъ началъ, худыхъ слѣдствій, и методовъ, попому что находятся предосторожности, противъ таковыхъ обмановъ; но ничто не спасаетъ истинны отъ обмана чувствъ. Еслии сіи свидѣтели будутъ подкуплены, тогда что составитъ судилище зрѣлѣйшаго разсудка

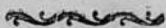
Надлежитъ, чтобъ путь ведущій чувствъ къ смыслу, былъ пресѣченъ многими кривизнами, попому что есть столько заблужденій, сколько мнѣній о путяхъ ведущихъ насъ къ природѣ. Но хотябъ и согласились въ началахъ (чему не можно спастись; однако осталось бы еще много вопросовъ къ рѣшенію. Посмотримъ на

на заключеніе Пирронизма, копорой утверждаеѣ, что нѣтъ ничего истиннаго, все ложно.

Философъ знающій сомнѣваться, разумѣетъ болѣе всѣхъ ученыхъ. Сцептицизмъ пресѣкаетъ путь къ заблужденіямъ, освобождаетъ истинну отъ мглы ее покрывающей. И естли оной не усматривающъ, то сіе происходитъ не отчего другаго, какъ отъ того, что она насъ безпрестанно убѣгаетъ. Онъ устремляетъ вниманія наши къ предметамъ отъ насъ удаляющимся. Перронизмъ напротивъ того, утверждаетъ мнѣнія самыя нелѣпыя; онъ покрываетъ предметы сомнѣнія мракомъ, истинну сомнѣніями.

Самовластіе Философовъ Догматистовъ и независимость Пирроніевъ могли равно учинить человѣческой разумъ не дѣйствительнымъ. Аристотель не уничтожаетъ важности древностей, но только оную похищаетъ, Тиранъ, заступившій мѣсто маломощныхъ властелиновъ: Платонъ, ни кого не раздражившій, хотя только послѣдовать предписанію Софистовъ каковыя были Гиппійасъ и Протагоръ, кои убѣгали разборовъ сомнѣнія, какъ незаконнаго владѣтеля, старается всячески избѣгать оныхъ. Платонъ радовался тому, что изнурялъ своихъ соперниковъ. Но основалъ у себя училище непоколебимое и состоящее изъ пвердыхъ

дыхъ Сцепшиковъ; кой не помышляли о томъ, какъ Пирронъ, какимъ образомъ исключить всякаго роду изысканія и разсмотрѣнія не отвергая явно истинны и недопуская совершенно оной; но наблюдали нѣкоторую среднюю спезю въ мысляхъ, безпрестанно полагая на вѣсь вновь изысканныя причины, дабы усмотрѣть, которая сторона болѣе тяжести имѣетъ.

Сцепшицизмъ есть великой гонитель гордости; но не имѣетъ ли оная участія въ лѣности? Удостоверившись, что нѣтъ ничего истиннаго и основательнаго, выбираютъ ученія по вкусу, и для препровожденія времени. Вотъ путь, по коему наслѣдникъ ни кѣмъ не управляемый, заблуждаетъ, онъ оканчиваетъ его не для чего инаго, какъ только для удовольствованія своего любопытства, или для увеселенія своего не постоянства. Опечесство и челоѣчество возстаютъ противъ таковой любви къ мудрости.

Сцепшицизмъ чрезмѣрно опасенъ въ поведеніи, ибо влечетъ за собою нерѣшительность во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, останавливающую оныхъ успѣхи. Слѣдующіе оному въ поведеніи, поступаютъ слѣпо, и съ нѣкоторою недовѣренностію, опровергающе самыя лучшія предпріятія. Сіе то есть бѣдственное состояніе въ которомъ предметы представляемыя обращаются предъ очами въ безконечномъ замѣша-

мѣшателъствѣ: отсюда то происходитъ, что люди обширнаго разума бывають не такъ тверды; потому что сыскивають причины къ размышленію тамъ, гдѣ другіе ничего не сыскивають кромѣ самаго дѣла.

Задачами заглушаются заблужденія, вводимыя безъ всякаго опасенія въ положенія отъ училищъ. Можетъ быть, сей есть истинный способъ къ собственному изученію, чтобъ предлагать истинныя какъ задачи. Ибо при неразсмотрѣннн все дѣлается предассужденіемъ, не выключая самой истинны. Но равно, какъ скоро сомнѣніе овладѣетъ понятіемъ, прилѣпится къ оному и неотстанетъ, сіе бываетъ нерѣдко бѣдствіемъ: немѣдленно предложенія присвоиваютъ себѣ нѣкоторой родъ вѣроятности и справедливости на щетъ мнѣній; сія вольность сомнѣваться, разливаеся и на ближайшія понятія, входитъ во всѣ знанія и науки и продолжается до безконечности, такъ что истинна превращается въ знакъ къ брани и въ гласъ Триумфа.

Независимость разсудка совсѣмъ иное, нежели безприсраспіе Сцеппицизма. Истинна не есть бѣдственное иго. Власствованіе оныя природное и кропкое, не только не лишаетъ духъ своя вольности; но оную при немъ удерживаетъ и прилѣпляетъ посредствомъ любви ко благу и поль-

вѣ своего спокойствія; ему служитъ убѣ-
 жищемъ и пристанью по великихъ набѣ-
 гахъ на земли предрассужденій. Но Сцеп-
 пицизмъ есть круговое обращеніе заблуж-
 деній, кои безпрестанно повергаютъ раз-
 судокъ отъ свѣта въ пропасть. Сцептикъ
 лишаетъ свои чувства и разсудокъ всѣхъ
 силъ, но истинный Философъ возвраща-
 етъ оныя имъ на употребленіе.

XI.

О Воображеніи.

Воображеніе уподобляется вѣстницѣ,
 которая сохраняетъ сообщеніе между
 разумомъ и волею. Чувства подвержены
 его властительству, и представляютъ
 ему предметы за кои оно отвѣтствуетъ
 разуму, отсылающему оныя по освидѣ-
 тельствованіи, къ волѣ, для рѣшенія
 или учиненія послѣдняго приговора. И
 такъ не должно удивляться, что вообра-
 женіе имѣетъ толикую власть надъ на-
 шими мыслями и дѣлами. А понеже оно
 имѣетъ у себя вѣроломныхъ слугъ, да и
 само собою есть двоемысленный исполко-
 ватель, по посему оно и есть источникъ
 всѣхъ нашихъ заблужденій и беззаконій.

Суевѣріе очень много зависитъ отъ
 воображенія, вотъ для чего оно уп тре-
 бляетъ

блаетъ къ пораженію онаго мечты, сны и привидѣнія. Власть Фантазма начинается овладѣніемъ воображенія; не вѣрятъ тому, чему бы желали повѣрить, по тому, что въ ужасъ приводитъ, или что прельщаетъ насъ или обманываетъ.

Суевѣріе есть сей родъ обвороженія или волшебной силы, которое страхъ оказываетъ надъ воображеніемъ. Оное есть причиною пѣхъ языческихъ Идоловъ или невидимыхъ духовъ, блаженныхъ и бѣдспвенныхъ временъ и онаго непреоборимаго жара любви и ненависти.

Разумъ и сердце бывають попеременно обманомъ воображенія. Если бы что казалось только добрымъ или походило на добро, то почитаютъ добромъ, что удивило, то любятъ. Любезная, всегда съ хорошими качествами, а острый разумъ всегда съ пріятностію показывается.

Воображеніе дѣйствуетъ нашими чувствами, оно содержитъ во власти составъ человѣческой, такъ что такое движеніе должно прерваться въ самую ту минуту, когда видъ причиняющій оное исчезнетъ: человѣкъ прогуливавшійся, нечаянно останавливается, ибо онъ видитъ себя связанна понятіемъ, которое, такъ сказать, останавливаетъ его шаги, овладѣвъ воображеніемъ.

Убѣдительное увѣреніе, вспомошествоующее вещественности, живая надежда, приводитъ насъ къ тому, п. е. кто прилѣпившися къ одному предмету, вѣритъ, будто бы онъ видитъ оной тамъ, гдѣ его нѣтъ и поступаетъ такъ, будто бы предъ глазами у него находился; и что другой рано или поздно, однако достигаетъ того предмета, которой всегда очамъ его представляется, только бы онъ стремился къ оному съ тою довѣренностію, какую вкушаетъ разумъ или побужденіе; ибо воображеніе гонитъ насъ съ жестокостію къ той цѣли, при коей счастье кажется насъ ожидающимъ.

Средства, болѣею частію дѣйствуютъ только посредствомъ воображенія; и первое ихъ дѣйствіе состоитъ въ поираниіи онаго. Врачъ ускоритъ облегченіемъ своего больнаго, когда можетъ увѣрить его, что онъ скоро получитъ облегченіе. Однако часто случалось видѣть, что воображаемая болѣзнь превращалась въ подлинную; но не слышно чтобъ больные получали здоровье единственно отъ воображенія или представленія себя здоровыми.

Сны состоятъ во власти воображенія, которое повпоряетъ съ болѣею силою чувствамъ начертанія внѣшнихъ предметовъ. Духъ и тѣло должны сплывутъ сильнѣе ощутитъ тѣже чувствованія во время сна,

сна,

сна, для того что воображеніе управляетъ тогда оными; равно и угнѣненные во время ночи снѣнями, воображаютъ горы и тяжесни подавляющія, перпятъ съ равнымъ почти мученіемъ, естли бы и въ самомъ дѣлѣ по происходило. Ипохондрики подверженныя возвышенію паровъ въ желудкѣ проходящихъ до самаго мозга и чувствующіе внутри на подобіе рева, и непрестанной драки противныхъ вѣтровъ, грѣзятъ бури и ненастья.

Увѣряютъ, будто бы есть нѣкоторой родъ взаимнаго впечатенія между умами или дарованіями, полько воображеніе единого дѣйствуетъ надъ воображеніемъ другаго; отсюда происходитъ сила краснорѣчія; востія, внушенный парами Энтузіазма, преклоняетъ все собраніе собственнымъ своимъ жаромъ, и производитъ такія не ожидаемыя переменныя во нравахъ и довѣренности, кои продолжаются и исчезаютъ съ симъ жестокимъ начертаніемъ; отсюда раждается еще сила примѣра или подражаніе; человекъ побѣжденный какимъ неистовствомъ, приходитъ мало по малу въ недовѣріе, и смѣлою поступкою дѣлаетъ такія не ожидаемыя переменныя, какія случаются съ царствами въ военное время. Не отъ сего ли выходитъ, что люди гораздо предприимчивѣе отъ начертаній, страсти возмущающихъ въ сообществѣ, нежели въ уединеніи? Не слухъ ли, при-

готовленія и движенія и все что только ни представляется мыслямъ нашимъ, воображеніе наше возмущаетъ? Сіи глухія движенія страха, соболѣзнованія разливаютъ дѣйствующимъ въ комедіи на всѣхъ зрителей, удворяютъ взаимнымъ сообщеніемъ и подобно шуму свирѣпаго моря, коего волны возвышаются и ударяются, дѣлаютъ опустошенія во всѣхъ сердцахъ.

Очарованія, суть привидѣнія нѣкоего испорченнаго воображенія, которое сообщаетъ свою боль спольже слабому мозгу. Сіе очень можно, что нѣкоторые мнимые волшебные соки помогаютъ головѣ, и дѣлаютъ въ крови сіе скорое и спремительное движеніе, которое подобно самой злой лихорадки, наводитъ чрезвычайную судорогу, особливо когда воображеніе возмущено было вздорными и нелѣпыми мнѣніями. Что? Естьли что здѣсь сверхъ естественное?

Своѣйства Магіи или волшебства, или сами собою ничего не значили, что подастъ случай къ свободному сношенію воображенія; или имѣли великое отношеніе съ понятіями колдовства; что способствовало къ произведенію разныхъ удивительныхъ дѣйствій: Прелести употребленныя ко внушенію любви или къ одержанію дѣйствія естественныхъ желаній, имѣли полную власть надъ замѣшательствомъ, разлитымъ по всему воображенію

мію пустыми и нелѣпыми страхами; въ единыхъ страхъ любви, а у другихъ невозможность въ удовольствованіи оной, дѣлали ихъ сопротивленіе тщетнымъ.

Воображеніе обলেখается, привидѣніемъ чрезъ другое привидѣніе.

Большая часть чудесъ, приписываемыхъ Симпатіи или сходству во нравахъ, своимъ бытіемъ не другому чему обязаны, какъ воображенію. Письмо, картина, или портретъ, локонъ той, которая намъ мила, возбуждаютъ во всемъ тѣлѣ принужденныя смятенія и замѣшательства; не то ли, что они возобновляютъ въ памяти воображеніе, приближеніе сильнѣйшаго колебанія или смущенія?

Красота владѣетъ не преоборимою склонностію въ разсужденіи нашихъ чувствованій, болѣе или менѣе сильною по силѣ прочихъ отношеній между нашимъ сердцемъ и предметомъ оное поражающимъ, сіе обольщеніе совсѣмъ не зависящее отъ воображенія, умножаетъ всячески, или ослабляется само отъ оной.

Можетъ ли быть въ черепѣ несчастнаго погибшаго насильственной смертію, сходство Симпатическое, которое бы имѣло дѣйствіе надъ честнымъ человѣкомъ, рану въ голову получившимъ. Нѣсколько на истинну схоже, что сердце львиное еще кипящее, когда будетъ приложено къ сердцу хилаго человѣка, то оное придастъ

ему бодрость. Тѣло крѣпкое и крови исполненное, кѣ войнѣ склонной народѣ, жесточайшимѣ дѣлаетѣ вѣ бояхѣ. Когда бы и самая Симпатія дѣйствовала вѣ отдаленномѣ разстояніи, то какое впечатеніе единого могло бытѣ ко множеству, или множества кѣ единому? Однако какѣ извѣснить сіи нечаянныя извѣстія, кои могли дойти о побѣдѣ войска кѣ частному человѣку, или о смерти единого непріятеля ко всему народу? Сіи чудеса припишутѣ нѣкому выше естественному откровенію; но что должно отвѣтствовать, Римлянамѣ, язычникамѣ видѣвшимѣ собиравшійся народѣ кѣ кругу, поднимавшій радостной и торжественной шумѣ во время того происшествія вѣ дальнемѣ разстояніи, и благодарившій безсмертныхѣ боговѣ по причинѣ полученія успѣха, за три дни до извѣстія. Или сіе бывало по слѣпому случаю, или то привидѣніе; но скажемѣ что воображеніе предвѣщаетѣ ли утвердительно все то, чего мы не надѣемся получить?

Воображеніе робкаго человѣка, всегда ему представляетѣ препоны вѣ отчаяніе приводящія; да и развѣ не видно, что съ охотою надѣется на вспоможенія и мнимыя обѣщанія другихѣ, и что ничего не осмѣливается предпріяты самѣ собою тогда, когда смѣлая предпріимчивость оканчивается отважныя дѣйствія.

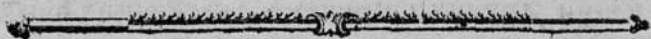
Науки во всемъ зависящiе отъ воображенiя, какъ Астрологiя (звѣздочетiе), удивительными кажутся въ своихъ средствахъ, а цѣль ихъ весьма простая. Весьма легко станется, что звѣзда, во время моего рожденiя шутъ, подъ такою точкою и такимъ видомъ положенiе имѣвшая, и тысячи другихъ причинъ, имѣющихъ нѣкоторую связь, показываютъ его щастливымъ или злощастнымъ. Но пусть они могутъ читать вашъ рокъ на облакахъ и пусть притворства дерзкаго, заставляють разговаривать планеты! . . . . . Вошъ злоупотребленiе и обманъ.

Воображенiе творитъ, изобрѣтаетъ и украшаетъ науки, но истиннымъ знанiямъ оно вредитъ; и такъ стихотворство, кое оному всемъ долженствуетъ, не столько наукою, сколько прiятнымъ заблужденiемъ разума человеческого почитается. Цвѣты, вѣтры, времена годовые, все дѣйствуетъ надъ воображенiемъ; ничто такъ его не охлаждаетъ, какъ видъ водянаго порога во время пихаго и пасмурнаго дня.

Сей родъ властвованiя, которое честь, богатства или сокровища и слава даютъ намъ надъ разумомъ, есть не что иное какъ нѣжное увеселенiе, кажущееся быть созданнымъ для смертнаго. Но откуда раждается сiя склонность, искать своего удовольствiя у другаго, еслили то не-

правда, что мы частію существуемъ внѣ насъ самихъ? Сіе есть жизнь воображенія, которое сохраняетъ, увеселяетъ и управляетъ. Но великой духъ собственно собою живетъ, предоставляя народное вниманіе суешности, а принужденное высокопочитаніе рабства утѣснителямъ вселенныя.

ХІІ.

О Страстяхъ.

Въ человѣкѣ обрѣпаютъ какъ бы двѣ души, единую, происходящую отъ божественнаго устройства, и коея познаніе касается болѣе до закона, нежели до Философіи (любомудрія) и о которой не позволено смертному судить; послѣдняя же вещественная и чувственная, которая есть общая намъ съ животными, и которую почестъ можно орудіемъ невидимой души. Дѣйствующая сила, питается стихіями, самыми тончайшими, она имѣетъ огненную живость и воздушную раздѣлимость, для пріятія и сообщенія стремительнѣйшаго движенія, она вкореняется въ наши нравы и исчезнетъ тогда, когда мы въ прахъ или пепель обратимся: тѣло служитъ ей зданіемъ а сердце или мозгъ главнѣйшимъ жилищемъ. Отсюда она съ непонятною скоростію распостраняется по крови и производитъ сообщеніе по всѣмъ жиламъ.

Ее называютъ *разумомъ*, выраженіе, подъ коимъ разумѣются бѣглыя и всякому веществу не причастныя. Смѣшенія сихъ двухъ силъ подало случай ко всѣмъ суевѣрнымъ мнѣніямъ о преселеніи душъ и къ полъ многимъ заблужденіямъ о природѣ душъ.

Спраспи служатъ посредственниками между душою и тѣломъ. Однако ихъ описываютъ семенами бури, которая все опустошаетъ и въ безпорядокъ приводитъ во внутренности сѣрдца, описываютъ ихъ возмущителями разума и мучителями вольности.

Желаніе, сіе лишающее покоя къ увеселеніямъ побужденіе, воспаляется въ крови и исчезаетъ съ самымъ движеніемъ: оно слѣдуетъ за возрастомъ и силами, сначала рабко и скрывается въ стыдливости; на послѣдокъ разрушающее всѣ узы воспитанія и почтенія къ челоуѣчеству. Принуждаетъ добродѣтель оправдывать свои проступки или опъ себя удалиться. Не останавливается, даже по на сыщеніи; вкушеніе единой прихоти возбуждаетъ жажду ко другой. Оно будучи ненасытимо, при всей своей жадности, успрямляется къ послѣдному предмету, льстившему оное, съ такою яростію, что будшобы сіе было единственное и первое, къ чему оно стремиться долженствуетъ.

Удивленіе, отраслю наукъ почитаемое, есть пріятное чувствованіе; но когда оно возбуждаетъ или ложные ужасы или безмѣрное любопытство, то тогда происходитъ мученіе духа.

Сильныя страсти суть тигры, растерывающіе насъ. Всѣ чудовища на картинахъ изображаются съ видомъ попеременно или мщенія или ярости показывающимъ. Бѣшенство льва зрится на его челѣ, пѣна въ его челюстяхъ есть ядъ, подобной желчи аспида. Еслии то справедливо, что страсти попеременно обладаютъ звѣрями, то не должныли мы удерживаться отъ употребленія мяса. Но свирѣпость кабана овладѣетъ ли духомъ охотника?

Блестящія страсти имѣютъ поносныя обороты, величавые виды гордости самой себѣ дивящейся; скудоуміе слѣпой и безрассудной любви къ своему предмету, дѣлаетъ изъ насъ посмѣшище предъ очами всѣхъ тѣхъ, кои холоднымъ окомъ на насъ смотрятъ. Необузданная страсть не допускаетъ нимало примѣчанія разсудка, и не выслушиваетъ дружескихъ совѣтовъ; толикое имѣетъ она отвращеніе отъ его встрѣчи!

Страсть обладающая есть язва, которая къ самымъ добродѣтелямъ привязывается, и вкравшись оныя погашаетъ. Нѣкоторыя страсти ни чѣмъ другимъ почестся не могутъ, какъ временнымъ на-

сыщеніемъ, а нѣкоторыя дѣлаютъ насъ непремѣннымъ позорищемъ глупости и безумія; но вообще страсти ведомые суетвѣріемъ, не причиняютъ намъ весьма жестокихъ золъ.

Блестящія поступки и важныя услуги происходятъ отъ скрытой страсти, которая ихъ унизила бы, если бы только дерзнула обнажиться. Однако страсти позволительнѣйшія, изыскали себѣ нѣкоторыя хвалы. Что послѣдуетъ съ добродѣтелью, когда музы поруганію предадутся?

Къ чему намъ, о бѣдственные невольники, честь и сокровище, сіи мучительные для насъ предметы нашихъ страстей. Мы предаемся пронырству и непогрѣбству, оставленнымъ нашими опцами, по злоупотребленіи оныхъ.

Если страсти суть, въ нравственности, немощи; то онѣ могутъ служить средствами въ естественномъ строеніи.

Умѣренная радость услаждаетъ нравы, смиренная задумчивость удерживаетъ разсѣянiе мыслей, но неизвѣстность, посредствомъ умноженія надежды и стисненія страха, причиняетъ насильно естественныя свойства сѣрдца.

Соболѣзнованіе къ бѣдственному чужестранцу безъ воздаянiя, есть нѣжное и прiятное чувствованіе, возмущающее насъ сладко. Если оное происходитъ отъ состоянiя

или отъ движенія наличной выгоды, то сокрушаетъ сердце и дѣлаетъ стѣсненіе во всѣхъ чувствахъ.

Робкость слѣдующая за кротостію, приводитъ насъ въ безопасность отъ великихъ волненій и опасностей, и симъ самымъ дѣлается прогностикомъ долговременной жизни; но стыдъ происходящій отъ безславія, есть ядъ мѣдленно продирающійся и пожирающій со всѣмъ сложеніе тѣла.

Блаженная любовь, которая не подвержена скорой переменѣ печали и радости предвѣщаетъ благоденственное житіе.

Надежда есть полѣзнейшая склонность изъ всѣхъ душевныхъ склонностей; ибо она сохраняетъ здравіе, успокоеніемъ воображенія. Человѣкъ, надѣющійся долго прожить, споспѣшествуетъ къ долговременному житію: еслили онъ никогда не представлялъ очамъ предмета къ достиженію, то его конецъ будетъ близокъ, и жизнь покроется желаніями. Надежда есть родъ радости, которая подобно злату листовому, показывается, а по томъ исчезаетъ на всегда.

Удивленіе, соотвѣтствующее зрѣлищу естества есть мирная боязнь, забавляющая умы и содержащая чувства въ расторопности. Примѣчено, что философы наблюдали, чрезъ долгое время наслаждались пріятностями зрѣнія, свидѣтели сему

сему Демокритъ, Платонъ и Апполлоній. Но здѣсь дѣло идетъ о соразмѣрномъ любопытствѣ съ собственнымъ удовольствіемъ; а не о той жадности къ познанію и разумѣнію, что внушаетъ безпокойной рассудокъ, или чрезмѣрное тщеславіе. Сіе доставляетъ безсмертіе за цѣну крапкой жизни, а другое напротивъ того длитъ дни, понеже неможетъ сдѣлать ихъ вѣчными. Вообще, безумное размышленіе расслабляетъ тѣло; напротивъ того излишніе разговоры, пропягиваютъ жизнь.

Пары отъ задумчивости и скуки происходящія, весьма заразительны; радостные восторги склонны къ сообщенію. Взгляды зависти, устремленны и смутны; она губитъ всѣ забавы, кои не попадаются глазамъ ея; взгляды любви, наполнены искрами; она дѣлаетъ пріятными заботы тѣхъ, кои ею обладаемы. Дерзость имѣетъ удивительное впечатеніе надъ сердцами всѣхъ, подобно стыду, являющемуся на лицахъ; наконецъ всѣ движенія какъ душевныя такъ и тѣлесныя силаются умножиться. Отъ смѣлаго чловѣка леденеетъ прусь, такъ какъ отъ собаки удерживается птица. Вздохи любовниковъ, суть воспламененныя мысли, составляющія тѣ невидимыя и тайныя узы, посредствомъ коихъ два сердца влекомы бывають къ общему средоточію: знакъ врожденнаго единства, въ копоромъ все занимаетъ свое

свое собственное мѣсто. Старцы, любящіе обращеніе съ юношами, кажется, почерпаютъ въ ономъ новую жизнь. На послѣдокъ повсюду чувствительное сіе впечатленіе, которое природа вливаетъ въ души, чрезъ взаимное сообщеніе страстей.

Не въ нравоученіи и любомудріи научатся надлежитъ какъ познавать страсти; но въ стихотворствѣ и въ исторіяхъ или повѣстьяхъ. Они тамъ изображены подъ разными видами цвѣткѣ и картинъ разящихъ сильнѣе самыхъ Методическихъ рѣшеній. Тамъ увидѣть можно оныя изображенными въ томъ самомъ безпорядкѣ, которой означаетъ свойственное имъ непостоянство. Тамъ познать можно, на какихъ слабыхъ пружинахъ они поднимаются, и упадаютъ, скрываются и измѣняютъ сами себѣ, тамъ почувствуешь ихъ рожденіе, успѣхи, брани, и какъ они другъ другу подвластны: власть, каковую самолюбіе оказываетъ надъ ихъ выгодами и какъ оно ихъ уловляетъ, подобно охотникамъ, ободряющимъ своихъ собакъ противу звѣрей, или подобно ястребу нагоняющему пшцу, забавляющемуся войною и кровопролитіемъ. При государѣ имѣющемъ въ рукахъ кормило своего царства не столько самолюбіе можетъ усилиться противъ заговоровъ, сколько въ удовольствованіи себя на щетъ прочихъ страстей.

XIII.

О перемѣнѣ человеческихъ дѣлъ.

Мірѣ, никогда не останавливается, безпрестанно въ движеніи находится, и въ сихъ безконечныхъ его перемѣнахъ время пожираетъ и паки возвращаетъ великія зрѣлища, кои принадлежатъ до круга періодическихъ происшествій. Новизна не рѣдко происходитъ отъ забвѣнія прошедшаго. Попопы и землетрясенія отверзаютъ ужасныя пропасти, отъ коихъ поглощаются на всегда историческія Моноументы народовъ. Язвенныя опустошенія войны, могущія назваться особенными бѣдствіями, не входятъ въ сравненіе съ сими ужасными развореніями, ничего кромѣ названія разсѣлинъ и нѣкопрыхъ плачевныхъ межъ развалинами остатковъ, не оставляющими. Все гинетъ, даже и самая память предшествовавшихъ временъ уничтожается, коихъ сообщеніе съ послѣдующими вѣками, совершенно прерывается насильственнымъ непосоянствомъ естества.

Сіе смѣшеніе, кое кажется помѣшено вѣками межъ новымъ міромъ (америкою) и нашею твердою землею, не естли слѣдствіе сихъ ужасныхъ наводненій, покрывающихъ величайшее пространство земли! Сіи Индійскія и Американскія великія рѣки, и сіи высочайшія и непроходимыя горы
весь-

весьма подтверждають мнѣніе о попопѣ, раздѣлявшемъ чрезъ долгое время сихъ народовъ отъ сообщенія нашего. Ибо наконецъ, ревность Григорія Великаго не отвергла бы повѣствованія о древности. Единый смертный ничего не значить въ разсужденіи всея вселенныя, и вещи кои съ великимъ желаніемъ хотятъ скрыть отъ любопытства сущь тѣ, которыя наиболѣе изъ тьмы и мрака забвенія освобождаются. Великій Платоновъ годъ, въ которой опредѣлено рушиться міру, возвѣщаетъ единую изъ сихъ переменъ рано или поздно однако необходимую, и коея ни предсмотрѣть ни назначить не можно. Небеса не имѣютъ впечатенія надъ столь малыми предметами, каковы сущь смертные. Кометы, коихъ явленія столь много попусту страшатся, соединены со всею тяжестью вещества, и кромѣ всеобщихъ переменъ приключить ничего не могутъ.

Важнѣйшія переменны между смертными сущь переменны закона, неговоря о Христіанскомъ. Когда вѣра царствующая гдѣ преперпѣваетъ соблазны и расколы, раждающіяся отъ опустившихся нравовъ и естли тотъ вѣкъ впадетъ въ невѣжество и варварство, которыя немедленно слѣдуютъ за просвѣщенными временами, то можно вѣрно предсказать происхожденіе новой секты. Въ таковыхъ обстоятельствахъ, чтобъ во всемъ сдѣлать перемену,

ну, надлежитъ, быть человѣку одаренному пылкими и любопытства преисполненными дарованіями къ Парадоксамъ. Первой его долгъ будетъ, востать противу правленія, а потомъ ласкать овладѣвшую людьми склонность климата. Народъ любитъ свободу въ своихъ страстяхъ, и сожалѣетъ о томъ, что предки его были въ рабствѣ, отъ времени до времени погасшемъ. Мнѣнія, зависящія отъ единого разума, не наблюдая выгоды чувствъ, не причиняютъ великихъ движеній, надлежало бы имъ случиться во дни недовольствія, чтобъ возбудить великія перемѣны.

Ослабленіе, велерѣчіе и мечъ, суть оружія новыхъ сектъ, но чудеса, самодѣйствительнѣйшія къ возбужденію удивленія, суть мученики. По которымъ представляются начертанія необыкновенной примѣрной жизни. Исправить злоупотребленія, упишитъ расколы, заранѣе посредствомъ примиренія, а не гоненія, которое дѣлаетъ изъ легковѣрнаго и непостояннѣйшаго въ своихъ мысляхъ упрямымъ Энтузіастомъ, привести на свою сторону начальниковъ новостей, вмѣсто того чтобъ ихъ казнить, суть средства къ предупрежденію и остановленію бѣдствій, соединенныхъ съ суевѣріемъ.

Война часто перемѣняла видъ, оружіе и науку. Она начавшись нѣкогда съ востока, шла на западъ. Вспомните только

Часть IX. мѣс. Іюнь. Л Пер-

Персовъ, Ассиріанъ, Аравитянъ, и Скифовъ, земныхъ оныхъ завоевателей, кои только никогда не господствовали оною. Сколь малый промежутокъ времени между нападеніями. Галлы, западные оныя народы, только что два важнѣйшія учинили нападенія, единое на Грецію, а другое на Римское государство. Сіе не отъ того происходитъ, будтобы востокъ и западъ имѣлъ двѣ неподвижныя почки, и будто бы сіи примѣчанія основывались на климатѣ, никакъ. Сего не бываетъ съ полунощи и съ полудня для того единственно, что естество ихъ очень различило. Рѣдко видимъ полуденныхъ народовъ выходящихъ изъ своего пояса, а полунощные разливаются внѣ своихъ предѣловъ, на подобіе быспрыхъ источниковъ, не обрѣтающихъ себѣ плотинъ и стремящихся на низъ. Дѣйствительно, ихъ не граничатъ моря, какъ полуденныхъ, матерая земля открыва ихъ опустошеніямъ, когда ихъ къ бранямъ склонной духъ возбуждаетъ ихъ оставить свои рубежи; чтобы ни было началомъ сего ихъ воинскаго обычая, которой и климату можно приписать, въ которомъ холодной воздухъ разогрѣваетъ умы, сжимая тѣло, симъ самымъ заобыклое къ пренесенію трудовъ и опасностей воинскихъ; однако многимъ примѣтно, что въ южныхъ земляхъ жители ближайшіе къ полюсу, гораздо мужественнѣе Перувіанцевъ.

Когда обширное и сильное государство приходилъ къ паденію; тогда всѣ сосѣдніе владѣтели вооружаются немедленно къ ускоренію его разрушенія и раздѣленію корысти въ добычу полученной, и какъ силы онаго въ конецъ уже истощены надъ завоеваніемъ тѣхъ самыхъ областей, коихъ попомъ оно лишало жителей, то уже и не остается способа къ собственному защищенію. Римское государство и Нѣмецкая земля, представляющія намъ примѣрами въ семъ случаѣ, которые подтвердитъ рано или поздно Испанія собою. Сколько тогда пшицъ прилепятъ къ обратному искупленію своихъ перьевъ!

Всякое частное государство, кое увеличивается значнымъ образомъ, должно ожидать войны. Съ тѣми провинціями, которыя имъ присоединены къ собственному его владѣнію, представляетъ оно рѣку, обременяющуюся источниками, и утраченную общимъ наводненіемъ сосѣдственныхъ жителей; свидѣтельствуютъ сіе Римляне и Турки.

Внемлите сему: Когда не будутъ знать болѣе варварскихъ народовъ и когда ихъ политика и науки смягчатъ; увидите людей тогда не такъ склонныхъ къ бракосочетанію, въ страхъ невозможности пропитать свое семейство (того стоить будетъ пропитаніе у просвѣщенныхъ народовъ!) Не страшитесь тогда нападеній. Но когда люди сильно населяютъ какую

нибудь область, не предпріявѣ возможныхъ мѣрѣ къ усмотренію о содержаніи, что тогда будетъ? Умножившись съ излишкомъ, устремятся многочисленными толпами въ пограничныя земли, и тамъ изберутъ себѣ жилище на щетъ природныхъ жителей той земли. Вотъ какимъ образомъ случились сѣверныя наводненія; народы жребій бросали, остаются или выходятъ.

Какъ скоро народъ, отъ природы къ войнѣ склонной, вдастся въ нѣгу и роскошь, тогда со всѣхъ странъ съ войною подымутся противъ него. Государство, повреждающееся, думаетъ о умноженіи только богатства, что служитъ приманкою сосѣдямъ, которые избравъ удобное время, немедленно покоряютъ оное и раздѣляютъ какъ добычу.

Оружіе перемѣнилось, то есть, оно равнымъ образомъ подвержено періодическимъ перемѣнамъ; ибо Македоняне зрѣли нѣкоторой родъ волшебнаго пороха которой очень можетъ опноситься къ нашему огнестрельному; въ Китаѣ также употребляли порохъ за 2000 лѣтъ до насъ. Но преимущества нашего огнестрельнаго оружія, предъ всѣми въ древности въ употребленіи бывшими состоятъ въ томъ, что мы издали можемъ поражать, причинять жестокіе удары и въ малое время дѣлать ужаснѣйшія опустошенія.

Чтожъ касается до воинскаго искусства; таковы успѣхи онаго. Впервыхъ сила состояла въ числѣ, потомъ въ мужествѣ воиновъ, наконецъ въ расположеніи лагеря, въ порядкѣ, когда имѣетъ начаться бой, въ хитростяхъ, а искусство дѣлать отступъ и отводы, въ такое совершенство привели побужденіе все рушащее, что ни Философскія нравоученія, ниже таинства Медицины не въ состояніи упишеть или наградить отъ оной происходяща бѣдствія.

Напоследокъ, оружіе, науки и художества дѣлаютъ безконечной кругъ въ жребіи государствъ. Война занимаетъ младенчество съ частію юношества; изящныя науки составляютъ ихъ славу въ совершенномъ возрастѣ, а торговля наконецъ дѣлается единственнѣмъ столпомъ крѣпости въ старости. Науки обращаются чрезъ сіи четыре времена возраста; въ началѣ, производятъ лепетаніе, разумъ блещетъ во время весны ихъ юности, вкусъ владѣетъ въ исправныя времена, до тѣхъ поръ, пока пустое болтанье Діалектики, помѣстивъ на свое мѣсто основательное краснорѣчіе, не предвозвѣститъ ихъ плѣнности. По сему то все рождается, умножается, колеблется и распадается, чтобъ снова начатыя и окончанныя, уничтожались и возобновлялись непрерывно, въ неизмѣримомъ пространствѣ вѣчности.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

спран.

I. Нравоучительныя правила, о чело- вѣческой душѣ, ея спокойствахъ и знаніяхъ - - - а -	91
II. Время, драгоцѣнность онаго и упо- требленіе - - - -	93
III. Время жизни - - - -	95
IV. Временныя бѣдствія - - -	98
V. Различныя мнѣнія Политическія	100
VI. Цима или не обрѣщаемое щасіе	111
VII. Арабская Исторія - - - -	117
VIII. Повѣсть, Перринъ и Лусетта, или деревенская искренность -	119
IX. Журналъ - - - -	135
X. Нѣкоторыя главы изъ сокращенія Ваконвой Философіи о Сцепшици- змѣ - - - -	146
XI. О Воображеніи - - - .	155
XII. О страстяхъ - - - -	160
XIII. О перемѣнѣ челоуѣческихъ дѣлъ.	167

УТРЕННІЙ
СВѢТЪ,
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

Мѣсяць Іюль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Разсужденіе Михайла Гисмана о Естес- спвенныхъ законахъ - - - - -	175.
II. Приключеніе Барона Раинвилла - -	196.
III. Ученіе природы, письмо къ В. В. Ха- ныкову. - - - - -	236.
IV. О добродѣтели, - - - - -	339.

У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ.

І.

РАЗСУЖДЕНІЕ МИХАЙЛА ГИСМАНА

О Естественныхъ законахъ.

Общественное состояніе человѣка представляетъ въ то же время предметъ къ понятію права и не права; и наши понятія о справедливости и не справедливости суть сокращенія нашихъ общественныхъ обязанностей. — Прежде нежели не зависящіе люди вступили въ общество, коихъ твердыми подпорами были взаимныя уступленія, не имѣли они ни одного слова къ изображенію понятія о правѣ и не правѣ; ибо они совсѣмъ не были и вѣстны о семъ понятіи. — И такъ что дѣлать могли, и точно дѣлали, называ-

Часть IX. мѣс. Іюль, М лось

лось правомъ, а потому и право сильнѣйшаго въ необщественномъ естественномъ состояніи было не оспоримымъ.

Представленія многихъ новыхъ естественнаго права учителей опстоятъ очень далеко отъ сихъ положеній. Чпожъ до того? однако меня ободряютъ шѣни великихъ людей. Ты радуешься Камсадъ! не обманываютъ ли меня мои чувства: то огрѣваетъ оживляющая сила сего чувствованія холодность швоея шѣни. Я тебя не оставлю по тому, что швое пребываніе приставляетъ моей душѣ крылья, и подаетъ оной парящую бодрость.

Въ необщественномъ состояніи естества не находилось ниже права ни неправва. Физическая сила была мѣрою дѣйствія и права. — Но не было ли челоувѣчество когда въ такомъ состояніи? Сей вопросъ меня не тревожитъ? Впрочемъ пусть пребудетъ всегда сіе состояніе челоувѣчества единымъ отвлеченіемъ и всегдашнимъ пустымъ воображеніемъ. Важность опыта не уменьшается отъ лжи, и не умножается представленіемъ истинны. Конечно, чѣмъ больше опредѣленій для сего состоянія изыскиваютъ, и чѣмъ больше видѣ онаго описываютъ шѣмъ болѣе должны опасаться, чпобъ не зашмишь изображенія ложными чертами, и чпобъ чрезъ то не прошиводѣйствоватъ

впе-

впечатлѣніямъ, которыми начертанный видъ вкореняется въ наше сердце.

Изъ всѣхъ описаній естественнаго состоянія нѣтъ ни одного несправедливѣе и ложнѣе сего, которое всѣ свои задачи выводитъ изъ предложеній; какъ то, что граждане попавшись въ состояніе сходное съ природою, сдѣлались бы сынами природы, когдабъ государство разрушилось и гражданскіе союзы прервались. — Они сдѣлаются плурами и негодными людьми а не дѣтьми природы. Сынъ естества не знаетъ тѣхъ нуждъ и выгодъ, кои прежній гражданинъ познавать старался, чрезъ что самое онъ по опиятой независимости, которая его, сколь долго онъ былъ градиномъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удерживала, — теперь къ гнуснѣйшимъ дѣламъ побуждается; кои природѣ слѣдующій человекъ произвести не можетъ; понеже онъ не знаетъ ни коварства, ни презрѣнія, ни злоспи внутренней, которая только въ обществѣ скучнымъ соединеніемъ взаимной корысти воспитывается злыми и обманчивыми примѣрами обыкновенно распространяема быть можетъ; ни хитрыхъ склонностей, ни множества обществу вредныхъ страстей, какъ то: ненависти, зависти, презрѣнія, гордоспи и прочая; Словомъ не можетъ даже назваться по имени тѣхъ гнусныхъ качества, кои оное гражданское полиро-

ванное чудовище въ себѣ вмѣстивши исполкованную премудрость, съ гораздо малымъ нравоученіемъ всякими преимущественными названіями почестишь спарался.

Корсары, были по справедливому примѣчанію нѣкоего сочинителя, написавшаго малое но изящное разсужденіе о естественномъ соепоаяніи, не дѣши природы; но люди, кои хотя по своей не зависимости, другъ другу совершенно были подобны; а прежде и въ зависимости находились. Они почитались Европейцами достойными больше вислицы, и для того только не сдѣлались пищею хищнымъ птицамъ, что они насильственно темницы разламывая шѣмъ самымъ избѣгали колесованія, убивая своихъ стражей. Нѣчему удивляться, что они въ Америкѣ грабили, дома зажигали, и людей, кои противились ихъ необузданнымъ желаніямъ умерщляли? Сими то безчеловѣчными дѣйствіями были они уже въ ихъ Европейскомъ опечествѣ, въ Испаніи, Англіи, Франціи, и Германіи означены. Въ немъ были они уже разбойниками и зажигателями, шупъ научились они тому, что легче играя красть, нежели въ потѣ лица своего снискивать себѣ пищу. Какъ можно ожидать чтобъ они потѣ хорошей промыслъ въ независимомъ состояніи оставили, къ которому они въ со-

состояніи гражданскомъ зависимомъ при-
обыкли?

Все конечно составляютъ независимость и неподлежаніе законамъ два характера естественнаго состоянія. Но главный признакъ естественнаго человѣка есть, его природная простота; неизощренный человѣческій разумъ; во шмѣ погруженное понятіе, кои только дневнымъ свѣтомъ наукъ опличаемы бывающѣ; чрезвычайная отдаленность отъ гражданского исполкованія, отъ изображенія вкуса и на конецъ отъ наукъ и художествъ. Сія есть главная черта во образѣ сына природы, по коей всѣ прочія изображаемыя черты должны слѣдовать. Тѣ не могутъ быть ученіями, по коимъ юношеское сердце либо справедливыми и благодѣтельными понятіями разпространяемо и освѣщаемо, или заблужденіями и безуміемъ утѣсняемо и затмѣваемо бываетъ. Никакая отеческая любовь не дѣйствуетъ въ томъ, который сына только къ удовольствованію своего побужденія на свѣтѣ произвелъ: ибо ему по насыщеніи своего желанія не нужно уже болѣе орудіе его похоти. Природа влекла его къ плотскому смѣшенію, и нѣтъ ни одного государственнаго узаконенія, ниже священнаго союза, по коему бы онъ обязанъ былъ жить нераздѣльно съ своею четою. Мать только до тѣхъ поръ союзомъ Физическихъ

понуждающихъ необходимостей къ своему дитяти привязана, пока колоніе матерняго молока въ ея грудяхъ продолжается, и самое дитя бываетъ только тогда подъ защищеніемъ матерняго хожденія, пока не можетъ оно на своихъ держаться ногахъ. Когда мать освободилася отъ бремени матерняго молока, то разрываются союзы, коими она прежде крѣпко была приязана къ своему плоду. Матерняя любовь хладнѣетъ, когда Физическая боль производившая сію принужденную дружбу, пропадаетъ. Какъ скоро младый сынъ природы довольно имѣя силъ не требуетъ уже матерней помощи; какъ скоро онъ въ состояніи сорвать самъ плодъ съ ближайшаго дерева, или умертвить дичиину, которая ему служить должна пищею, или поймать рыбу, которую онъ бытъ пожелаетъ, и изъ ручья почерпнуть воду, то отстаетъ онъ отъ Матери. Онъ можетъ теперь у самаго страшнаго непріятеля, который его въ такомъ состояніи можетъ мучить, утолять свой голодъ. Нужды, кои суть источникомъ нашей зависимости, можетъ онъ самъ превозмочь. День отъ дня дѣлается его затылокъ тверже, рука крѣпче; пульсъ живѣе, жилы напряжены и вся стройность тѣла сильнѣе и продолжительнѣе. Никакого дальнаго не требуетъ никто въ хошя и вспомоществовать ему обученія,

помѣ

томъ не можетъ. Любовь, цвѣтъ про-
стирающіи по всей жизни общественнаго
человѣка пріятное благовоніе оживляющее
изящно въ цвѣтушихъ лѣпахъ жизненныя
дыханія, — не удѣляетъ ему части ибо
онъ возрастаетъ только ужè въ обще-
ственномъ состояніи, растетъ и цвѣтетъ
въ гражданствѣ. — Чтожъ бы такое бы-
ло то, что сына природы должно обяза-
вать къ своему единокровцу?

И отъ такого творенія хотятъ ожи-
дать, чтобъ оно имѣло понятіе о спра-
ведливости и не справедливости; чтобъ
оно по предписаніямъ правъ дѣйствовало?
Что есть справедливость? Справедли-
вость не можетъ быть такъ, какъ ее
положительнаго права учителя, по огра-
ниченному понятію опредѣляютъ, ибо она
въ положительномъ законоискусствѣ столь
же употребительна, какъ Философическое
несправедливое понятіе о величинѣ въ Ма-
тематикѣ. Справедливость есть вообще
не то, что сходствуетъ съ законами;
ибо не всѣ законы суть справедливы; и
при всякомъ законѣ можетъ Философъ
основательныя вывести доказательства,
справедливо ли, или не справедливо въ
ономъ то, что повелѣвается или запре-
щается. Сверхъ сего носятся по воздуху
всѣ понятія о правѣ и законѣ при томъ
же самомъ положеніи въ вѣчномъ кругѣ.
Справедливость должна согласоваться съ

законами, а законы должны опредѣлять, что шокмо справедливо. Законъ есть либо ничто, или непремѣнно то, что находится въ системѣ нашего философа; и справедливость есть либо ничто, или она то, что во всякомъ состоянїи, по своимъ слѣдствїямъ и качествамъ почитается наилучшимъ, выгоднѣйшимъ и полезнѣйшимъ.

Сей всевидящїй и проницающїй взоръ долженъ ли внѣ общества живущїй гражданинъ усремишь на свои дѣйствїя и отдаленнѣйшія слѣдствїя? Онъ, который ниже теперь старается о естественныхъ нуждахъ, кои его въ наступающїй день приведутъ сильнымъ своимъ угнѣтенїемъ къ тому, что онъ имъ необходимо удовлетворить долженъ. Такое взиранїе не есть дѣло природной простоты и невинности грубаго не общественнаго сына человѣческаго, который, такъ сказать по меланхолическимъ только побужденїямъ дѣйствуетъ. Какъ не рѣдко сіе дарованїе у людей обрѣтается, кои уже покрываломъ гражданскаго обращенїя покрывши? Могущество при сомнительныхъ случаяхъ вознамѣряться къ лучшему и полезнѣйшему, яснымъ представляется по многимъ опытамъ и случаямъ, какъ обыкновенно бываетъ, въ дѣлахъ человѣческихъ, по многихъ испытанїяхъ, въ коихъ только на удачу полагаются.

Пусть

Пусть бы здѣсь моральный философъ дозволилъ говорить своему сердцу, — Практическій нравственный философъ пожившій себѣ по правилу для своихъ дѣйствиій твердыя основанія справедливости, непрестанно взирая на самого себя научился знать всю свою стройность, склонности и унылой свой духъ, въ непріятныхъ нравственныхъ спорахъ, кои по шочномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, отношеній и слѣдствій въ семъ случаѣ, благосостояніе всего общества наибольше умножали. Я оное въ себѣ самомъ примѣшилъ; — и могу преставить себя здѣсь въ примѣръ, поелику дѣло идетъ о качествахъ сердца, которое не такъ легко, какъ разума превосходства уступаемъ; — Я примѣшилъ, что къ изображенію справедливыхъ, нравственныхъ основательныхъ правилъ, по коимъ должны мы дѣйствовать, такъ какъ и для искусства оныя уже приуготовлены, по качеству собирающихся посстороннихъ случаевъ разумно употреблять надлежащимъ образомъ, ограничивать или распространять; словомъ къ произведенію дѣйствиій больше требуется, чтобъ изъ ста гражданъ одинъ въ состояніи былъ разсудать о своихъ поступкахъ справедливы ли они или нѣтъ. Можетъ быть сей случай столь же рѣдкой, что очень многіе члены гражданскаго общества вообра-

жаютъ себѣ только чтобѣ разсуждать самимъ въ Критическихъ и сомнительныхъ случаяхъ о справедливыхъ или несправедливыхъ поступкахъ. Большая часть, въ гражданскомъ обществѣ обращающихся дѣтей человечества, поступаетъ совсѣмъ безъ разсужденія, не смотря на споспѣшествованіе величайшаго блага или на препятствіе несносной скорби. Сіе одно имѣютъ они преимущество предъ не общественнымъ естественнымъ человѣкомъ, что они чрезъ воспитаніе научаются нѣкоторымъ неопредѣленнымъ, но сообразованнымъ съ временными о поколѣніи понятіями правиламъ благонравія, кои столь далеко въ память вперяясь, такъ точно съ движеніями и дѣйствіями возрастаютъ, что они въ послѣдованіи предкамъ, дѣлаютъ и осваиваютъ, не испытывая, будутъ ли ихъ дѣйствія, послѣдуя онымъ правиламъ, возможнѣйшими полезнѣйшими и лучшими?

Не принужденно выводится изъ сихъ разсужденій слѣдствіе, что не общественный естественный человѣкъ не имѣетъ никакого понятія о правѣ и неправѣ, и ему совсѣмъ испытать не возможно своихъ собственныхъ дѣйствій, ни на какомъ оселкѣ правъ. — Но оселокъ нравоученія долженъ же бытъ по общему сказанію вѣчнымъ непремѣннымъ и общимъ естественнымъ закономъ. Сей законъ непремѣн-

но начертанъ былъ перстомъ божественнымъ всѣмъ дѣшамъ челоѳчества, въ то самое время, когда одаряемы были разумомъ. Всѣ люди безъ изѳятія должны жить по сему закону; поелику оный представится имъ какъ справедливымъ, такъ и ведущимъ къ благополучію, какъ скоро захотятъ повиноваться своему разуму. Оный да будетъ такъ неоспоримымъ, чтобъ ни одинъ разумный челоѳкъ, хотя бы онъ жилъ подъ Полюсомъ или подъ Экваторомъ ему не прошиворѳчилъ.

Изрядная проповѣдь, естлибъ она была лишъ справедлива! но пусть будетъ она все съѳтъ; но не истинна. Я очень желалъ бы знать, въ чемъ должны состоять общіе естественные законы. Назови мнѣ кто хочетъ одинъ такой основательный естественный законъ; я быюсь объ закладъ, что его вся общественность содержится въ малой только части нашего земнаго шара. Но когда нибудь всѣмъ окажется, что такъ называемому общему естественному закону точно житіе такихъ народовъ прошивится, кои не на послѣдней степени просѳщенія находятся. Необходимость воспитывать рожденныхъ дѣшей, почиается въ Европѣ не только главнымъ правиломъ, но и закономъ, который сказывающъ означенъ въ книгѣ естества. Въ Китаѣ, гдѣ люди

люди по крайней мѣрѣ столь же многими душевными глазами зрѣть хотятъ, сколь оныя намъ нужны къ познанію являющихся естественныхъ вещей; въ сихъ свѣтлѣйшихъ и процвѣтающихъ государствахъ изъ всей Азіи, не извѣстенъ не только ни одинъ естественный законъ, которой бы запрещалъ оставленіе и покиданіе дѣтей, но самое Китайское законоданіе нашло точно выгуднѣ тому въ противность, какъ то: дозволило родителямъ, что они дѣтей своихъ по соизволенію воспитывать или совсѣмъ оставлять ихъ могутъ. Гласъ природы, конечно у сего народа не такъ громко былъ слышенъ, а можетъ другой какой произнесенный прежде былъ слышенъ, по чему оному и послѣдовали: дѣти не должны бытъ своимъ родителямъ въ пѣгость, когда дѣти обременять будутъ родителей, то они и государству несны. Чѣмъ больше усугубляется подобострастіе оказываемое дѣтьми своимъ родителямъ тѣмъ болѣе обязываются родители; чѣмъ сильнѣе бываетъ побудительная сила, возбуждающая родителей, чтобъ стараться о благополучіи своихъ дѣтей; тѣмъ болѣе наполняется государство обогащенными щасливými гражданами, кои тогда точно своему Монарху посвящаютъ глубокое дѣтское подобострастіе, оказыванное своимъ родителями.

телямъ, коимъ они обязаны благодарностию за все ихъ благосостояніе и за самое полученіе жизни; ибо владѣтеля должны граждане совсѣмъ почитать за своего отца, который равнобрно какъ съ своими дѣтьми поступать долженъ.

Но самое сильное средство, которымъ отпроку можно внушить благодарность и подобострастіе къ родителямъ, кое всего нужнѣе, есть то, чтобъ представлять ему, что единственно отъ воли отцовской зависѣло, даровать ему дыханіе, котораго бы онъ лишенъ быть могъ при первой минутѣ рожденія.

Такъ утверждаетъ Кипаецъ. Разумъ Европейцовъ находитъ въ доказательствахъ Азіатца многія противорѣчія и заблужденія. Европеецъ его укаряетъ, да изломаетъ онъ скрыжали, на коихъ перстъ природы начерталъ свои законы. Кипаецъ со всѣмъ того не знаетъ — что онъ отвергаетъ законъ естественный. — И такъ остаемся въ сомнѣніи. Изрядная общественность, заключающаяся въ одномъ только углу части свѣта и проспирающая свое владычество на нѣскольکو миль отъ полюса земнаго, къ коей большую часть людей предразсужденія столь же твердо обязываютъ какъ и природа.

По ту сторону моря также живутъ люди, однако они своихъ чувствъ не покорили частному владѣнію нашего Евро-

пейскаго разума. Верблюды въ Бразиліи не долго жилы, и бобры привезенные по повелѣнію Фридерика III. изъ Германіи въ Пруссію, чтобъ ихъ тамъ завести не могли бытъ долго. Осла не можно найти близъ Польши; а въ Швеціи и очень рѣдко. Столь же мало можно найти подъ всѣми небесными поясами, между многими различными людьми, такъ называемыхъ во всемъ свѣтѣ общихъ естественныхъ ученій о справедливости и несправедливости. Въ обществѣ живущій Европеецъ изобрѣлъ оныя, а можетъ бытъ по ложнымъ заключеніямъ выдумалъ, кои теперь видѣ естественныхъ имѣтъ моту.

Воспоминаніе, законъ, сложеніе тѣла, основательныя учрежденія всѣхъ обществъ на Божескомъ земномъ шарѣ, составляютъ ученія о справедливости и несправедливости, опредѣляютъ приговоръ добрымъ и худымъ дѣламъ человѣческимъ. Гренландецъ удавляетъ въ старости своего отца, и умертвивши его послѣ сѣдаетъ. Руки обагрятъ въ опцовской и маперъней крови, почитаемъ мы за несоюзное, и на сіе несоюзіе взираемъ мы какъ на гнуснѣйшее природное преступленіе, коимъ все наше возбуждающееся чувствованіе повреждается. — Не прелюбодѣйствовать есть Европейцамъ естественнымъ закономъ, а на противъ того
многіе

многіе Азіатцы почитаютъ себѣ за великое удовольствіе ссужать другихъ своими женами, и отдавать дочерей въ наемъ для утоленія похоти. На Филиппинскихъ островахъ, въ Королевствѣ Араканѣ, и у большей части Азіатскихъ жителей, мужчина согласится во вѣкъ пребыть холостымъ, ежели не сыщется такой дѣвицы, которая бы отъ какого либо чужестранца уже была пріуготовлена для легчайшаго бракосочетанія. Въ Мадагаскарѣ находятъ самыя распустныя женщины очень легко себѣ мужей. Не укради есть гласъ природы, который въ пятой части свѣта совсѣмъ еще не былъ слышенъ. Ибо сіи островскіе жители, начиная отъ Короля, даже до самаго презрѣннаго члена въ ихъ обществѣ крадутъ какъ вороны. Сами Князья и Княгини на Опагейтѣ, похищали у Агличанъ гвозди, и ни когда воръ не проливалъ слезъ раскаянія или признанія, будучи пойманъ въ своемъ ремеслѣ, а хотя сіе когда и случалось, то они ихъ опять такъ забывали какъ проливали. Воровство же было обычаемъ въ той землѣ, какъ прежде у Спаршанцовъ. — Служи Богу съ подобострашіемъ, и твое служеніе да будетъ Богу угодно; сіе кажется быть общею истинною, которой бы весь человѣческій родъ долженъ послѣдовать. И вотъ Георгіанскіе Христіане думаютъ чрезъ то оказать Богоугодную

услу-

услугу , когда они нарочито въ самые большіе праздники въ честь Богу , для пріятнаго духу чрезмѣрно напьются ; и когда Вицлипуцли Мексиканской жаждетъ : то назначаютъ ему его жрецы праздникъ , въ который поятъ его кровію пльннаго , коего они убиваютъ обѣ его спашую.

Усугубленіе сихъ примѣровъ не нужно : заключеніе извѣстно , и выводитъ слѣдствія , что общее естественное право также почитается пустымъ умовоображеніемъ , какъ и похвалами превозносимая красота . Законы естественные столь же многоразличны , какъ и правила красоты , утверждающейся вкусомъ многихъ народовъ . Оныя сообразуются со вкусомъ каждаго въ обществѣ . Чего ради находятся безчисленные различія обоихъ , кои столь сильно другъ другу прѣшиворѣчатъ . Иначежъ и бытъ не можетъ . Каждое правительство , и общество главнымъ имѣетъ предметомъ нѣкоторыя слѣдствія изъ поступковъ , и судитъ о сихъ слѣдствіяхъ не такъ , какъ другое общество , опредѣляя себѣ цѣлью корысть , по которой о происходящихъ слѣдствіяхъ разсуждаетъ . И сія по цѣль есть образцомъ права , правиломъ благонравія , которое по слѣдствію переменчиво . Всегда же общество предписываетъ сіи правила , когда всегда могутъ называться естественными законами .

ми, когда имъ только приписаны будутъ преимущества обществѣнности непремѣнчивости и вѣчности. Всякое общество учреждаетъ свои собственные естественные законы, и въ общества живущій сынъ природы совсѣмъ не знаетъ тѣхъ именъ; поелику природа ему ни какихъ не дала.

Я предлагаю еще одно новое сужденіе къ подтвержденію сего положенія. Оно мнѣ тѣмъ болѣе кажется быть вразумительнымъ, что оно почерпнуто изъ основательнаго учрежденія человѣческой природы и сильныхъ побужденій человѣческой воли. Я еще не могу понять какъ Моралисты, предпочитающіе бытіе естественныхъ законовъ введенію общественныхъ союзовъ между людьми, не примѣтили тогда, что естественные законы, коимъ долженъ слѣдовать въ общества живущій сынъ природы, неложнымъ побужденіямъ человѣческой воли совсѣмъ противорѣчатъ, кои въ естественномъ чело-вѣкѣ гораздо сильнѣе дѣйствуютъ, нежели въ гражданинѣ живущемъ въ обществѣ, который сію побудительную силу потерялъ чрезъ гражданское согласіе и излишнюю нѣгу. Какъ можетъ самолюбіе, производящее природное отвращеніе отъ зависимости а не преборимую склонность къ независимости и вольности, сносить повиновеніе законамъ? Сіи побужденія безъ сомнѣнія суть природныя. Они

пламенѣютъ даже и въ сердцѣ невольника, который часто помощію оныхъ дѣлается Героемъ, хотя бы его господинъ и старался всячески оныя совѣмъ погасить. Въ обществѣ гражданскомъ сіе желаніе независимости нѣкимъ образомъ укрощается, и чувствованіе вольности въ гражданинѣ прищипляется. На противъ того въ вольномъ естественномъ человѣкѣ сіи природныя склонности со всею живостію непрестанно въ его сердцѣ усиливаются. Что природа вперила сіи побужденія въ человѣческую душу, это справедливо; а что она кромѣ сихъ побужденій вкоренила и законы, сіе ложно; поелику законы неограниченную независимость уничтожаютъ, а природа толь явно сама себѣ никакъ противорѣчить не можетъ.

Посему ужè одному доказательству, имѣя толь сильное желаніе къ независимости, весьма кажется вѣроятнымъ, что ни единое гражданское общество не должно бы такъ происходить, какъ оное иногда учреждается, то есть, добровольно собравшіеся, съ охотою поруча другому нѣкоторыя права, и добровольно покорившись. Договоръ, въ коемъ одинъ говоритъ: я буду тебѣ послушнымъ, а другой: я буду начальникомъ, есть такой, который наипаче пошому называется человѣчеству не приличнымъ, что онъ самому не ложному установленію человѣческой природы противорѣ-

рѣчитъ. Хотя и говорятъ законоискусники, что договоръ, по которому учреждались общества гласитъ такъ: я обѣщаюсь тебѣ быть послушнымъ и швоей волѣ во всемъ повиноваться, а на противъ того ты обѣщаешься меня защищать. — Но сіе есть самое не основательное учрежденіе въ свѣтѣ. Другой долженъ меня защищать, а я или мои сыновья должны же собственными руками повергнушь не пріятеля насъ обезпечивающаго, да и не только насъ, но даже согражданина живущаго въ другой части свѣта.

Достоинство вольности, какъ Буланжеръ пишетъ, превыше всего почиталось у внѣ общества живущихъ людей естественныхъ, предъ коимъ изчисленные преимущества и выгоды гражданской жизни, по невѣдѣнію оныхъ, не моглибъ ни какъ быть лестными приманами, чтобъ подвергнуться игу, въ коемъ ихъ предки не бывали. Вольность была единымъ благомъ, которое извѣстно было въ семъ состояніи, коимъ каждый наипаче наслаждался. Сіе то сокровище Американцы, какъ свое драгоценнѣйшее богатство хранятъ. Ни одна грозная стрѣла пускаемая Европейцами для разрушенія ихъ вольности не могла оную уничтожить. Мексико и Перу находится теперь въ рабствѣ у Европейцовъ, ибо они уже при прибытіи Кортеса, управляемы были какъ подданные владѣльцами.

При первыхъ учрежденіяхъ правительствъ, насиліе и превосходство силъ тѣлесныхъ, почитались столь же основательнымъ правомъ къ правленію, какъ теперь дѣйствуетъ оспроша разума. И такъ сильный будучи въ состояніи отнять у слабѣйшаго его защиту, имѣлъ его со всею семьею покорнымъ. Еслибъ сей новый господинъ не соединилъ союзы подданности оказаніемъ дружелюбія, побѣ подчиненные ихъ въ случаѣ съ насиліемъ разрушили. Они только воспротивились своему господину; избавили себя отъ ига рабства и скинули съ господина право владѣтельное, какъ скидываютъ плащъ.

Кто теперь отважится доказывать, что человекъ, сдѣлавшійся такимъ образомъ сверхъ мѣры природныхъ силъ, господиномъ надъ другими людьми, коихъ сложеніе естественное столь было слабо, что не могли сопротивляться насильственнымъ и побудительнымъ силамъ, — что сей такъ называемый господинъ, не съ надлежащимъ правомъ вступилъ на престолъ, хотя бы былъ точно какъ деревянный. Природа даровала побѣдителю не только совѣмъ неопредѣленное побужденіе, чтобъ себя какъ возможно здѣлать щастливымъ, но и силами къ тому снабдила. Какъ? Не справедливо ли онъ поступаетъ, когда употребляетъ свои силы по побужденію? Что онъ можетъ здѣлать,

ласть, принудить, и привести въ подданство, есть по праву. Природа точно ненапрасно прибавила ему нѣсколько предѣ обыкновенную человѣческою мѣрою.

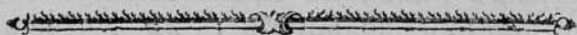
Однако право сильнѣйшаго въ первоначальномъ состояніи природы еще другими истиннами доказать можно, кои я бы могъ сообщить особливими дорогами. А теперь хотѣлъ я только показать, что естественные законы суть изобрѣтеніе въ обществѣ живущаго человѣка, и что они тѣхъ качествъ никакъ не имѣютъ, кои имъ приписываютъ. — Я заключаю здѣсь единымъ вниманіемъ достойнымъ примѣчаніемъ. Въ первоначальномъ состояніи природы, говорятъ, что люди не имѣютъ никакихъ правъ между собою, кромѣ отрицательныхъ: въ состояніи природномъ можно сказать: сего не дерзай дѣлать; — а не такъ: это ты долженъ сдѣлать.

Не погрѣшаю ли, когда мнѣ кажется, что слышу слова не имѣющія ни смысла ни значенія. Попущеніе и дѣланіе соединены съ расположеніемъ человѣческой воли (и тѣмъ то они должны быть сравнены) а особливо въ состояніи естественномъ, гдѣ еще всѣ орудія побужденія человѣческой воли ни мало не изнурены. Естественный человѣкъ столь же великій бой долженъ выдерживать, когда онъ уснѣдающаго древесный плодъ или убивающаго дичину,

ну, почувствуя голодъ, захочетъ отнять сіе кушанье, какъ и желающій насладиться сею пищею, не будетъ ему давати оной. Подтвердительно и отрицательно касалось точно сіе значеніе должностямъ сына живущаго въ естественномъ состояніи, какъ скоро проникнешь въ спроеіе челоѳческой природы.

И что это такое! естественный челоѳкъ отрицательными обязанъ должностями къ Богу и тѳми же самыми къ себѳ? Или когда онъ обязанъ положительными должностями къ Богу и самому себѳ, по для чего его ближніе дѳлаютъ исключеніе? Не довольно ли ужъ сего исключенія, чтобъ привести все ученіе въ подозрѳніе?

II.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ БАРОНА РАНИВИЛЛА.

Основаніе къ сему повѳствованію, пишетъ Г. Доратъ въ журналѳ Дамскомѳ, присовокупя чувствованіе, основательное нравоученіе и сильное выраженіе одной Французской дамы называемой Фалквесъ, родившейся въ Авиньонѳ живущей съ дватцати лѳтъ въ Англїи, которая еще въ молодости въ ученомѳ свѳтѳ сочиненїями, какъ по Торжествомѳ дружбы, Абассомѳ и многими другими себя прославила. Сїя повѳсть на Аглинскомѳ

скомъ языкѣ сочинена, и ею же самою переведена на Французской. Я принялъ смѣлость нѣкоторое въ семъ не обходимо нужное перемѣнить. Разстояніе дваццати лѣтъ можетъ спилъ нѣсколько испорчить, не теряя хощя своей внутренней красоты. Дѣвица Фальквесъ писала на Аглинскомъ такъ хорошо, что ея сочиненія въ семъ языкѣ за классическія приняты и къ обученію юношей употребляемы были. Сія еще въ свѣтъ не издаваемая повѣсть, о коей въ нѣкоторыхъ книгахъ совсѣмъ не справедливо писали, здѣсь выдается основанною на историческихъ истиннахъ. Всѣ оной обстоятельства истинны, и сіе производитъ болѣе участія, безъ котораго оную кто нибудь не легко читать можетъ.

Я препроводилъ ужѣ лѣта, въ которыя обыкновенно страсти волнуются, и почти до половины теченія своей жизни разумомъ былъ провождаемъ, пока наконецъ принужденъ былъ, или мнѣ такъ казалось оный покорить предразсужденію, которое сердце опровергало. Бездѣлка, нѣкоторыя оскорбительныя слова причинили то, что я самъ себя совсѣмъ позабывъ, подрался съ однимъ человекомъ, котораго я любилъ. Ахъ! я прошивъ желанія былъ щастливъ. Сомнѣваясь о его жизни, удалился во Францію.

Зная, что меня по справедливости моя совѣсть уличала за мое преступленіе, не искалъ я въ веселіяхъ и разсѣянїи столичнаго города оную усыпиль, но избралъ малой городокъ, къ своему пребыванію. Гдѣ познакомился я съ однимъ благороднымъ человѣкомъ, жившимъ въ своихъ деревняхъ и принимавшимъ чужестранныхъ съ наиблагороднѣйшимъ госпопріимствомъ. Сей господинъ, коего я назову Барономъ Ранивилломъ, имѣлъ столько прїятности живаго нрава, какой приписываютъ Французамъ. Важность моихъ разговоровъ ему нравилась. И онъ принималъ участіе въ печальномъ состоянїи моего сѣрдца, хотя онъ и самъ былъ усердной обожатель сего Кумира, коему я свое спокойствіе на жертву приносилъ, ш. е. чести. Долго принуждалъ онъ меня его спокойную жизнь съ собою дѣлать, я уступилъ на конецъ и почувствовалъ съ нимъ въ обхожденїи всѣ облегченія моей поски, которую я прешерпѣвалъ. По вся дни будучи прогаемъ его человѣколюбивымъ нравомъ и прїятною поступкою, почувствовалъ съ нимъ его щастіе, кое и казалось быть уже на твердомъ основанїи; ибо его сосѣди взирали на него съ почтенїемъ, подданные его любили, и Король, коему онъ своими достоинствами жертвовалъ, весьма его почиталъ. Внутри его дому возвѣщало все полную радость домаш-

домашняго блаженства. Его супруга ему была драгоценна болѣе добродѣтелями, нежели красотою; два преисполненные надеждою сына, изъ коихъ одинъ имѣлъ десятой годъ, а другой пятый, обѣщали такое утѣшеніе, какое только сердце родительское ощущать можетъ.

Я получилъ извѣстіе, что мой противникъ выздоровѣлъ, и сіе могло полько умѣрить боль моей съ нимъ разлуки. Мы обѣщались взаимно другъ друга посѣщать, какъ скоро только наши обстоятельства дозволятъ.

Нечаянно по прошествіи десяти лѣтъ случилось мнѣ обѣщаніе исполнить. Но сколь я ужаснулся! когда нашелъ замокъ Ранивидла и около онаго хижины въ опустошеніи, и на лицахъ жителей, которые были исполнены радости, увидѣлъ печаль и смущеніе.

Преисполненъ будучи безпокойствіемъ и страшнымъ предчувствіемъ, приблизился я съ трепетомъ къ воротамъ. Чести достойной священникъ, коего я какъ домашняго проповѣдника моего друга, прежде зналъ, принялъ меня и сказалъ: тяжелая рука судьбы или лучше справедливое рѣшеніе Всевышняго превратило сіе мѣсто, кое видѣли вы прекраснымъ, въ жилище жалости. Баронъ лишился своей супруги старшаго своего сына. Весьма сожалѣнія достойной отецъ, несчастный супругъ

долговременно вкушая изъ чаши прискорбій, премѣнилъ сіе прелестное позорище роскоши и великолѣпія, на уединенное пребываніе добровольной бѣдности и смиренія; онъ заключилъ себя въ Игуменство Де ла Траппе, гдѣ онъ строгимъ покаяніемъ стремится по крайней мѣрѣ къ достиженію участія въ вѣчномъ спасеніи, котораго свѣтской человѣкъ весьма часто лишается.

Его младшій сынъ, шеперь единый наслѣдникъ, посланъ въ Парижъ, чтобы тамъ по состоянію быть воспитану, между тѣмъ, вѣрной правитель двора нашего любезнаго кающагося, и я, стараемся еще содержать госпопримство въ семъ печальномъ жилищѣ, въ коемъ оно уже давно поль достойное имѣло прибѣжище. Такія перемѣны, которыхъ причинъ я не могъ изслѣдовать, привели меня въ такую мучительную недовѣренность, что я вознамѣрился моего друга въ его пустыни искать.

Я никогда въ жизни моей не могъ терпѣшь ничего такого, что имѣетъ видъ отмѣнности. Однако когда впечатлѣлась въ меня оная торжественная тишина, царствующая во окружности сего славнаго монастыря, то мнѣ преждее мое мнѣніе подозрительнымъ быть начало. Я приблизился къ Аббату съ по-

добо-

добострастіемъ, которое и при взорѣ на него не уменьшилось.

Онъ пригласилъ меня сперва съ собою прогуляться, и попомъ уже на мою прозьбу такъ отвѣтствовалъ: сіе убѣжище раскаянія и покаянія всегда стоишь отверсто тѣмъ, кои его жителей хотяшь посѣтить; ибо строгостію нашего учрежденія, которой они подвергнуты соглашаются загладить тѣ порочныя удовольствія, которыми они прежде наслаждались, и разумный зритель, знающій печальное смущеніе порочной жизни, долженъ въ себя припсти и произвольное сравненіе сдѣлать, которое можетъ быть полезно для слабыхъ и несчастливыхъ смертныхъ.

Въ семъ намѣреніи нашъ основатель, коего тысящное несчастіе въ волненіяхъ жизни все достоинство сего спокойнаго и безопаснаго прибѣжища познать научило, каждому свободный входъ въ оную дозволилъ, и притомъ старался также сохранить спокойствіе, коимъ здѣсь наслаждаются симъ узаконеніемъ: никто не можетъ быть впускаемъ прежде, нежели общается съ нашими кающимися до тѣхъ норъ не говорить, пока ихъ упражненія въ благоговѣніи будутъ продолжаться и сильное желаніе къ дружбѣ или побужденію любопытства часъ отдохновенія получить.

Какъ я согласился на сіе, то повели меня въ большой садъ, обведенный вокругъ строеніями монастырскими. Тамъ я примѣтилъ скоро въ блѣдномъ изнуренномъ видѣ моего любезнаго Ранивилла; однако онъ такъ мало на меня смотрѣлъ какъ и его товарищи.

Заняты различными работами, отправляли они весь свой урокъ въ шихомъ молчаніи, и съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, что они едва отъ онаго взоръ обращали. При звукѣ нѣкотораго колокола казалось, что ихъ лица отъ печали облегчены и озарились свѣтомъ, отъ чего я закричалъ, что уже часъ отдохновенія скоро будетъ, и слѣдовалъ имъ съ неперпѣливымъ ожиданіемъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о печальномъ позорищѣ, которое еще предлежало моему взору. Потомъ почти въ полчаса мы прошли черезъ рошу весьма высокихъ Кипарисныхъ деревьевъ, на конецъ пришли мы на кладбище пространное въ окружности, гдѣ отверстыя могилы людямъ безпрестанно о ихъ исплѣни на поминаютъ. Нѣсколько времени споялъ я погружившись въ размышленіе. По краткой внутренней молитвѣ, которую возсылали сіи бѣдные кающіеся со слезами сокрушенія и надежды къ Богу, спѣшила большая часть изъ оныхъ, могилъ мѣста занявъ. Нѣкоторые отправлялись къ своимъ

имѢ собственнымѢ могиламѢ , между
тѢмѢ другіе , окончавшіе сіи послѣднія жи-
лища человѣчества , въ своей темной пеще-
щерѢ пріятности , вѣчнаго спокойствія иска-
ли , коего они надѣялись достигнуть .
Сильное желаніе смерти казалось во
всѣхъ ихъ движеніяхъ , однакоже при томѢ
изображалось во многихъ ихъ взорахъ на
небо , смиренномудріе и надѣяніе на опредѣ-
леніе Всевышняго . . . . . Что было чувст-
вительно зрѣнію .

Я почувствовалъ , что не въ силахъ
ужè сего болѣе сносить . Мой предводи-
тель примѣтившій оное , мигнулъ мнѢ ,
чтобѢ отдалиться , и опвелъ меня опять
въ свою келью , гдѢ оставилъ меня мо-
имѢ разсужденіямѢ . Недолго потѢмѢ при-
шелъ сюда Ранивилъ . Мрачная важность
являлась во всѣхъ его поступкахъ , од-
нако онѢ не могъ удержаться , чтобѢ не
показать мнѢ знаковъ прежней нашей
дружбы . Я спросилъ его нѣжно о его об-
стоятельствахъ , и онѢ мнѢ на концѢ оп-
вѣщствовалъ .

„ Когда бы ужасное приключеніе , кото-
„ рое я вамѢ хочу рассказать , могло служить
„ въ наставленіе тѢмѢ , которые на непер-
„ дыхъ и рухлыхъ основаніяхъ утвержда-
„ ются и при томѢ въ волненіи своихъ спра-
„ сней живутъ ; то и не желалъ бы я , что
„ бы вы оное тайно содержали . Одна-
„ ко прошу васъ о моемъ имени умол-
„ чать

„ чать и то единственно для моего
„ сына.

„ Вы знаете, продолжалъ Ранивилъ,
„ что я обладалъ всѣми преимуществами
„ казаящимися въ свѣтѣ драгоцѣнными.
„ Знатная моя порода представлялась
„ мнѣ ни чѣмъ въ разсужденіи оныхъ. Я
„ былъ ослабленъ. Сіе преимущество,
„ кое законъ и самый разумъ непримѣнно
„ изслѣдываетъ, было источникомъ все-
„ го моего нещастія. Оно привело меня
„ въ чрезвычайную гордость, скрытому
„ началу свирѣпаго гнѣва и частныхъ стра-
„ стей коихъ за ранѣ обуздать не мож-
„ но, и которыя ввергнули меня въ
„ пропасть бѣдности и пороковъ. Сіе за-
„ гладить, не можно ни угрызениями со-
„ вѣсти ниже пролитіемъ слезъ. Вско-
„ рѣ послѣ нашей разлуки примѣнилъ
„ я, что одинъ изъ моихъ откупщи-
„ ковъ, хваставшій что онъ въ луч-
„ чемъ воспитаніи родился нежели теперь
„ живетъ, и почтеніе, кое онъ и
„ мѣлъ предъ прочими, во зло упот-
„ реблялъ, производилъ между ими,
„ особливо же между моими домашними
„ ссоры.

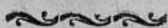
„ Я увѣдомился для чего онъ такъ
„ часто къ моему замку приходилъ, ибо
„ сказали мнѣ, что онъ къ горнишной дѣв-
„ къ моей супруги ходилъ. Чего для я
„ спросилъ дѣвку; она же столь много

„ ока-

„оказала къ нему негодованія, и столько
 „охоты оштаться въ моей службѣ, что
 „я не велѣлъ откупщику болѣе объ ней
 „думать, и не прежде къ замку прихо-
 „диль, развѣ когда необходимыя и нуж-
 „ныя дѣла потребуютъ.

„Спустя нѣсколько дней потѣмъ по-
 „шелъ я къ нему, дабы сказать, ка-
 „кимъ образомъ должно поступать въ
 „моемъ владѣніи. Онъ слушалъ меня съ
 „ворчаніемъ, и хулилъ несносно мои на-
 „мѣренія. Презреть бы надлежало его;
 „чего такое безстыдство и заслуживало;
 „но вмѣсто того усилилась во мнѣ вспыль-
 „чивость. Я думалъ что моя гордость
 „чрезъ то была обещена, и до такой
 „крайности былъ доволенъ, что я человѣку
 „желающему отъ меня покровительства
 „нѣсколько ударовъ далъ палкою. Сіе ка-
 „залось быть наказаніемъ, а собственно
 „не иное что, какъ нарушеніе законовъ
 „человѣчества. Онъ снесъ съ припворнымъ
 „смиреніемъ; однако едва я только от-
 „дался на нѣсколько шаговъ, какъ бро-
 „сился онъ на меня съ несказанною сви-
 „рѣпостію, и повергъ меня на землю, вы-
 „рвалъ трость изъ руки, и побои кои по-
 „лучилъ отъ меня возвратилъ мнѣ съ
 „лихвою.

„Не доволенъ сею дерзостію и не бо-
 „ясь дѣйствія сихъ слѣдствій, за кото-
 „рые онъ никогда прощенія надѣяться не
 „смѣлъ,

„ смѣлъ , грозилъ мнѣ еще смертію . Что
 „ долженъ я былъ дѣлать ? Не имѣлъ шпа-
 „ ги , и хотя бы оную и имѣлъ , однако она
 „ мнѣ была бы бесполезна , ибо я лежалъ
 „ подъ бременемъ грубаго человѣка , си-
 „ дѣвшаго у меня на грудяхъ обѣими но-
 „ гами , и давившаго меня сильно одною
 „ рукою а другою казалось мнѣ умерт-
 „ вить спаравшагося . Я просилъ его меня
 „ помиловать . Онъ согласился , однако съ
 „ тѣмъ чтобы я ему обѣщался за сію оби-
 „ ду никогда не мстить . Если бы я тог-
 „ да разсудилъ порядочнѣе , подлинно не
 „ почилъ бы себя огорченнымъ , но при-
 „ томъ еще думалъ бы , что я былъ обидчи-
 „ комъ , когда я ему самъ больше при-
 „ мѣръ къ тому подалъ , и сего человѣ-
 „ ка во гнѣвѣ привелъ , заслужившаго
 „ болѣе почтенія . Но я не такъ разсуж-
 „ далъ , пошелъ пристыженнымъ домой , съ
 „ свирѣпымъ бѣшенствомъ . Чрезъ нѣ-
 „ сколько дней разсуждалъ я только , что
 „ дѣлать должно въ такомъ случаѣ .
 „ Поносное приключеніе претерпѣнное
 „ мною не извѣстно было никому ; при-
 „ томъ свидѣтелей не было , а крестъ-
 „ янинъ , ужё конечно какъ я о томъ и
 „ не сумнѣвался , долженъ былъ молчать
 „ для лучшей своей пользы . Но по внут-
 „ ренное изобличеніе , по тайное ропшаніе
 „ самолюбія не было тѣмъ довольно . Я
 „ воображалъ себѣ , что благородство мо-
 „ его

его рода не только во мнѣ но и въ
 „ моемъ попомствѣ симъ посрамленіемъ
 „ было бы помрачено, еспли бы я не ис-
 „ калъ равномѣрнымъ опмщеніемъ сей
 „ порокъ загладить. Въ сіе время нахо-
 „ дился я въ бѣшенствѣ. Воспоминалъ
 „ я свою кляпву, и часто о своемъ по-
 „ стоянствѣ сомнѣвался.

„ Сіи смертельныя мысли мучили
 „ меня до безумія. Наконецъ пришло
 „ мнѣ намысль моихъ ближнихъ род-
 „ ственниковъ и вѣрнѣйшихъ друзей къ
 „ себѣ попросить, и имъ мое печаль-
 „ ное приключеніе открышь, и себя та-
 „ кимъ образомъ разположить по ихъ
 „ изволенію. Унихъ находилось содер-
 „ жаніе моей чести, слѣдовательно они
 „ были самые лучшіе судьи моего тог-
 „ дашняго состоянія.

„ По долгомъ испытаніи осудили они
 „ меня единогласно, хранить мое обѣща-
 „ ніе. Дворянинъ, присовокупили они къ
 „ тому, ни когда не долженъ съ своимъ
 „ подданнымъ худо поступать, понеже
 „ онъ безсиленъ, и пользуясь слабостію
 „ его утѣснять есть не что другое, какъ
 „ преступать законы того чувства, кото-
 „ рое природа глубоко въ сердце каж-
 „ даго человѣка, спрашивающаго самаго
 „ себя, вкоренила.

„ Мы обыкновенно болѣе чести ищемъ
 „ и полагаемъ во мнѣніи другихъ, нежели въ

„природѣ вещей и въ самыхъ понятіяхъ,
 „комъ мы объ оныхъ имѣемъ; и такъ рѣ-
 „шеніе моихъ друзей меня успокоило. Но
 „какъ всегда кипѣлъ мой гнѣвъъ при взорѣ
 „на того человека, то я ему на концѣ
 „сказалъ, что для него самого лучше бы
 „было, есlibъ онъ мое имѣніе доб-
 „ровольно оставилъ и себѣ другаго оп-
 „купа искалъ; онъ находился въ хо-
 „рошихъ обстоятельствахъ, и не имѣлъ
 „притомъ недоспадку въ разумѣ; и лег-
 „ко могъ надѣяться что мнѣ, не смотря на
 „мое обѣщаніе, не возможно будетъ моего
 „опмщенія не исполнить, имѣя коудо-
 „влетворенію онаго въ готовности раз-
 „ныя средства. Онъ на то согласился,
 „оставилъ свой откупъ и поселился въ
 „сосѣдствѣ. Чрезъ его отдаленіе полу-
 „чилъ я опять прежнее мое спокойствіе
 „и вскорѣ потомъ не думалъ я болѣе
 „ничего осемъ приключеніи.

„Спустя почти чепыре года, стали въ
 „сосѣдственныхъ деревняхъ конные пол-
 „ки. Я имѣлъ издревле великую склон-
 „ность къ солдатамъ. Чего ради просилъ
 „я знатныхъ Офицеровъ къ себѣ, ко-
 „ихъ учтивость и разумное поведеніе мо-
 „ему чину такъ соотвѣствовали, что мы
 „время въ пріятныхъ увеселеніяхъ и не-
 „винныхъ радостяхъ провождали.

„Въ семъ пріятномъ положеніи нахо-
 „дился я до тѣхъ поръ, пока не сыскалъ
 „билетъ

„ билетъ неизвѣстною рукою писанной въ
 „ моемъ кабинетѣ, содержащій краткое
 „ увѣщаніе, дабы о поведеніи моей жены
 „ смотрѣть. Ревность никогда не ума-
 „ лялась въ моихъ слабостяхъ: но какъ
 „ давали мнѣ сіе наставленіе безъ об-
 „ стоятельствъ, то нѣкоторое только
 „ впечатлѣніе въ меня вперили, которое
 „ однакожъ по изслѣдованіи дѣла, со-
 „ всѣмъ позабылъ, и такъ я не взирая на
 „ укоризны, дѣланныя мнѣ во второмъ
 „ билетѣ, ослѣпилъ себя самого, помра-
 „ чилъ свою честь и сію вѣсть и пред-
 „ ставленіе презрѣлъ.

„ Наконецъ увѣдомили меня въ про-
 „ странномъ письмѣ, которое также какъ
 „ и прежніе не другое что содержало
 „ какъ мое благо. Моею виною достигло
 „ зло предсказываемое мнѣ до высочай-
 „ шей степени; моя жена не находила
 „ уже болѣе удовольствія въ маленькихъ
 „ любовныхъ шуткахъ днемъ, но она
 „ дозволила во всякую ночь своему любов-
 „ нику приходиться въ ея горницу.

„ Такимъ образомъ выражающій до-
 „ носъ привелъ меня въ бѣшенство сдѣ-
 „ лавшее меня не способнымъ къ разсуж-
 „ денію. Безславіе мое казалось мнѣ под-
 „ линнымъ, и въ сей минутъ могъ бы
 „ я принести огорченной моей чести наи-
 „ кровпоролишнѣйшія жертвы.

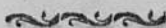

„Однако принудилъ я себя и предъ
 „пріялъ ожидать, не открою ли я чего
 „въ слѣдующую ночь. Но скоро мнѣ на
 „мысль пришло, что я на позорище пре-
 „ступленій не могу взойти, не произведши
 „шуму, и что мнѣ такимъ образомъ оп-
 „мстить не можно будетъ, по я почелъ
 „за полезное приказать горнишную дѣвку,
 „о которой я прежде сказалъ, призвать.

„Она пришла внезапно и спросила ме-
 „ня съ тихимъ и веселымъ видомъ, че-
 „го я изволю? Что происходитъ во вся-
 „кую ночь въ комнатѣ твоей барыни?
 „спросилъ я ее свирѣпымъ голосомъ. Она
 „притворилась въ ужасъ приведенною,
 „и отвѣчала мнѣ съ переменнѣйшимъ
 „видомъ искренности: развѣ вы не тотъ,
 „копорою по тайной лѣстницѣ и чрезъ
 „кабинетъ гдѣ я сплю, въ горницу моей
 „госпожи входилъ и потомъ на разсвѣ-
 „тѣ опять выходилъ? . . . Нѣтъ вск-
 „ричалъ я, совсѣмъ не я, ни какъ! по не
 „я — Изрядно, отвѣчала она, вы открывае-
 „те мнѣ глаза о различныхъ дѣлахъ, о
 „коихъ я почти не изслѣдовать боялась. Та-
 „кимъ образомъ мой страхъ весьма былъ
 „основателенъ. Послѣ сего восклицанія ра-
 „сказала она мнѣ долгую исторію о дру-
 „жествахъ примѣченныхъ ею между мо-
 „ею женою и многими Офицерами, при-
 „помъ божилась, что она не могла знать,
 „который бы изъ нихъ теперь у нея въ довѣ-
 „рен-

ренности находился, и обѣщалась нако-
нецѣ, мнѣ въ ночь сію помочь о семѣ
вывѣдать.

„Едва оставило меня мое общество,
которое я въ сей вечерѣ весьма худо при-
нималъ, то пошелъ я въ кабинетъ. Гор-
нишная дѣвка ожидала меня. Я былъ кин-
жаломъ вооруженъ, и сильное имѣлъ же-
ланіе двухъ преступниковъ поразить.
Въ сіе время слышалъ я шумъ въ горни-
цѣ моей жены — Тамъ ли онъ? Спро-
силъ я тихимъ и дрожащимъ голосомъ.
Дѣвка просила меня только на одну
минуту свой гнѣвъ умѣрить; она хо-
тѣла только заглянуть въ горницу,
чтобъ меня совершенно можно было увѣ-
рить. Онъ былъ, сказала она, возвра-
тившись съ препетомъ; боюсь я, не
примѣнилъ ли меня. Уповательно, онъ
по другой лѣсницѣ вшелъ, и не будучи
увѣренъ о своей безопасности, поспѣ-
шилъ возвратиться въ свою горницу.
Въ сіе время не могъ я себя болѣе ужѣ
умѣрить, я бѣжалъ за моимъ непріа-
телемъ; въ темнотѣ не возмогъ его
узнать, однако гнался я за нимъ не
останавливаясь чрезъ большой дворъ,
который находился между тѣми по-
коюми, гдѣ я жилъ, и тѣми кото-
рые я отвелъ для офицеровъ. Хотя
я и видѣлъ, что невозможно было его
достигнуть, однако твердо стоялъ

„ вѣ моемѣ намѣреніи отмститьъ ему на
 „ семѣ мѣстѣ, и хотѣлъ лучше двери
 „ разломать, хотя сіе и жизни стоило,
 „ нежели ему еще на одинѣ часѣ доз-
 „ волишь собственностію своею пользо-
 „ ваться.

„ Было весьма темно; кровь во во мнѣ
 „ волновалась; я упалъ и сіе приписалъ
 „ тогда дѣйствию моего гнѣва. Множест-
 „ во воображеній представлялось мнѣ; мои
 „ сыновья, говорилъ я самъ себѣ, будутъ
 „ обезчещены, если пресупленіе ихъ
 „ матери откроется, и я самъ отъ всяка-
 „ го презрѣнія или предмѣтомъ сожалѣнія
 „ буду. Сіи были первыя слѣдствія, кои
 „ я отъ безразсуднаго мщенія предъ собою
 „ видѣлъ; но какъ я еще болѣе о томъ
 „ разсуждалъ, коль поносно для меня бу-
 „ детъ, законы гостепріимства нарушить
 „ убіеніемъ моего гостя въ томъ самомъ
 „ домѣ, которой служить долженъ убѣ-
 „ жимъ, тогда я почувствовалъ необхо-
 „ димость отмѣнить мое мщеніе, и вмѣ-
 „ сто того, чтобъ далѣе продолжать или
 „ въ горницу моей жены ищи пошелъ
 „ я потихоньку въ свою.

„ Здѣсь принялъ я намѣреніе за кото-
 „ рое отъ людей болѣе ожидать могъ
 „ прощеніе, хотя предъ очами всевышняго
 „ существа кажешся несравненно болѣе
 „ достойнымъ наказанія; ибо оно проща-
 „ етъ первое стремленіе спрасней а не
 „ пре-

преступленія, кои съ хладнокровіемъ
въ дѣйствіе производятся.

„Едва солнце взошло, то отпра-
вился я къ Полковнику съ рѣшимостію безъ
боязни, видомъ спокоенъ и швердъ въ
предложеніи. Онъ принялъ меня съ
опкровеннымъ и пріятнымъ видомъ;
копорою я почиталъ за смиренное при-
шворство. Однако я съ нимъ не хо-
тѣлъ имѣть никакого объясненія, а осо-
бливо въ моемъ домѣ, предложилъ ему
дабы прогуляться, на что онъ былъ го-
товъ. Непримѣнно опвелъ я его въ от-
даленное мѣсто; шамъ взявъ въ руку
шпагу, кричалъ ему: ты долженъ
теперь себя защищать! Онъ чего ка-
зался онъ изумленнымъ; но какъ
храбрость его не дозволила ему опла-
гаться и объяснитьсь, то и опвѣчалъ
онъ мнѣ твердымъ голосомъ: вы удо-
вольствованы будете всѣмъ шѣмъ, го-
сударь мой, чего вы отъ меня поже-
лаете. Послѣ нашего боя, скажите мнѣ,
чѣмъ я васъ обиделъ.

„О вы ужасныя и не изслѣдимыя
рѣшенія неба! по что я не ослабѣлъ отъ
перваго удара, дабы ужѣ болѣе несра-
жаться? Почто получивши тяжкую рану
въ бокъ и будучи въ бѣщенствѣ, возжи-
гающемъ меня, нашелъ я еще довольно
бодрости пронзить грудь моего против-
ника, на коего я не справедливо напалъ.

„Спараніемъ Офицеровъ, коимъ я оп-
 „крылъ мое сраженіе, скрывъ причину она-
 „го, поднято было мертвое тѣло и погре-
 „бено. Дѣло пребыло тайно, и ничто
 „непрепятствовало излеченію моей опа-
 „сной раны, кровь во мнѣ была успо-
 „коена.

„Напрасно показывала мнѣ моя жена
 „наичувствительнѣйшія доказательства
 „своей печали о моемъ приключеніи; всуе
 „спаралась она о мнѣ съ нѣжною пе-
 „чалью. Я думалъ, что ея слезы текли
 „по ея потерянномъ любовникъ и ея спа-
 „раніе о мнѣ за новое себѣ огорченіе и
 „продолжающееся вѣроломство считалъ.
 „Въ виду свѣта честь моя помрачена; сіе
 „представленіе мучило меня и возжигало
 „во мнѣ гнѣвъ, когда подходила ко мнѣ
 „моя супруга, жертва, копорой пребо-
 „вало предразсужденіе. Человѣчество не
 „дѣйствовало во мнѣ, но гордость воз-
 „жигавшая оное. Подлинно ето была гор-
 „дость вкоренившая мнѣ въ мысли, что
 „будто за безчестіе почиталось жизнь
 „слабой женщины опянь, и что пре-
 „зрѣніе есть единственное наказаніе, ко-
 „пораго моя наказанія достойная супру-
 „га заслуживала.

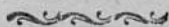
„Намѣреніе колеблющееся какъ при-
 „ливъ и отливъ спраспей есть такъ не-
 „твердо, что не можно удивляться, ко-
 „гда я въ послѣдующее время не сохра-
 „нилъ

нилъ высокобрія своего. Моя жена бы-
ла уже давно беременна; она мнѣ о
томъ не сказывала, и сіе молчаніе
огорчило меня столь, что я ея неоп-
мѣнно умертвить вознамѣрился.

„Тщешно она мнѣ говорила съ оп-
кровенностію, которая могла всякое ис-
коренить подозрѣніе о томъ, что ея
молчаніе въ разсужденіи беременности
происходило единственно отъ старанія,
дабы меня тѣмъ болѣе не огорчить и
не воспрепятствовать излѣченію моей
болѣзни. Я полагалъ причину онаго въ
угрызеніи ея совѣсти о ея преступле-
ніи и въ надеждѣ которую она имѣла,
что я ея любовника не много пережить
могъ. Состояніе будущее, въ которое
тайной плодъ незаконной въ мой из-
древле благородной родъ вкрадется,
и такой не правильной обладатель ча-
сти наслѣдства моихъ сыновей возметъ,
сіе то состояніе меня по большей ча-
сти къ ужасному дѣлу побудило, ко-
его вы ожидаете и отъ чего вижу я
васъ препенущими. Но я не обѣщалъ
вамъ безвинную жизнь разсказать, а веду
васъ къ слушанію повѣсти о столь ужас-
ныхъ приключеніяхъ, что я безъ осо-
бенной милости небесъ лишился бы
ума воспоминавая объ оныхъ.

„Долженъ ли я оную къ концу при-
весть? . . . . Долженъ. Ето новое муче-

„ нѣ для меня, однако нѣтъ такого, ко-
 „ тораго бы я не заслужилъ.

„ Невступивъ въ дальнія изъясненія,
 „ или укоризны приготошилъ я сильной
 „ ядъ и вмѣшалъ въ ея кушанье; чрезъ
 „ что вкралась смерть чрезъ всѣ жилы
 „ въ сердце безчастной моей супруги
 „ и младенца, которой въ ней находи-
 „ лся. Употребилъ при томъ всѣ пре-
 „ доспорожности, чтобы ни для моей чес-
 „ ти ниже моей безопасности со споро-
 „ ны правосудія сколько нибудь не опа-
 „ саться; мало думалъ о вѣчномъ Судѣ,
 „ коего око всегда бдительно взираетъ на
 „ дѣла нечестивыхъ.

„ Я о себѣ такъ мало думалъ, что и
 „ въ первой минутѣ ничего ужаса не чувст-
 „ вовалъ, который иногда и самой злодѣй
 „ при совершеніи злодѣйства имѣетъ. Та-
 „ кимъ образомъ утвердившись во множе-
 „ ствѣ беззаконій почиталъ я сіе ни за
 „ что другое какъ за дѣло необходимой
 „ нужды. Въ семъ страшномъ спокойствіи
 „ злѣйшимъ, нежели убрызненія совѣсти,
 „ жилъ я нѣкоторое время одинъ въ сво-
 „ емъ опустошенномъ домѣ, пока мой
 „ старшій сынъ не возвратился изъ Па-
 „ рижа, гдѣ онъ свои науки оканчалъ.
 „ Его присутвіе возвратило моему
 „ сердцу казавшемуся бытъ умершимъ
 „ опять нѣсколько жизни. Скоро исчез-
 „ ла моя надежда, счастливые дни ви-
 „ „ дѣтъ.

„дѣтъ, наступила ночь отчаянія, которая
 „продолжалася бы вѣчно, естли бы мнѣ
 „Всемогущее существо не послало лучъ
 „милосердія въ темнотѣ моей.

„Одинѣ разѣ какѣ я упражнялся въ
 „наставленіи моего сына, не въ шѣхѣ ис-
 „тинныхъ добродѣтеляхъ, на коихъ осно-
 „вывается наше блаженство, но въ шѣхѣ
 „ложныхъ добродѣтеляхъ, которыя оное
 „разрушаютъ, и какѣ я его въ шѣхѣ
 „основаніяхъ чести укрѣплялъ, коимѣ
 „я свое безчестіе приписать долженѣ,
 „и мою бѣдность: то вручили мнѣ
 „письмо принесенное крестьяниномѣ.
 „Я распечаталѣ его и какое впечатлѣніе
 „въ меня водрузило, можете вы изъ
 „слѣдствій разсудить; едва лишь толь-
 „ко я письмо обозрѣлъ, то давила меня
 „смертная спужа во всѣхъ жилахъ даже
 „до сердца, глаза мои темнѣли, подѣ
 „ногами полѣ казался ломившимся. Я
 „упалѣ устрашенному моему сыну въ
 „объятія и не подавалѣ долго инаго знака
 „жизни, какѣ вздохами шѣмѣ подобными,
 „которыя разлученіе шѣла съ душою
 „провождаютъ.

„Наконецѣ опамятовался я, поднялѣ
 „письмо, изъ моихъ безсильныхъ рукъ у-
 „павшее и приказалѣ своимъ людямъ, меня
 „одного съ сыномѣ оставить. Поди, сказалѣ
 „я ему, читай. Онѣ дрожа сіе дѣлалѣ, а я
 „повѣся голову, закрывѣ глаза и руками
 „, зажавѣ

„ зажавъ ротъ, чтобъ умалить мой крикъ;
 „ слушалъ плачущи, дрожалъ при каждомъ
 „ словѣ, какъ будто бы имѣлъ во груди
 „ вонзенный кинжалъ.

„ Однако я мучу васъ весьма долго,
 „ послушайте: письмо было отъ того кре-
 „ стьянина; коего я принудилъ мое имѣ-
 „ ние оставить, и содержало повѣсть о не-
 „ слыханной адской злости.

„ Злодѣй желалъ себѣ щастія отъ
 „ мщенія, которое онъ почиталъ торже-
 „ ствомъ и меня называлъ ослѣплен-
 „ нымъ и безумцемъ, которой легко
 „ могъ въ обманъ отдаться; но чрезъ
 „ сіе лишился онъ многой радости про-
 „ изходившей отъ воспослѣдованія его
 „ коварства. Моя жена была невинна;
 „ полковникъ также; билеты мною по-
 „ лученные, были той же руки, которая
 „ и послѣднее письмо писала. Помощію
 „ дѣвки, которую я ему за себя взялъ
 „ помѣщалъ, далъ онъ женѣ моей опі-
 „ умъ и спрятался въ ея горницѣ, онъ
 „ льстилъ себя, продолжалъ онъ, меня
 „ довести до казни, ради убіенія добро-
 „ дѣтельной безвинной супруги и моего по-
 „ единка съ мнимымъ солубовникомъ: но
 „ какъ никакого совершеннаго доказа-
 „ тельства о сихъ пресупленіяхъ при-
 „ нести немогъ, то долженъ былъ онъ
 „ все удовольствіе своего мщенія моимъ
 „ совѣсти угрызениямъ оставить. Онъ

„ былъ а

„ Былъ, сказалъ припомъ, совершенно без-
 „ опасенъ отъ бѣшенства, въ кое меня его
 „ письмо ввергнуть должно было, ибо онъ
 „ оставилъ въ сію минушу европу и отпра-
 „ вился въ Индію. Едва немертвъ былъ
 „ уже я при первомъ лучѣ сего спраш-
 „ наго свѣта о моей судьбѣ, однако я
 „ сражался противъ смертельной болѣз-
 „ ни, коею меня сіе повѣствованіе о столь
 „ многихъ злостяхъ мучило, ибо я уже
 „ предвидѣлъ, что мой непремиримый
 „ врагъ навсе отважился и нехотѣлъ,
 „ чтобъ мой сынъ меня чрезъ ложныя из-
 „ вѣстія ненавидѣлъ и презиралъ. Имѣешь
 „ ли ты любезный сынъ, сказалъ я, хо-
 „ тя нѣкоторую чувствительность къ
 „ родителю любящему тебя, обрати все
 „ свое вниманіе на меня. Сіе письмо чипан-
 „ ное побою безъ сомнѣнія съ ужасомъ,
 „ должно тебѣ не обходимо учинить спра-
 „ шное представленіе о томъ, что между
 „ мною и твоею матерью происходило.
 „ Я хочу открытъ завѣсу покрывающую
 „ сію ужасную тайну, и ты долженъ мо-
 „ имъ судьбою быть. Знай же, сынъ мой,
 „ что во время твоего отсутствія ядови-
 „ тыя паровъ находенія изъ ада, началь-
 „ ника твоей жизни туманомъ покрыли,
 „ да отдалишъ небо отъ тебя оныя.

„ Тутъ рассказалъ я ему о всемъ что
 „ вы слышали отъ меня, не увеличивая мо-
 „ его преступленія ни уменьшая и кончилъ

„ сими словами : виждь ! вотъ ужаснѣй-
 „ шія приключенія которыя я тебѣ оп-
 „ крыть хотѣлъ ; но что теперь я уз-
 „ налъ , есть еще мучительнѣе и о чемъ
 „ уже ты самъ читалъ . Я не уповаю , что-
 „ бы я отъ такого открытія долго еще
 „ жилъ ; но я хочу , чего бы то ни стоило ,
 „ сколько возможно въ твоёмъ единомъ
 „ сердцѣ оправданъ быть , которое одно
 „ не щастному отцу остается .

„ Мой старшій сынъ былъ 18. лѣтъ ;
 „ но соединялъ онъ зрѣлой разуъ и по-
 „ стоянное разсужденіе съ многими дру-
 „ гими превосходными качествами . Онъ
 „ слушалъ меня , не разверзая рта , и глазъ
 „ не подымая ; руки крестообразно на
 „ грудь положа , стоялъ предомною ; давно
 „ уже я пересталъ говорить , а онъ еще
 „ стоялъ молча въ семъ положеніи . Слезы
 „ сильно текли по его щекамъ ; я смот-
 „ рѣлъ на его и мои отъ сильныхъ чувств-
 „ вованій до сихъ поръ удерживаемыя , по-
 „ текли речьями . И чтобъ свои съ сынов-
 „ ними смѣшавъ приклонилъ я свою го-
 „ лову къ его , и шакъ , рыдая влагали
 „ мы одинъ въ душу другаго болѣзнь
 „ наполнявшую нашу внутренность .

„ Вдругъ вспомнилъ я окрестьянинъ ,
 „ принесшемъ письмо и о моемъ приказѣ ,
 „ коимъ онъ задержанъ былъ , но ничего
 „ вѣрнаго не узналъ его объявленіемъ .
 „ Прежде трехъ дней оное ему вручили и

взяли обѣщаніе, письмо не прежде какъ
недѣлю спустя по отѣздѣ написав-
шаго, мнѣ доставить: но какъ онъ въ
моемъ сосѣдствѣ дѣло какое то и-
мѣлъ, то и думалъ онъ, что сей случай
можетъ въ пользу употребить; между
тѣмъ былъ онъ весьма награжденъ за
такое легкое оппращеніе.

Онъ объявилъ мнѣ сіи изъясненія съ
такою вольностію, что я другихъ по-
лучить не смѣлъ надѣяться. Къ чему
они должны служить? Что я могъ дѣ-
лать? За начальникомъ моего несчастія
гнаться, его въ руки правосудія
передать, было мою собственную жизнь
въ опасность ввергнуть, и что еще го-
раздо печальнѣе, моихъ сыновей обезче-
стить. Самымъ лучшимъ мнѣ казалось
крестьянина оппратить, нераспраши-
вая болѣе ни о чемъ.

Вскорѣ потомъ мой сынъ ушелъ отъ
меня. Я думалъ что отъ сильнаго коле-
банія имъ претерпѣннаго надобно бы-
ло ему у спокойиться; но какъ я велѣлъ
позвать, то сказали мнѣ что онъ съ
своимъ слугою осѣдлавшимъ лошадей
съ возможною скоростію ускакали. На-
ступила ночь: а онъ еще не возвратился;
я началъ на его нечувствительность жа-
ловаться, ибо онъ зналъ, что мнѣ въ
тогдашнемъ состояніи утѣшеніе нужно,
которое единственно только его присуд-
ствіе вліять могло.

„ВѢ

„ ВѢ слѣдующій день приказалъ я его
 „ вездѣ искать, но напрасно. ВѢ смущеніи
 „ мыслей пребывавшихъ вѢ моемъ мозгѣ,
 „ вспомнилъ я о лукавствѣ моего непріа-
 „ пеля. Я опасался, не солгалъ ли онѢ
 „ будто бы отсюда отдалился, дабы спо-
 „ собной случай къ новому злодѣйству
 „ изыскать и дабы мой сынѢ могъ бы ему
 „ вѢ руки попасться. Я пререпалъ . . . !
 „ ЧрезѢ при неизмѣримо долгія недѣли
 „ умножала каждая минута мое безпокой-
 „ ствіе; но ни одно изѢ моихъ догадокъ,
 „ ни одно изѢ моихъ помышленій не пред-
 „ вѣщало мнѢ страшнаго, что мнѢ при-
 „ ключилось.

„ Препровождая вѢ сихѢ несказанныхѢ
 „ мученіяхѢ все свое время, получилъ я
 „ письмо присланное по почтѢ изѢ по-
 „ граничнаго города во Фландріи. Рас-
 „ печаталъ я его съ неперпѣливымъ же-
 „ ланіемъ, какъ такой человекѢ, которой
 „ свѣдѣніе о своей судьбѢ имѢть жела-
 „ ешѢ. Оно было отѢ Комменданта одно-
 „ го мѣста. Сей старый ОфицерѢ вѢ пер-
 „ выхѢ моихѢ походахѢ моимѢ товари-
 „ щемѢ былѢ, увѣрилъ меня вѢ томѢ, что
 „ онѢ мнѢ и понынѢ другѢ; и сіе самое по-
 „ будило его увѣдомить меня о состояніи
 „ моего сына. ОнѢ еще живѢ! онѢ живѢ, вскри-
 „ чалъ я; но какъ будто бы громомѢ пора-
 „ женѢ, стоялъ я тогда безчувственѢ, когда
 „ прочелъ болѣе, что дерскій несчастный
 „ юноша

„ Юноша на болшей дорогѣ по среди дня
„ моего бѣгущаго непріятелиа и его сови-
„ новницу умертвилъ; и что онъ потомъ
„ взятъ и подъ караулъ посаженъ въ тем-
„ ницу и что комендантъ изъ различныхъ
„ бумагъ, которыя у него сыскалъ узналъ
„ кто онъ таковъ и его въ темницѣ посѣ-
„ щаетъ.

„ Вашъ сынъ, продолжалъ мой другъ,
„ недовѣрялъ, что я вашимъ другомъ былъ,
„ но какъ онъ мнѣ совершенно о всемъ об-
„ явилъ, чего онъ, ниже его лакей кому
„ либо другому сдѣлать хотѣли, и мнѣ
„ всѣ обстоятелства дѣла открылъ, при-
„ водящія всѣхъ тѣхъ въ удивленіе, кои бла-
„ городство и спокойствіе во всемъ своемъ
„ состояніи видятъ. Онъ уѣхалъ отъ васъ
„ непростившись, продолжалъ онъ, погнав-
„ шисъ за двумя чудовищами, кои сильно
„ васъ обидили, въ надеждѣ ихъ, помощію
„ лакея вознамѣрившагося также какъ и
„ онъ самъ, въ ваши деревни привести,
„ между тѣмъ онъ всегда надъ грудью
„ пистолетъ держалъ, чтобы ихъ при-
„ нудить ночью итти, а днемъ въ лѣсу
„ пребывать (всѣ опасности избѣжавъ хо-
„ тѣлъ онъ вамъ оныхъ въ руки предать).
„ Крестьянинъ сперва ползаячи просилъ,
„ но какъ онъ его намѣреніе примѣтилъ,
„ то тотчасъ сталъ противиться; злодѣй
„ былъ вооруженъ и его безбожная со-
„ путница старалась, дабы изъ поля рабо-
„ Часть IX. мѣс. Іюль. П „ пни-

„пниковъ крикомъ пригласить; сынъ вашъ
 „разгорѣвшись праведнымъ гнѣвомъ за-
 „спрѣлилъ ихъ изъ пистолетовъ; однако
 „совѣмъ онъ не думалъ о семъ дѣлѣ,
 „какое оно слѣдствіе могло имѣть; поне-
 „же онъ ничего не сдѣлалъ такого, что
 „бы не честь предписывала и совѣсть не
 „побудила.

„Вы знаете, любезной другъ присо-
 „вокупилъ къ тому комендантъ, что за-
 „коны не дозволяютъ никогда такого
 „средства, наказывать пресупленія ко-
 „торое по его свойству великое вліяніе
 „въ общую безопасность имѣетъ. И
 „такъ вы должны все употребить,
 „чтобъ для вашего сына получить ми-
 „лость. Я сыскалъ средство, дабы его
 „наказаніе опложено было, и что бы вы
 „черезъ то, время имѣть могли всѣхъ
 „вашихъ благодѣтелей и всѣхъ вашихъ дру-
 „зей къ его спасенію упросить. Но непе-
 „рятьте неединой минутой, и да благосло-
 „словитъ небо ваше стараніе.

„Едва двѣ минуты пропекли какъ я
 „прочелъ печальное сіе письмо, то ужѣ
 „я былъ на пути бдущимъ въ Версалію
 „и всю дорогу взывалъ я безпрестанно:
 „праведное небо, не наказывай опца, ко-
 „торой не столько виненъ сколько не-
 „щастенъ, смертію своего сына; его сынъ
 „безвиненъ.

„ Моя молитва не была услышана, да
 „ и дѣйствительно должно было мнѣ
 „ прежде умилоствивить гнѣвъ Всевышняго
 „ Существа, предъ которымъ я дерзалъ
 „ оправдать беззаконія свои, нежели про-
 „ сить его милосердія. Король прямо оп-
 „ казалъ въ моей прозьбѣ; я умирая и
 „ болѣзнію такъ сказать уничижаемъ, по-
 „ шашилъ въ городъ, гдѣ послѣдній стра-
 „ шнѣшій долгъ отдасть былъ долженъ.

„ Но воображалъ я еще нѣкоторой
 „ лучъ надежды, чего ради и пошелъ я къ
 „ его судьямъ; но на глазахъ ихъ видѣлъ
 „ я мой судъ, которой мнѣ еще и под-
 „ твердилъ мой великодушный другъ. Въ
 „ два или три дни должны совершиться,
 „ слѣдствіе и конецъ суда и мѣра моихъ
 „ спраданій.

„ Я въ поскѣ будучи и сокрушеніи не-
 „ описанномъ пошелъ къ темницѣ; ибо
 „ я думалъ что естественное постоянство
 „ моего сына отъ воображенія будущей
 „ судьбы переменилось и дрожалъ отъ
 „ воображенія какимъ бы образомъ его
 „ утѣшить можно было, когда я самъ
 „ отъ самой злѣйшей болѣзни раздира-
 „ емъ былъ. Но какъ я ужаснулся, когда
 „ я на лицѣ его увидѣлъ всѣ знаки наи-
 „ глубочайшаго душевнаго спокойствія.

„ Я обнималъ его, не могъ говорить и
 „ держалъ долго обнявши. Онъ соотвѣст-
 „ ствовалъ нѣжно, искренней любви искрен-

„ ною же любовію, и оказывалъ мнѣ твер-
 „ дымъ голосомъ и веселымъ лицомъ свое
 „ удовольствіе меня видя. Я не могъ
 „ понять, какъ онъ такъ не чувствитель-
 „ нымъ могъ быть въ разсужденіи своего
 „ нещастія, вообразилось мнѣ, что онъ
 „ ласкаетъ себя суетною надеждою, по-
 „ челъ за нужное его изъ сего заблужденія
 „ вывести, и сказалъ ему: дражайшій мой
 „ сынъ!... мои слезы текли не удержи-
 „ мо — дрожайшій сынъ, думаешь ты
 „ можешь быть, что ты получишь ми-
 „ лость? Чаешь ты людей къ сожалѣнію
 „ возбудить, кои не повнутренности на-
 „ шихъ сердецъ разсуждаютъ, но лож-
 „ нымъ видомъ будучи обмануты, по
 „ должности кровь другихъ проливаютъ.

„ Онъ отвѣчалъ мнѣ съ холодностію,
 „ онъ зналъ какое ему будетъ наказаніе;
 „ смерть не была ему страшна, ибо онъ
 „ для того потерялъ свою жизнь, что
 „ слѣдовалъ предписаніямъ еспества и
 „ чести; за отца и мать отомститъ,
 „ свѣтъ отъ двухъ чудовищъ свободитъ,
 „ есть необходимая нужда, не только
 „ для сына, но и для всякаго сочлена об-
 „ щества; и хотя его судьи иначе рѣ-
 „ шили но внутреннее изобличеніе, кое
 „ онъ имѣлъ по законамъ натуральной
 „ справедливости дѣйствовало къ его спо-
 „ койствію.

„ Но ты умрешь! сказалъ я, и оро-
 „ шалъ его слезами; мѣсто казни уже го-
 „ тово; по двухъ или трехъ дняхъ твой
 „ судъ проговоренъ будетъ.

„ Я признаюсь, отвѣчалъ онъ, съ та-
 „ кимъ же веселіемъ, какъ и прежде до
 „ вашего прихода, опасался я сей поносной
 „ смерти, но нынѣ она меня не безпо-
 „ коитъ. Вы можете меня спасти, ро-
 „ дитель мой... съ нѣжнымъ взоромъ...
 „ отъ явнаго поношенія, вы имѣете
 „ средство къ тому, да и подлинно вы
 „ не откажете своему сыну въ вашей
 „ помощи. Думаешь ты, что я тебѣ по-
 „ мочь могу. Простите мнѣ, прервалъ
 „ онъ мою рѣчь съ воздыханіемъ, тому
 „ которой отъ васъ ушелъ, простите вы
 „ мнѣ, когда я вамъ напояну о печаль-
 „ номъ произшествіи. Между всѣми други-
 „ ми возможными обстоятельствомъ не
 „ сдѣлалъ бы я такой погрѣшности; мое
 „ теперешнее состояніе можетъ въ томъ
 „ меня оправдать. Развѣ вы не можете,
 „ дабы мою честь спасти, по учинить,
 „ что вы сдѣлали, будучи несчастливою
 „ ошибкою обмануты, въ отмщеніе супру-
 „ ги вашей? Развѣ вы не можете того же
 „ яду подать и мнѣ, который вы упо-
 „ требили для наказанія моей матери?

„ Богъ о томъ знаетъ, болѣе ли я
 „ спрадалъ по сихъ словахъ нежели когда
 „ либо во время другаго какого приключе-

„ нія моей жизни ; по не иное что был
 „ какъ безпрерывное печеніе мученій.

„ Сынъ мой ! вскричалъ я , дрожа отъ
 „ ужаса и умягченный сожалѣніемъ , сынъ
 „ мой , можешъ ли ты какой нибудь по-
 „ мощи отъ отца ожидать.

„ Подлинно , опвѣспивовалъ онъ мнѣ ,
 „ только ему единому при семъ случаѣ
 „ могу себя ввѣрить , когда сколько до
 „ его чести касается , столько и до моей ;
 „ будутъ строить шафонъ , мой судъ
 „ совершится , безчестіе моеи памяти во-
 „ спослѣдуетъ ; предупредите вы оное . . .
 „ сдѣлайте.

„ Сидя тамъ въ тихомъ молчаніи
 „ слышалъ я только повелительный го-
 „ лосъ тиранна , коего права мой сынъ за-
 „ щищалъ . Сія непоколебимая честь до ме-
 „ ня касалась . Нѣсколько часовъ жизни
 „ подъ всѣми страшищами преисполнен-
 „ наго ужаса ожиданія не могли ни за
 „ что почестъся вразсужденіи шастія из-
 „ бѣжать безчестіе . Но я самъ долженъ
 „ моему сыну смерть приуготовить ! я
 „ самъ долженъ собственною рукою ему
 „ стаканъ яду подать ! При такомъ раз-
 „ мышленіи трепетало мое сердце и я
 „ купно дрожалъ . Сражался съ отечески-
 „ ми чувствованіями и тираискимъ пред-
 „ разсужденіемъ , утѣсняемъ колеблющи-
 „ ми прозьбами жершвы , посвятившей
 „ себя чести , и краткостію времени , остано-
 „ вавшая .

„ вавшагося до жертвоприношенія, но па-
 „ ки пайнымъ не самопроизвольнымъ у-
 „ жасомъ удержанный, не могъ бы я мо-
 „ жетъ быть долге продолжать сраженія,
 „ если бы не пришло мнѣ нечаянно на-
 „ мысль, раздѣлить смертоносное пище
 „ съ моимъ сыномъ и съ нимъ умереть
 „ вмѣстѣ.

„ Я немедля вспалъ, и обнявъ его ска-
 „ залъ: совершится въ одинъ часъ, сое-
 „ динюсь съ тобою и ни что насъ раз-
 „ лучить не можетъ.

„ Не терялъ ужè я болге времени ядъ
 „ приуговити! Не понятное ослѣпленіе!
 „ Не однократно помышлялъ я, коль спра-
 „ шно предпріятіе мое, однако поспѣшалъ
 „ я опять къ темницѣ, держа нѣкоторыя
 „ бумаги въ рукѣ, дабы не произвестъ по-
 „ дозрѣнія въ моемъ намѣреніи.

„ При взглядѣ на стаканъ, ядъ содер-
 „ жавшій сіяла радость на лицѣ моего сы-
 „ на. Ахъ! сказалъ, дозвольте вы мнѣ
 „ подумать и вырвалъ онъ у меня изъ
 „ дрожащихъ рукъ и выпилъ весь стаканъ
 „ смертоноснаго яду; потомъ упалъ къ
 „ ногамъ и сказалъ: батюшка! не помыш-
 „ ляйте вы о такой смерти, вы все не
 „ щетно дѣлали, что для чести дѣла-
 „ ли. Безъ сомнѣнія узнаютъ о причинѣ
 „ нашей смерти, ежели мы оба скоро-
 „ постижно умремъ; и вамъ извѣстно
 „ кто самъ себя умерщвляетъ, того

„ имя и несчастные остатки наказываютъ
 „ законы безчестіемъ. И такъ да те
 „ мнѣ одному умереть; имѣйте всегда
 „ нѣжное воспоминаніе о сынѣ, которой
 „ васъ любилъ; примите его жертву, и
 „ его мысль оправдайте.

„ Неподвижно съ исполненными слезъ
 „ глазами, не говоря ни слова, прижималъ
 „ я его къ моей груди; но вдругъ задро-
 „ жалъ я при голосѣ надзирашеля при-
 „ шедшаго объявить, что время уже мнѣ
 „ было отсюда удалиться. Мой сынъ
 „ спросилъ меня, исполню ли я его прозь-
 „ бу. — Да, было все что я сказать могъ.
 „ — Хорошо! сказалъ онъ, и такъ бу-
 „ ду я своей судьбы ожидать.

„ Сіи послѣдніи слова весьма способ-
 „ ствовали къ тому, дабы отъ подозрѣнія
 „ избавиться, въ которое бы печальное
 „ приключеніе въ слѣдующій день привести
 „ могло. Я былъ рано у дверей темницы
 „ и шамъ мнѣ сказали, что мой сынъ въ
 „ своей постелѣ найденъ мертвымъ; лѣ-
 „ каріи непримѣтили никакого слѣда на-
 „ сильствія въ немъ, и такъ думали, что
 „ онъ натуральною смертію умеръ. Хотя
 „ уже я и напередъ зналъ, что мнѣ такую
 „ вѣсть объявятъ, однако и тутъ не и-
 „ мѣлъ довольно силы къ понесенію оной;
 „ я впалъ въ жестокій обморокъ и
 „ опчаялись наконецъ о моей жизни; одна-
 „ ко опамятовался опять, и первое было

„ мое намѣреніе , дабы осмѣлиться , когда
 „ мой сынъ не былъ еще къ смерти при-
 „ говоренъ , а умеръ , по его мертвое тѣло
 „ испросить . Я получилъ оное помощію
 „ Коменданша , при совѣтовавшаго мнѣ
 „ поспѣшно ко двору возвратиться и гдѣ
 „ сколько возможно скорости испытанія
 „ о случайной смерти во Франціи воспре-
 „ пятствовать , дабы тѣмъ судей подо-
 „ зрѣнія лишитъ и свое имя отъ безсла-
 „ вія безопаснымъ сдѣлать .

„ Последнее привело меня въ ужасъ ;
 „ смерть въ сердцѣ нося , долженъ былъ
 „ я въ Версалию ѣхать , положивши въ
 „ гробъ драгоценныя мощи своего сына и
 „ приказавши оныя къ моему замку при-
 „ вести , гдѣ и схранены съ нашими
 „ предками .

„ Министръ принялъ меня благсклонно
 „ и согласился на мое изслѣдованіе , но далъ
 „ мнѣ знать , что мнѣніе лѣкарей не подо-
 „ зрительно ради вѣрнаго происшествія дѣ-
 „ ла , и сказалъ мнѣ на ухо , что онъ не могъ
 „ удержаться отъ сожалѣнія о такомъ оп-
 „ цѣ , котораго обстоятельство крайне
 „ утѣснили , какъ кажется . Болѣе моя бо-
 „ лѣзнь , нежели воображеніе прошедшаго
 „ причинила , что я ничего не отвѣтство-
 „ валъ ; что уже мнѣ могло болѣе помочь
 „ въ сей бѣдственной жизни , которая въ
 „ каждую минуту была мнѣ придавляю-
 „ щимъ бременемъ ?

„ Я возвратился въ мой замокъ, въ ко-
 „ емѣ при мѣсяца день и ночь оплакивалъ
 „ на могилѣ моего сына, и часто такъ
 „ ослабѣвалъ, что меня бывшаго въ ша-
 „ комѣ состояніи нечувствительности на-
 „ постелю приносили. Припомѣ же сіе со-
 „ стояніе не сподъ было мучительно какъ
 „ гнавшіе меня шоска и ужасъ, послѣ
 „ чего чувствованіе моей потери менѣе
 „ спало. Ни на одну минуту не могъ я
 „ одинъ оставаться; во время малѣйшаго
 „ шума обнимала меня дрожь; видѣвъ
 „ тѣнь падалъ я въ обмороки.

„ Общество наилучшихъ моихъ друзей
 „ не могло оныхъ разогнать, безпрестанно
 „ видѣлъ я свои мечтанія, печальные и стра-
 „ шные явленія; часто перерывалъ ихъ раз-
 „ говорѣ своимъ крикомъ и боясь дрожалъ
 „ отъ нихъ, какъ будто бы были они му-
 „ чители алчущіе моей крови. Увидѣвши
 „ своего другаго сына, умножалась моя за-
 „ думчивость; отъ его присудствія каж-
 „ дой разъ текли у меня слезы горь-
 „ кія и горячія, кои сокрушенія сердца не
 „ облегчаютъ, и во время коихъ все бремя
 „ шоски гораздо тягостнѣе на ономъ ле-
 „ жипѣ.

„ Я пребывалъ въ семѣ оплакиванія
 „ достойномъ состояніи, невнимая гласа не-
 „ бесъ, хотя оной и чрезъ совѣсть ко мнѣ
 „ громко вопіялъ. Какъ я задремалъ не-
 „ спавши многія ночи, то увидѣлъ я сонѣ

„ или

„ или явленіе, коего воспоминовеніе къ
 „ моему наказанію никогда не исчезнетъ.

„ Пропасти адскія представились пре-
 „ до мною растворенными; тамъ думалъ
 „ я и всѣ жертвы увидѣлъ моихъ стра-
 „ сней и предубѣжденій осужденными на
 „ вѣчныя мученія; увидѣлъ оныя позналъ
 „ и слышалъ ихъ воздыханіе; они назы-
 „ звали меня именемъ, жаловались на ме-
 „ ня за не сказанныя ихъ мученія и угро-
 „ жали мнѣ. Долженъ еще прибавить,
 „ что я пламе огня пожирающаго ихъ въ
 „ себѣ самомъ чувствовалъ. Горячка про-
 „ изводила ужасный крикъ приводившій
 „ въ ужасъ всѣхъ окружающихъ меня.

„ Я потерялъ все чувство къ закону,
 „ не дѣйствовало во мнѣ сіе страшное
 „ ночное воображеніе спасительное ввер-
 „ женіе, мои обманчивыя основанія еще
 „ болѣе ослѣпляли мой разумъ. Хотя,
 „ говорилъ я самъ къ себѣ, что все сіе
 „ ни за что другое почестъ могу какъ
 „ за сонъ, ибо не возможно, что бы за-
 „ служивала моя невинная жена и мла-
 „ денецъ носимый ею въ томъ мѣстѣ
 „ быль, гдѣ я ихъ видѣлъ; хотя на-
 „ учитъ меня законъ, мною исповѣду-
 „ емой что мой несчастливой сынъ ко-
 „ его отчаяніе единственно произвольно
 „ было, еще при послѣднемъ своемъ
 „ концѣ искреннимъ покаяніемъ проше-
 „ ніе получить могъ; однако сей сонъ

„ дол-

„ долженъ меня къ истиннѣ возвраща-
 „ шись , крѣй я въ моемъ младенче-
 „ ствѣ учился и уже очень давно оную
 „ позабылъ.

„ Для меня это не сонъ , но одно
 „ драгоценнѣйшихъ милостей оказаніе ,
 „ которое всевышней законѣлому зло-
 „ дѣю явить можетъ . Несчастливые , ко-
 „ ихъ я видѣлъ могутъ ввергнуты быть
 „ въ огненную пропасть и нѣтъ , но то
 „ извѣстно , что я тѣхъ пропастей не
 „ избѣгну , ежели въ моихъ преступле-
 „ ніяхъ не покаюсь .

„ И такъ принялъ я на брѣно въ
 „ сей покаяніа домъ прибѣгнуть , въ ко-
 „ торомъ я неизсыхаемыми слезами и
 „ строгимъ жизни поведеніемъ на нѣсколь-
 „ ко часовъ утѣхи достигнулъ : но ты
 „ любезная супруга , и ты мой сынъ !
 „ гдѣ вы находитесь ? Богъ ! Богъ ! ми-
 „ лость подастъ съ сими драгими жерш-
 „ вами соединиться ! . . . .

„ При сихъ словахъ замолкъ Раинвилъ ,
 „ и пришелъ въ великую задумчивость , и
 „ потомъ въ самое безсиліе ; унесли его
 „ всѣхъ движеній , всей теплоты лишен-
 „ нымъ далеко изъ моихъ глазъ . Я пре-
 „ былъ цѣлой часъ одинъ , неподвиж-
 „ нымъ отъ ужаса , страха и сожалѣ-
 „ нія , пока игуменъ ко мнѣ пришелъ съ
 „ пріятнымъ видомъ , сказалъ , что
 „ мой другъ близокъ къ своему изкупле-
 „ нію

» ню и что я могу быть тому свидѣ-
» телемъ.

», Я далъ знать ему головою, что я со-
», глашаюсь; но какъ примѣтилъ что мы
», воспріяли путь на кладбище, то слѣ-
», довалъ, держа за моимъ чести достой-
», нымъ предводителемъ.

», Я самъ себя упрекалъ за смерть
», моего друга, ибо я думалъ, что мое
», любопытство и скорое сильное потря-
», сеніе во время ужаса преисполненнаго
», повѣствованія его привело къ оной.

», И какъ только мы пришли, то ста-
», ли Раинвилла опускать въ его могилу,
», поставя меня на краю оной. Откуда и
», видѣлъ еще его дышущаго съ такою не-
», винною радостію, съ такимъ небеснымъ
», веселіемъ на лицѣ его; онъ казался
», быть взятымъ въ жилище совершенныхъ.
», Онъ примѣтилъ меня и взглянулъ со
», внутренною нѣжностію, поднялъ глаза
», на небо, будто бы онъ хотѣлъ просить:
», милосердіе, Всемилостивый! для меня
», и для его! и . . . Богу духъ свой предалъ.

», Сожалѣніемъ и печалію отягченный
», оставилъ я сіе плачевное жилище, но
», никогда я не позабуду, позорища мною
», видимаго. До послѣдней минуты моей
», жизни напоминовеніе объ ономъ вездѣ
», будетъ послѣдовать. Оныхъ выраже-
», ній, никакая сила времени не могла
», истребить.

III.

УЧЕНИЕ ПРИРОДЫ

ПИСЬМО

КЪ В. В. ХАНЫКОВУ.

Съ какимъ усердіемъ бѣжимъ мы зрѣть кар-
 (тины,
 На коихъ плацной скатъ простертыя долины,
 Иль изобильной токъ шумящія рѣки
 Живописала кисть художничей руки!
 Отбемля красокъ блескъ и пымысла споводу,
 Мы чувствуемъ еще, что любимъ мы природу.
 Мы склонны похвалы художнику давать,
 Которой пѣлоно къ ней насъ хочетъ призы-
 (пать.
 Что можетъ произпестъ удобнѣй посхищенье,
 Какъ разныхъ переменъ природы ощущение:
 Безмолвіе ночей, полудня тяжкій зной
 И премѣняющіеся погоды съ тишиной?
 Ты самъ, коль Гесснера при шумѣ подь чита-
 (ешь,
 И пѣ сердце тишину пнезату обрѣтаешь,
 И радуешься быть; или не узнаешь
 Служенье, кое ты природѣ отдаешь?
 Но страсти зрѣлище природы цзполнопали,
 Отвляли свѣтлость душъ и грады оснопали.
 Возмнили на прерыцѣ съ природою тпо-
 (рить
 Труднѣйшія пути ко щастью опорить.

Умножи-

Умножили себѣ мы средоточіе наслажденія,
Но горестей толпы имѣе место спровожд-
(денья.

Забавы мы нашли; нашли — въ скудели
(мукѣ.

Въ чертогахъ скорѣе жипеть и пходитъ въ свѣтъ
(наукѣ.

Сей трудъ къ которому насъ скука обращаетъ,
Сей трудъ, песелымъ бытъ, пѣкъ цѣлый погло-
(щаетъ.

Какія могутъ насъ препятствія удивить,
Чтобы пельможи пзоръ незапной улопить,

Иль сдѣлаться толпы кумиромъ и игрушкой,
Или томясь дни богатѣи стать полушкой?

Неумолимая межъ тѣмъ пходитъ смерть,
Различія людьми постапленные стертъ.

За прагомъ житія мечты не пропождаютъ,
Но душу пѣчности тамъ нѣдра ожидаютъ,

А здѣсь прапдиныхъ чадъ почтеніе иль хула:
Пристрастїе замолчитъ и примутъ гласъ дѣ-

(лѣ.

Однако жизнью не будетъ тотъ терзаться,
Чье сердце радости удобно отперзаться,

Небесной радости, подобію тоя,
Котору Богъ имѣлъ въ созданьѣ бытія.

Кто даропанія не погашаетъ лѣнью,
И чувствуетъ что онъ плечется къ размыш-

ленью.
Щастливъ съ избыткомъ онъ когда Софїи
(спѣтъ

Въ стущающійся мракъ природы призоветъ!

И къ чтенью естества, великой книги зрѣя,
Въ писаньяхъ учиться Бюффона и Линнея!
Коль окомъ мудреца онъ можетъ отличать
Попсюду красоты естественной печать.

Онъ перпой ноюе природы зривъ япленье
Предчувствуетъ бытій начала въ отдаленьѣ,
И безконечности преходитъ мрачный путь,
Гдѣ Богъ срѣщается и міры точки суть.

Убийства цзоромъ онъ спой духъ не утомля-
(еть,

Вельможамъ узы ихъ и знатность остапля-
(еть,

И жизнь спюю бѣжитъ въ пещеру затпорить,
Коль смертныхъ къ щастію нельзя угопо-
(рить.

Или ко плугу онъ убѣжище приѣмлетъ,
Гдѣ сладкой простоты еще онъ гласы пнем-
(летъ.

Тамъ каждой годъ ему послушная земля,
На псѣхъ его стезяхъ обиліе степя,
Даруетъ пици дань: а тамъ телицъ мычанье,
И агнцы скачуши и хладно струй журчанье.
Но что я дѣлаю, спой слогъ перемѣницъ?

Виргилю гласить безсмертну слапу ницъ!
Ему, кой ясно зрѣлъ псѣ прелести природы,
Обезоруживать и къ селамъ плечь народы.
Мнѣ время моя лѣнипой жизни несть,
Но въ нѣдрахъ писменъ быть, но Россіаду
(честь:

Ученьемъ изподить въ душѣ таящисъ пле-
(пы...

Ахъ! только быть еще при брегѣ Любосѣпы!

УТРЕННІЙ
СВѢТЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Августъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Разговоръ объ опредѣленіи къ смерти.	147
II. Письмо Юнія къ Децію, писанное по окончаніи сраженія, - - - -	172
III. Мысли Графа Оксенстерна о добродѣтели. - - - -	192
IV. О благодѣяніяхъ. - - - -	194
V. О благодарности. - - - -	196
VI. О двухъ спезяхъ, по коимъ шествуютъ люди въ теченіи сея жизни. -	198

IV.

О ДОБРОДѢТЕЛИ.

Добродѣшель есть искусство содержать свои страсти въ равновѣсіи, и управляя себя въ наслажденіи нашихъ желаній. Аристотель сказалъ, что молодость неспособна къ нравоученію, для того что ограничиваніе страстей погубляетъ сѣмена добродѣтели и разумъ дѣлаетъ не способнымъ къ разсужденію; въ совершенномъ же возрастѣ, въ которомъ можно бы пользоваться наставленіями философовъ никогда ихъ не читаютъ, для того, что отвращаются отъ того попеченіемъ о своемъ благосостояніи; старость повреждена политикою, которая ничѣмъ не различаетъ пороковъ отъ добродѣтели, какъ только однимъ именемъ, и которая разсуждаетъ о должностяхъ по корыстолюбію, а о достоинствѣ по успѣхамъ. Удивительная превратность мыслей, называть все то похвальнымъ, что есть полезно! Махіавель утверждалъ, что несчастный Цезарь былъ больше ненавидимъ, нежели Капилина, но Цезарь не употребляя во зло нестолюбіе былъ самой великой человѣкъ изъ всѣхъ людей, и Капилина имѣлъ тысячу еще пороковъ, гораздо беззаконнѣйшихъ, нежели обладаему быть страстию.

Прежде вступленія въ полипику, вооружитесь вы превосходными правилами добродѣтели, ихъ безъ того скоро и прежде времени можно потерять при дворахъ Государскихъ или въ дѣлахъ, ибо больше имѣютъ удовольствія въ свѣтѣ, и больше распространяютъ сей ядъ повреждающій нравы.

Все можетъ служить къ добродѣтели разумъ читаемыхъ нами Авторовъ, вкусъ посѣщаемыхъ нами пріятелей, опеческія наши законы и все то, что мы слышимъ, входитъ въ наши нравы, получаютъ и они видъ тѣхъ предметовъ которые насъ окружаютъ.

Премудрость есть дѣйствіе разума, непросвѣщеніе ума и необузданности сердца всегда находятся вмѣстѣ, и слѣдуетъ или предслѣдуетъ одна другую взаимно, столько то находится согласія жежду добродѣтелью и истинною! но для чего же люди просвѣщеннѣйшіе часто бываютъ весьма порочны? Сіе происходитъ отъ того, что можно познать истинну не любивши ея и что можно любить добродѣтель не узнавши ея; отъ сего то, каждой предметъ имѣетъ два вида изъ которыхъ одинъ принадлежитъ разуму а другой относившійся къ нашему благосостоянію, принадлежитъ къ свободѣ.

Вся наша жизнь протекаетъ во всег-
дашнемъ непостоянствѣ, иногда мы раз-
суждаемъ, иногда бѣсимся; о есѣли бы
могли выключить такія несчастныя для
насѣ часы. . . . ! Но къ сему нужны
долговременныя разсужденія, намѣренія
часто подтвержденныя и безпрестанныя
старанія, копорые бы могли насѣ удержи-
вать на пути добродѣтели.

Наука производитъ по порядку и по
частямъ, а все дѣлать вдругъ прилично
одной только природѣ. Рѣщикъ окончав-
ши голову, начинаетъ прочую часть тѣ-
ла, но цвѣтокъ или всякое растѣніе
произрастаетъ вдругъ во всѣхъ своихъ
частяхъ, природа его обрабатываетъ и
совершаетъ однимъ разомъ. Такимъ же
образомъ происходитъ и съ добродѣтелью
когда прилѣпляются только къ ней од-
ной, то прочія ослабѣваютъ; но когда
обще къ добру прилѣпляется то приоб-
рѣщаемъ всѣ добродѣтели; сіе подобно
произрастѣнію, копорое находится всег-
да въ дѣйстви и по обстоятельствомъ
производятъ всякаго роду благіе плоды.

Общія добродѣтели довольно прослав-
лены, всѣ ихъ видятъ и всѣ обѣихъ
говорятъ; но мало бываетъ случаевъ для
рѣдкихъ добродѣтелей, и великодушіе не
состоитъ въ одномъ пустомъ сіяніи:
благородная и безкорыстная душа отда-
ющая сама себѣ отчетъ въ справедливо-

сти своихъ дѣлъ, гораздо пріятнѣе вкушаетъ удовольствіе, послѣ неудачнаго успѣха въ какомъ нибудь дѣлѣ, нежели когда она достигаетъ до исполненія великихъ своихъ желаній,

Злодѣи, объявленные враги добродѣтели, не столь пагубны хорошимъ нравамъ, какъ тѣ, которые припворяются быть честными, и которые пороки прикрываютъ маскою честности.

Въ несчастіи больше сіяетъ добродѣтельница, и кажется, что она уподобляется пахучимъ духамъ, которыя выдавливаются, для того, что бы извѣдать ихъ благовоніе.

Малыя несовершенства дѣлаютъ препятствіе великимъ добродѣтямъ, для чего? Для того, что нравоучители внушили намъ ложныя мысли о совершенствѣ, или что люди великими добродѣтелями одаренные, не имѣли довольно снисхожденія, открывая свои погрѣшности. Аристотель справедливо сказалъ, весьма вредно, что возвышаютъ человека выше человеческого совершенства. Плиній же ничто иное былъ какъ льстещъ, когда онъ сказалъ, что боги немогли благоклоннѣе быть Траяна къ смертнымъ.

Нравственное сочиненіе которое не основывается надъ дѣйствіями человеческими есть бесполезно, и которому подобны многія сочиненія молодыхъ или въ
уедине-

уединеніи живущихъ нравоучителей, которые почерпнули познаніе нравовъ только въ изученіи самихъ себя, или въ школахъ у такихъ людей, которые по своему состоянію немогутъ знать свѣтской науки. Что же думаютъ при дворахъ объ ихъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ? Тоже что думалъ Аннибалъ о примѣчаніяхъ Фарміона въ разсужденіи воинской науки. Говорятъ, что разсужденія философовъ уподобляются восторгу стихотворцевъ, весьма способному увеселять воображеніе.

Самое лучшее расположеніе къ добродѣтели есть вообще прямое добросердечіе, благородство и честность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ; но сіе праводушіе должно сходствовать съ слабостію человѣческой: еслии всегда ходитъ наклоня голову, то спотыкнувшись можно опасно ушибиться.

Зритель лучше видитъ погрѣшности нежели игрокъ; но тогда когда онъ самъ научился чрезъ свои погрѣшности. Къ невинности же должно присоединять благоразуміе а сіе по блоразуміе есть познаніе зла. Безъ сего добродѣтель всегда впадаетъ въ руки своихъ непріятелей, и какое бы преимущество имѣлъ честной человекъ надъ сердцемъ злаго, еслии бы онъ не проницалъ, всѣхъ умысловъ злости? Понеже то, въ чемъ занимающа
не

несправедливыя души въ превратности изъ которой дѣлаютъ онѣ систему, есть ничто иное какъ удостовѣреніе, которымъ думаютъ, что честность происходитъ изъ слабости разума, или изъ простоты нравовъ, которая не иначе познаетъ пороки, какъ чрезъ нравоучительныя проповѣди: но когдабъ они увидѣли что мерзостное покрывало ихъ незаконныхъ дѣлъ открыто, тогда бы они воздавали должное почтеніе добродѣтели, подобно сему говоритъ (можно прилѣпиться къ пороку) басня о Василискѣ, что какъ скоро увидишь и предупредишь его, то онъ ядъ свой теряетъ.

Удивленія достойна злобная пословица Италіянцовъ! естли говорятъ объ какомъ человѣкѣ, то они вамъ скажутъ, *Что онъ стога хорошъ, что со всѣми добродѣтелями не стоитъ ничего.*

Одно изъ главныхъ расположеній къ добродѣтели есть благожелательство, сія есть душевная склонность, которая простирается далѣе, нежели человѣчество ко всѣмъ твореніямъ; сіе есть чувство которое во всѣхъ сердцахъ разливаешь родъ и въ котораго пріятнаго снисхожденія, чрезъ которое они никогда не раскаиваются о добромъ дѣлѣ, какое бы ни было онаго употребленіе. Безъ сего свойства, которое васъ больше уподобляетъ Божеству, человѣкъ есть тварь безпокойная, бѣдная,
не

не полезная какъ землѣ такъ и самому себѣ.

Склонность дѣлать добро, чшобѣ она могла назваться добродѣтелью имѣетъ нужду въ правилахъ, они различествуютъ отъ той способности обязывать, которая васъ дѣлаетъ больше работѣ, нежели благодѣтелемъ людей. Вы оставляете друга дабы помочь чужестранцу, вы бросаете жемчугъ пѣпуху, кошорой проситъ только у васъ зерна, сіе значитъ не имѣть связи въ предмѣшахъ и въ средствахъ въ вашей благосклонности. По-неже вы не можете услужить всѣмъ людямъ, то будьте только благосклонны къ большей части, а услуги ваши оказывайте малому числу.

Госпепріимство есть добродѣтель великой души, которая привязана къ цѣлой вселенной чрезъ узы чловѣчества, благодарность въ малыхъ благодѣніяхъ доказываетъ, что чувства предпочитаютъ богатствамъ.

Находятся ли такіе люди, которые полагаютъ свое удовольствіе въ злости, и которые вкушаютъ особливую радость видѣть печали и несчастія другихъ людей? Или неподобныли они тѣмъ несѣкомымъ кошорые прилѣпляются къ чирью? Однако со всѣмъ тѣмъ изъ нихъ производятъ полишки. Такимъ образомъ Махіавелъ думаетъ что Христіанская религія весь-

ма полезна злымъ людямъ, для того что она въ ихъ волю передаетъ добрыя сердца, но въ самомъ дѣлѣ нѣтъ такого закона, который бы такъ утѣшалъ несчастныхъ какъ Евангеліе, которое повелѣваетъ имѣть столько же снисхожденія сколько и повиновенія.

У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ.

I.

Р А З Г О В О Р Ъ

Овъ опредѣленіи къ смерти.

Не въ дальномъ разстояніи отъ Безансоны въ малой деревнѣ жилъ старый и храбрый Бригадиръ, который былъ образцомъ любви достойнаго старика. Онъ назывался Мервилль и имѣлъ уже отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ. Въ молодости служилъ въ войскѣ при Людвигѣ XIV, и такъ какъ прочее Французское дворянство, почиталъ за одно умереть, какъ за честь своего государя, такъ и за отечество: но едва онъ своею храбростію достигъ до Бригадирскаго чина, то съ немалымъ ужасомъ позналъ, что онъ ничто иное былъ, какъ только орудіе къ утѣшенію народа. Съ сего времени искалъ онъ се-

Часть IX, мѣс. Августъ. С 66

бѣ уволенія подѣ видомѣ неспособности; отказался отѣ пенсіи, вѣ воздаяніе за его храбрость Королемѣ обѣщанной; и стыдился своихѣ ранѣ, такѣ какѣ дурачествѣ учиненныхѣ вѣ молодости. Онѣ управляя самѣ имѣніемѣ полученнымѣ отѣ предковѣ, вѣ свободные отѣ попеченій домашнихѣ часы, посвятилѣ себя наукамѣ. Но какѣ достатокѣ его не позволяялѣ имѣть большихѣ расходовѣ, то и знакомыхѣ было весьма мало; у него не болѣе было двухѣ или трехѣ отборныхѣ друзей. Между оными былѣ вѣ послѣдніе его годы членѣ Парламента Безансонскаго, именемѣ Шевро, котораго онѣ отменно любилѣ по отличнымѣ его достоинствамѣ.

Шевро былѣ такой человекѣ, который отѣ природы получилѣ завидную склонность ко всему, что благородно и хвалы достойно. Онѣ не имѣлѣ той вѣтренности, которою порицаютѣ молодыхѣ людей его народа; онѣ былѣ болѣе вспыльчивѣ, нежели горячѣ, болѣе задумчивѣ, нежели веселѣ, болѣе добрѣ, нежели слабѣ; впечатлѣніе чего нибудѣ вѣ немѣ не легко происходило, но то, что онѣ однажды получилѣ, оставалось твердымѣ и долговременнымѣ. Душевное стремленіе всегда соотвѣтствовало его наружности. При томѣ имѣлѣ великое щастіе, за которое человекѣ дол-

долженъ благодарить провидѣніе; по
 есть, что онъ отъ благородныхъ произо-
 шелъ родителей и благородное получилъ
 воспитаніе; такимъ образомъ съ сими
 качествами своего нрава онъ былъ чело-
 вѣкъ непоколебимой честности, ревни-
 тель общаго блага и достоинъ искренней
 Мервилевой дружбы.

Онъ влюбился, чего отъ характера
 его ожидать было можно, въ прекрасную
 и разумную дѣвицу въ Безансонѣ. Она
 называлась Терезією и была дочь пред-
 сѣдателя того же судебного мѣста, въ
 которомъ Шевро послѣ того былъ за-
 сѣдателемъ. Препятствія проотивящіяся
 нѣсколько лѣтъ ихъ союзу, казались не-
 преодолимыми; но что въ слабыхъ ду-
 шахъ могло бы прекратить любовь, по
 въ немъ тѣмъ болѣе оную утверждало.
 Да и Терезія съ самаго начала коротка-
 го ихъ знакомства имѣла къ нему склон-
 ность; но по несчастію она была бога-
 та, и ея родители надѣялись выдать ея
 за такова, которой бы имѣлъ, такъ
 какъ и она, миліонъ ливровъ, или по-
 крайней мѣрѣ за такова, который бы
 былъ въ государствѣ великаго чина. Она
 претерпѣла за любовь къ Шевро неска-
 занное гоненіе, но твердо сказала, что
 никакіе уговоры, никакія принужденія
 не могутъ ея склонить къ избранію дру-
 гаго, кромѣ Шевро, или монастыря.

По сему твердо принятому намѣренію родители ея принуждены были многимъ значнымъ женихамъ отказывать, и притомъ уведомились они о несчастіи одной своей родственницы, которая вышедъ за Маркиза, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ увидѣла все свое имѣніе на уборныхъ столикахъ его любовницъ и на грудяхъ оперныхъ дѣвицъ блистающимъ; и сіе по самое побудило родителей Терезіи, дозволить Шевру свободной входъ въ ихъ домъ и наконецъ согласиться на бракъ. Любовники, доказавши другъ другу доброту своихъ душъ постоянствомъ въ искушеніяхъ, ощутили въ восхищеніи при объятіяхъ награжденіе за претерпѣнное поспраданіе.

Терезія стала беременна, и воображеніе Шеврово нѣсколько мѣсяцевъ было занято не инымъ чѣмъ, какъ токмо гріяшными мыслями, сколь безконечно умножено будетъ щастіе его рожденіемъ сына, и наконецъ сіе нетерпѣливо ожидаемое время пришло, въ которое Терезія отъ бремени разрѣшилась. Его радость была неограничена; но сія великая радость была тягостна для чувствительнѣйшаго человѣка; который познавъ при толикомъ щастіи всю обширность своихъ обязанностей, положилъ твердое намѣреніе исполнять оныя свято. Разрѣшеніе Терезіи было благополучно, а послѣ-

послѣдовавшіе припадки со дня на день становившіеся опаснѣйшими, заставили скоро отчаяваться о ея жизни. Шевро во все то время, которое ему оставалось отъ нужнѣйшихъ его дѣлъ, не отходилъ отъ нея и былъ свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ несказанныхъ страданій, которыми молодая ея жизнь боролась съ смертію. Наконецъ она ослабѣла, съ принужденіемъ печально улыбаясь дрожащими и уже умирающими руками прижимала Шеврову руку къ груди своей, и прерывающимся голосомъ сказала при послѣднемъ вздохѣ сіи слова: не позабудь нашей любви, Шевро!

Естьли слово умирающаго когданибудь впечатлѣвалось въ памяти: то сіе слово Терезіи безъ сомнѣнія твердо вкоренилось. — — Шевро спокойнымъ духомъ обо всемъ старался, что потребно было къ погребенію: онъ смотрѣлъ нѣскольکو часовъ на ея тѣло, не проливъ ни единой слезы, потомъ уединясь, укорялъ себя своею нечувствительностію. День спустя послѣ погребенія, нашелъ онъ нечаянно жемчужную нитку, которую онъ нѣкогда подарилъ Терезіи въ день ея рожденія, тогда сердце его пробудилось какъ бы отъ смертнаго до того времени продолжавшагося сна, отнимаващаго всѣ чувствованія, и онъ упалъ и проливалъ источники слезъ. Возрѣніе на сына, виновника

ея смерти, ежедневно возобновляло его рану, однако онъ былъ ему единымъ утѣшеніемъ въ его горести. Онъ уже имѣлъ нѣколько любезныя и прелестныя черты Терези, которыя на его лицѣ со дня на день больше являлись. Шевро никогда не могъ на него смотрѣть не бывъ чувствительно троганъ, и какъ самая горчайшая печаль соединялась съ сладчайшимъ удовольствіемъ; но онъ сугубо его и любилъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ малинкой Карлушка (такъ назывался сей отрокъ) сдѣлался споль любезнѣйшимъ, что всѣ Безансонскія матери ему завидовали. Красота юношескаго лица его несказанно умножалась свободною веселостію, которая видна была во всѣхъ чертахъ его лица. Шевро прилагалъ возможное стараніе къ его воспитанію и наслаждался удовольствіемъ, примѣчая успѣхи своего сына отъ одной степени совершенства до другой: что обыкновенно бываетъ отчуждено отъ знатныхъ родителей. Едва лишь только Карлушка началъ нѣкоторыя мысли и желанія невинной своей души вольнѣе изображать, и показывалъ при томъ уже слѣды будущаго благоразумія и благороднаго сердца, но впасть онъ въ воспу, въ сію искоренительную челоуѣческаго рода, и по претерпѣніи великихъ мученій и болѣзней

ней умеръ. Шевро былъ во все время болѣзни и смерти невиннаго юноши, который столь часто призывалъ его простирая руки, не бывъ въ состояніи оныхъ подать, въ свидѣтели, каковымъ онъ былъ при болѣзни и смерти Терезіи.

Сей вторичной ударъ былъ для Шевро ужаснѣе, нежели первой, и возобновилъ всю его прежнюю печаль. А какъ онъ сихъ двухъ существъ лишился, которыя его сердцу были всего драгоценнѣе, то ужъ для него ничего болѣе не оставалось любезнаго, ни его друзья, ни онъ самъ себѣ. Ибо человекъ, доведенный до такого несчастія, что въ себя ничего больше не любитъ, не можетъ ужъ любить и самаго себя. Весь его жаръ бывший токмо къ Терезіи и Карлушкѣ, къ симъ главнымъ предметамъ его любви, возвратился опять въ его внутренность и производилъ тѣ мрачныя мысли, которыми человекъ, такъ сказать ищетъ мщенія промыслу божию, почитая себя обиженнымъ. При сихъ твердыхъ и мрачныхъ его мысляхъ онъ довольно имѣлъ силы воображенія и прозорливости, дабы представить себѣ свѣтъ окружающимъ позорищемъ несчастія; и такъ онъ жилъ въ сотвореніи божіемъ съ тѣмъ неудовольствіемъ, съ каковымъ вольнораз-

суждающій челоѡколюбецъ живеть въ
областяхъ Самодержавца.

Единый токмо голосъ Мервилльевъ
нѣсколько прогалъ его сердце. Сей почтен-
ный старикъ по Шевровымъ разговорамъ
весьма скоро узналъ все его состояніе,
онъ его предохранялъ и нарочно никог-
да не говаривалъ о потерѣ, которую его
другъ имѣлъ. Онъ только разные дѣлалъ
опытны, дабы возбудить его умершее чувст-
вованіе къ какому нибудь другому пред-
мету, и какъ будто нечаянно такія ему
мысли впадалъ, которыя бы могли въ
немъ здѣлать щастливую перемѣну. Нако-
нецъ какъ Шевро часъ отъ часу становился
печальнѣе и задумчивѣе, то Мервилль свое
предохраненіе почиталъ за жестокость;
онъ вознамѣрился раны своего друга очис-
пить и излѣчить, прежде нежели оныя
могли бы распространиться по внутрен-
нимъ жизненнымъ сосудамъ и смертію пре-
кратить его спраданія. Случай сему спо-
собствовалъ, какъ Шевро нѣкогда больше
изъ учтивости, чтобъ за частыя Мер-
вилльевы посѣщенія воздать, нежели изъ
побужденія сердца, пріѣхалъ къ нему въ
деревню.

Ваша душа не въ надлежащемъ рас-
положеніи, сказалъ старикъ, наложя съ
нѣжнѣею дружбою обѣ свои руки на
его плеча, и вы худо дѣлаете Шевро,
что сами въ себѣ скрываете. Откройте
ваше

ваше сердце другу; и естѣли за искреннѣйшую къ вамъ мою любовь того я достоинъ, но откройте мнѣ оное! — Вы меня часто называли опцемъ; и я также жилъ въ свѣтѣ и былъ несчастливъ.

И вы? Отвѣчалъ Шевро съ голосомъ такова человѣка, которому собственное свое несчастіе не дозволяло чувствовать несчастія другихъ.

Я видѣлъ смерть моей супруги и моихъ дѣтей; и что только человѣческое сердце можетъ чувствовать, то и мое чувствовало. Я знаю, чего стоить видѣть единымъ ударомъ, всѣ свои искреннѣйшіе союзы перерванными и всю плѣняющую надежду своей души уничтоженною. Однако, Шевро — другое время въ моей жизни было еще ужаснѣе, въ которое друзья всю мою довѣренность имѣвшіе, спали бытъ моими измѣнниками. Я отчаевался о человѣческомъ естествѣ и добродѣтели. Я думалъ, что живу между существами, которыя казались мнѣ подобными бѣшенымъ и злопворнымъ; и только такой человѣкъ, какъ вы, можетъ меня понимать, когда ему скажу, что я былъ несчастливъ. — Любезный другъ! о естѣлибъ вы сіе ужасное состояніе опытомъ узнали, какъ я! —

Какъ, чтобъ я еще ужаснѣе того узналъ? — Отъ человѣческаго общества

можно избѣжать; ибо находятся пустыни и уединеніе: но, Мервилль! — — послѣ сего замолчавши смотрѣлъ онъ со вздохомъ на небо.

Ахъ, Шевро! — —

Но для чего я долженъ сказать то, объ чемъ и думать уже довольно страшно? — Онъ паки замолчалъ, и сказалъ съ душевнымъ препенетомъ по всему его тѣлу распроспранившимся: какъ скроешься отъ Бога? — Въ ту самую минушу онъ вспалъ и пошелъ въ садъ, чтобъ перервать разговоръ, бывший ему мукою. Старикъ ему послѣдовалъ.

Вы, будучи въ моихъ рукахъ не можете отъ меня удалиться, Шевро — Подите и откройте мнѣ все ваше сердце! говорите со мною такъ, какъ вы мыслите. — Вы не довольны Богомъ?

Ужасно, еслибъ это была правда, Мервилль!

И еще ужаснѣе, еслибъ вы имѣли право! — —

Но нѣтъ Шевро; — говоря твердо и надежно — вы не таковы, для того что вы таковымъ и быть не можете. Не довольнымъ быть Богомъ, значило бы, не довольнымъ быть всѣмъ тѣмъ, что совершенно и благо: а мыслящая душа какъ можетъ то предпріять? — Вы сами въ себѣ ошибаетесь, любезный другъ: вы только недовольны вашимъ воображеніемъ

емъ о Богѣ. И теперь вы видите: сколько много единымъ симъ изслѣдованіемъ можете выиграть! Еслилибъ Богъ, сіе безконечное, всевысочайшее и всемогущее существо, причиною тому былъ: то какъ бы вы, Шевро, могли переменить разположеніе свѣта, или удержатъ стремленіе руки васъ съ собою безпрепятственно влекущей? Еслили же одно только ваше воображеніе о Богѣ тому причиною: то ужъ есть средство ко вспоможенію. — Переменимъ несправедливое представленіе и поищемъ вмѣсто ложной, настоящую почку зрѣнія!

Они пришли на средину сада, гдѣ холмъ, на которомъ построенъ былъ домъ Мервилльевъ, имѣлъ крутую покатость съ долиною. На семъ мѣстѣ старикъ посадилъ своего друга на канатъ изъ земли здѣланномъ подъ тѣнію широкихъ каштановыхъ деревъ, держалъ руку простершую къ сторонѣ въ восхищеніе приводящей, которая, сколько далеко глазъ могъ видѣть, покрыта была спадами, жаввою и виноградными холмами, и сказааъ надежнымъ голосомъ увѣренія: жалуйтесь вы на провидѣніе, а я его буду защищать!

Какъ, Мервилль? долженъ ли червь противу безконечнаго, тварь единогодневная противу вѣчнаго Творца восставать? — Позвольте мнѣ съ молчаніемъ восхищаться:

ся Его величествомъ и его прославлять!
 Богъ тамъ гдѣ я говорю

Онъ и тамъ, Шевро, гдѣ вы мы-
 слише.

Но естлибъ я началъ шеперь говорить?
 — Можешели вы рѣшить всѣ сомнѣнія,
 всѣ безпокойства и возраженія. — —

Всѣ, другъ мой? Я уже близъ смер-
 ти нахожусь, и шѣхъ часовъ еще мнѣ
 къ жизни оставшихся можешъ быть къ
 тому недовольно. Никогда остроуміе че-
 ловѣческое не бываетъ сильнѣе, или языкъ
 его краснорѣчивѣе какъ шокмо тогда,
 когда дѣло доходитъ до того, чтобъ
 судить своего Бога! —

И такъ, Мервилль! вы принуждаете
 открытъ противъ воли мое сердце, я
 начну говорить. — Повѣрте мнѣ! не
 смерть моихъ любезныхъ меня дѣлаешъ
 несчастливымъ; ихъ уже нѣтъ, и я
 преодолѣлъ мою печаль. — Но оставя
 разсужденіе о ихъ смерти, бросалъ я
 взоръ на человѣчество и на природу. —

— О любезный другъ! дабы спокой-
 нымъ быть, не надлежитъ человѣку
 разсуждать, но только пустыми во-
 ображеніями наслаждаться. Ни гдѣ вѣтъ
 для него покою, какъ шокмо въ заб-
 веніи своего несчастія. — — Я слѣ-
 дую всякой жизни, всякой смѣ дѣй-
 ствующей въ природѣ, и она кончипся
 разрушеніемъ; я примѣчаю всякое воск-
 лица

лицаніе, всякой радостный смѣхъ, и онъ окончивается голосомъ вопля: я смотрю на всякую улыбку, на всякой видъ утѣхъ, и между тѣмъ, какъ я обзрѣваю, пріемлетъ онъ трепетъ смертнаго часа. — Все, все въ природѣ основано на гибели, разореніи и уничиженіи. Ангелъ сотворенія шествуя напередъ, даруетъ жизнь съ тѣмъ, дабы Ангелъ смерти слѣдуя за нимъ нашелъ, чтонибудь къ погубленію. Надежда къ блаженству далеко отстоящему, еще въ предбудущемъ, дѣлаетъ нашу жизнь драгоценною на томъ концѣ, дабы страхъ уничиженія насъ тѣмъ ужаснѣе объятъ могъ. — И когда я взираю на всю неизреченную скуку, на страшное движеніе рукъ умирающихъ, на оставленныхъ и осиротѣвшихъ; когда я говорю ко всякой частицѣ земли мною попираемой: ты гробъ тысячи живопныхъ, которыя двигались, страдая старались о жизни и умерли; когда я говорю ко всякой пылинкѣ предо мною поднимающейся: ты была жила чувствовавшаго существа и препетала предъ смертію; когда я живу въ природѣ, какъ въ пространномъ общемъ хранилищѣ труповъ и мертвецовъ: то какъ вы можете требовать, чтобъ я имѣлъ еще радости, и чтобъ еще веселился? — Я чувствую не малый недостатокъ въ самыхъ благородныхъ моихъ понятіяхъ: я не нахожу въ себѣ оживляющей

мысли о безконечной щедротѣ, и для меня ничего не осталось, кромѣ ужаснаго представленія о всемогуществѣ. — Вы простирали руку, Мервилль, на сія цвѣщущія долины, которыхъ видѣ какъ будто уже означаетъ паденіе, но какъ сія красота, такъ и сія жизнь здѣсь продолжающаяся изъ тлѣнія произошла, и въ тлѣніе паки возвратится. — Для меня нѣтъ уже въ природѣ никакой радости и никакой прелести.

Какъ вы несчастливы! — Но для чего сія природа показывающаяся теперь вамъ пустою, прежде была предметомъ вашего восхищенія? — Помните ли, какъ вы нѣкогда сидѣли здѣсь съ своею Терезією? И ничего предъ собою тогда не видѣли, кромѣ жизни, радости и совершеннаго удовольствія? Не изгнаны ли были въ то время изъ вашей души всѣ воображенія о смерти и всѣ мысли о несчастіи?

Я помню Мервилль, тогда были дни моего благополучія, дни шоль скоро протекшіе. — Одною радостію занятое воображеніе, коль легко можетъ изъ пустыни содѣлать рай!

Какъ, воображеніе въ самомъ дѣлѣ сіе произвестъ можетъ? — Итакъ, когда сія волшебница еще больше можетъ дѣлать; то она съ такимъ же чудомъ можетъ
рай

рай превратить въ пустыню. — —
 И вы желаете представлѣнiямъ сего воображенiя вѣрись! Желаете такой предводительницѣ слѣдовать, которая всегда свое стремленiе полученное отъ нашихъ чувствованiй продолжаетъ, и которая чрезъ то столь далеко отъ истинны удаляется? — Умѣрьте сіе заблужденiе разумомъ! взгляните по сихъ пристрастныхъ взорахъ, еще въ третій разъ безпристрастно на сотворенiе: и ваше сердце будетъ паки спокойно; ваша мрачная печаль обратится въ прiятную задумчивость, ваше сопротивленiе противъ злаго рока будетъ спокойно предано въ волю всещедрого. — — Могу ли я отрицать, что несчастiе бываетъ въ природѣ? Могу ли я не признаться, что представленiе о смерти ужасно? Я бы внутреннему своему чувствованiю противорѣчилъ. Я знаю жребiй моей конечности, такъ какъ и другой, и ужасъ о смерти столь мало щадитъ, какъ Ангелъ смерти. Можетъ быть, она часто сильнѣе еще поражаетъ слабого и боязливаго старика, нежели молодого человека. — Но намѣрены ли вы отрицать, что жизнь имѣетъ удовольствiе? Неизреченное удовольствiе! Вы получили оное отъ благодѣтельной десницы Создателя: хотите ли вы быть неблагодарнымъ и отъ того отречься?

Нѣтъ Мервилль, нѣтъ! я отъ сего не отрицаюсь.

И такъ жизнь имѣетъ свои удовольствія?

Да свои краткія, свои мнимыя.

Какъ вы несправедливы, Шевро развѣ они кратчае нашего нещастія? — Развѣ радостныя слезы, которыя здѣсь видны были на вашихъ очахъ во время благополучной вашей жизни съ Терезією меньше дѣйствовали, нежели сіи слезы печальныя теперь на оныхъ показывающіяся. — Не престанутъ ли въ скоромъ времени и сіи слезы печь? — Существо имѣетъ свои радости, истинныя и различныя: и что еще оспается теперь, кромѣ вопроса: стоитъ ли радость нещастія, стоитъ ли жизнь смерти? Есть ли вы теперь не можете сіе разобрать —

Какъ мыѣ можно разобрать? — Нещастіе человѣческое представляется предо мною во всей своей безконечной величинѣ, во вѣхъ своихъ неизреченныхъ различностяхъ: о Боже! сколь мало человѣкъ имѣетъ удовольствія. — И тѣ, которыя онъ еще имѣетъ, какъ малы, — какъ несовершенны!

Такъ всегда думаютъ въ часъ досады и печали! — Я бы могъ сказать, что жизнь тысячи людей гораздо щастливѣе вашей; но нѣтъ! я беру только въ при-
мѣръ

МѢРЪ вашу собственную жизнь? — И такъ вы думаете, что вы имѣли такъ мало удовольствія?

Какъ я могу думать, о чемъ уже я увѣренъ?

Вы обманываетесь Шевро!

Сіе значитъ, что мое чувствованіе меня обманываетъ. — И какой другой судія можетъ быть справедливымъ, когда дѣло касается о щастіи или нещастіи, о печали или радости, какъ несобственное наше чувствованіе?

Но сіе самое чувствованіе — —

Оно внутри моего сердца, и никакое доказательство не можетъ онаго изъ него искоренить.

Я не думаю о доказательствахъ. Безъ сомнѣнія всякое чувствованіе самый справедливый судія самого себя; но оно не должно судить ни о прошедшемъ ни о будущемъ. — — Любезный Шевро! Нынѣшнія печальныя мысли, которыя вы имѣете, представляютъ вамъ все въ спрашномъ видѣ и помрачаютъ все то, что около васъ находится. — Когда вы взираете на прошедшее, то ничто такъ легко не возобновляется въ памяти, ничто такъ ясно, такъ подробно, такъ живо вамъ не представляется, какъ воображеніе вашихъ печальныхъ часовъ и предбудущее — Что вамъ въ предбудущемъ? Ибо тамъ предмета надежды для

васъ не находится. Вы приписываете вашей печали безконечность, и думаете, по невозвратной вашей потерѣ, что и слѣдствія оной вѣчно будутъ продолжаться. — При такомъ несчастномъ разположеніи, когда все зло вамъ случившееся, такъ увеличено, такъ страшно и такъ ужасно представляется и когда прошедшія утѣхи такъ слабо и темно блистаютъ, какъ одинакія звѣзды на облачномъ небѣ; какимъ образомъ вы можете надѣяться на представленіе вашихъ чувствованій? Какъ рѣшить, награждаетъ ли радость самую печаль? Споишъ ли жизнь смерти? — О Шевро! Еслибъ я не опасался васъ оскорбить. —

Меня оскорбить?

Когда такъ, то послушайте! я желалъ бы, чтобъ я могъ вамъ сказать голосомъ всемогущества: „ Шевро, я перемѣняю мое опредѣленіе. Я сотворю „ твою жизнь какъ жизнь тысячи людей. „ Вотъ тебѣ твоя супруга Терезія съ „ любезнымъ твоимъ сыномъ на ея рукахъ находящимся, котораго жизнь „ причиною была ея смерти. — И еслили бы вы будучи въ восхищеніи ее обняли, еслилибъ вы вашего сына облобызали съ чувствіемъ отеческою радостію наполненнымъ: то я по первыхъ быстрыхъ дѣйствіяхъ и радости ожидалъ бы спокойной улыбки, взявши бы васъ

васъ за руку сказалъ: Шевро, чего больше въ природѣ? Радостей или печалей? И въ сколь бы малое время все ваше прошедшее неудовольствіе перемѣнилось въ радость! и мрачность васъ окружающая превратилась бы въ видъ прелестями природы васъ плѣняющей. — Но развѣ симъ перемѣняется сія жизнь, или только видъ и представленіе оной? Не осталось ли прошедшее ваше время, какъ оно было? И можете ли вы или какой другой смертный напередъ знать, каково будетъ ваше предбудущее? — Шевро, я бы вамъ еще сказалъ: стоитъ ли сіе радостное чувствованіе претерпѣннаго несчастія? И какъ бы легко, какъ бы малымъ оное вамъ показалось! Какъ бы скоро, вѣсочная чаша несчастія, опустившаяся нынѣ съ такимъ стремленіемъ въ низъ, опять въ верхъ поднялась! — — Я васъ оскорбляю, другъ мой; простите мнѣ! Но какъ я сего не могу сказать съ голосомъ всемогущества; то испытайте, сколько силъ имѣетъ вашъ разумъ! Остановитесь при настоящемъ времени, и раздѣлите вашу жизнь! Предбудущее ваше время не будетъ таковымъ, каковымъ теперешняя ваша печаль оное вамъ представляетъ: но всякая радость, всякая утѣха, которую бы я оному приписалъ, васъ бы огорчила и показалась

оскорбленіемъ любви, которую вы имѣли къ вашей супругѣ и къ вашему сыну. И такъ смотрите покло на прошедшее! Спарайтесь быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ онаго! Исчислите, чего больше было, радости или печали? —

Въ какой разговоръ вы меня ввели! О Мервилль! Сколь душѣ моей противно то, что я опвѣчать долженъ! Я въ омерзѣніи имѣю неблагодарность: по долженъ ли самъ теперь неблагодарнымъ быть? Или таковымъ покло показываться? — Нѣтъ, другъ мой! нѣтъ, я хочу сказать, что я имѣлъ больше радостей.

Только сказать, а не думать? —

Я хочу сказать, что я думаю. —
— И воистинну, Богъ даровавшій мнѣ сіе дыханіе произвелъ для меня не мало радостей. — — Вы видите мое сердечное признаніе.

Вамъ и надлежитъ въ томъ признаться. Отъ чего бы произошла печаль о вашей потерѣ, еслибы вы не наслаждались веселіемъ? Или когда бы вы имѣли столь мало онаго; то отъ чего бы произошла неумѣренная ваша печаль? — Если же вы, другъ мой, цѣните вашу жизнь хотите; то по какимъ понятіямъ вы хотите оцѣнить? По щастію, или только по несчастію, по веселію, или по печали, по испол-

неннымъ или уничтоженнымъ надеждамъ, по мечтанію или по дѣйстви-тельности?

Какъ же иначе, когда я одну пред-принимаю? —

Скажите лучше: какъ неправильнѣе? — Сіе самое есть погрѣшность, кото-рая дѣлаетъ насъ предъ Богомъ столь несправедливыми; что мы всегда нашимъ понятіямъ полагаемъ границы, которыхъ не бываетъ въ природѣ, всегда различа-емъ и отдѣляемъ, гдѣ въ самомъ дѣй-ствіи все мѣшается, все соединяется. — Печаль часто бываетъ больше утѣхою, нежели печалію, содроганіе отъ ужаса имѣетъ свои пріятности; несчастіе стано-вится пріятнымъ напоминаніемъ; чув-ство слабости приводитъ насъ въ дру-жественный союзъ; печаль умягчаетъ сердце ко всякому нѣжному чувствова-нію; по опасностямъ мы узнаемъ свои силы и наше достоинство; воображеніе о благополучіи производитъ пріятное чув-ствованіе. — Такъ, Шевро, такъ дол-жно цѣнить нашу жизнь. — — Но какъ я могу при такомъ положеніи, каково ваше, сего теперь требовать? И такъ послушайте меня бывшего также въ не-щастіи; меня, всего того лишившагося, чего и вы, и имѣвшего чувствительное сердце! Возмутительныя страсти умол-кли нынѣ въ моемъ сердцѣ: ничто

уже не можетъ меня дѣлать пристрастнымъ предъ Богомъ; ниже неумѣренная радость, ниже излишняя печаль; душа уже моя находится въ спокойномъ состояніи. При семъ самомъ покоѣ я кидаю взоръ на мою жизнь, и что въ ней нахожу, дѣлаетъ меня такимъ, что я доволенъ Богомъ. Число веселыхъ часовъ больше было, нежели смутныхъ; добраго безконечно больше, нежели злаго. — Въ самомъ томъ видѣ представляется мнѣ жизнь тысячи живущихъ, сколь я могу оную оцѣнить, и въ самомъ томъ же видѣ жизнь и животного и червяка, для того, что ихъ самый томъ Богъ сотворилъ, который и меня въ существо привелъ; и теперь Шевро — Сколь я вамъ за то обязанъ благодарностію, что вы мое благополучіе умножили? И за то, что вы показали мнѣ безчисленныхъ существъ сею жизнью наслаждающихся? — И такъ каждая часть земли мною попираемая есть могила тысячи? Ущипительная мысль! Сія тысячи были въ существѣ, наслаждались жизнью и чувствовали себя щасливыми. Всякая пылинка предо мною поднимающаяся была чувствительная жила? Пріятное представленіе, хотя бы ты было для меня свидѣніемъ! Сія жила устроена была къ удовольствію. Она чаще отъ радости, нежели отъ печали сопряженіе производила.

дила. — — Теперь уже я ничего не нахожу, обь чемь бы можно было сомнѣваться и спрашивать, какь развѣ токмо о томь: для чего сїя радость не вѣчно продолжается, и для чего смерть должна быть вѣ природѣ?

Я знаю, что вы будете отвѣчать. Вы скажете: Естли жизнь надобна — —

Такь! по и смерть необходимо должна быть. Смерть, безь которой и жизнь не можеть быть, основана со всѣмь своимь ужасомь, со всѣми ей предыдущими несчастїями вѣ самой той природѣ, вѣ которой также наши веселїя основаны. — Но должныли быть не обходимо жизнь? Сего, Шевро, вы уже спрашивать не можете,

Да и того, для чего сїя жизнь только должна быть, а не другая? Для чего сїя намь природа должна быть опредѣленною? Сїя разоряющая, плѣнная и безконечной печали подверженная природа?

Что я должень отвѣчать, когда вы меня о семь спрашиваете? — Должень ли я вамь показать всю Систему сотворенїя и нераздѣлимую связь всего, что одно безь другаго быть не можеть? — Нѣтъ, Шевро, такїя разсужденїя отведуть нась очень далеко, даже до священной непоспимости. Позвольте мнѣ вашему вопросу другой пропивопо-

дожить: вы желаете веселій? Вы пребудете благополучія?

Такъ какъ всякой, который разсуждаетъ и чувствуетъ.

А какого благополучія? Того ли, которое вы знаете, или котораго вы не въдаете? погоди, о которомъ вы понятие имѣете, или, которое вамъ совсѣмъ не извѣстно?

Безъ сомнѣнія того, о которомъ я имѣю понятие.

Когда такъ, то смотришь, въ какія противорѣчія себя вы ввели, и въ какихъ всякой заблуждается, кто начинаетъ роптать противу Бога. — Мы хотимъ имѣть веселія, но сіи самыя основаны въ нашемъ собственномъ существѣ, и тѣ же самыя стали бытъ драгоценными по нашимъ собственнымъ чувствованіямъ. А сію нашу природу, съ которою онѣ не обходимо связаны, мы отрицаемъ. — Не должны ли мы стыдиться, Шевро, смотря на глупое обвиненіе, которымъ осуждаемъ вѣчную премудрость? Умолкнемъ о сихъ противоположеніяхъ! Онѣ не правильны и неосновательны. — — И такъ жизнь имѣетъ свои веселія, великія и неизреченныя веселія; мы неблагодарные позабываемъ большую часть при исчисленіи оныхъ: самая сія природа, которая оныя намъ даруетъ, приноситъ

неравлучно съ собою и смерть; безумно было бы спорить о провидѣніи, что оно намъ сію природу даровало, а не другую, что оно человека сотворило человекомъ, а не безсмертнымъ Ангеломъ; но горести смерти — — какъ я могу позабыть сіи главнѣйшія представленія! — Онѣ насъ улаждають видомъ лучшей жизни и надеждою вѣчности, о чемъ насъ увѣряетъ, познаніе самого себя, міра и создателя: и когда бываетъ все такъ, какъ на самомъ дѣствіи, то можетъ ли человекъ еще роптать прошивъ Бога, и въ расположеніи своей жизни находить слѣды зложелательнаго могущества, а не управляющей надъ всѣмъ щедроты? — — Однако, Шавро, смерть всегда представляется еще намъ зломъ, хотя и не обходима? Не должна ли она быть болѣе онаго? Не должна ли она быть также творцемъ благаго, началомъ благополучія, которое безъ оной быть не можетъ?

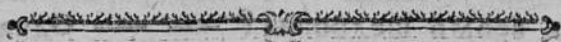
Начальникомъ благополучія? Смерть?

— Такъ какъ всякое зло въ природѣ. — Вы видите надъ холмомъ на правой сторонѣ ужасныя громовыя облака. Въ нѣдрахъ сихъ облаковъ находится разореніе купно съ плодородіемъ, благошвореніе съ погибелью. И если бы мы примѣчали;

номъ злѣ, при смерти, — Однако сіе смутное небо и сей быстрой вихрь, гонящій пыль по долинѣ предзнаменуетъ намъ приближеніе бури. Поспѣшимъ теперь въ наше жилище! Окончимъ мы подъ симъ прескомъ грома, подъ симъ ужаснымъ пролишемъ дождя наши разсужденія о смерти, наши разсужденія о Богѣ, который въ буряхъ и вихряхъ столь же великъ, какъ и милосердъ и правосуденъ въ пріятномъ вѣяннн упренняго воздуха, когда багряное солнце восходитъ на пріятные холмы.

*Съ Нѣмецкаго перепель
Василей Даниловъ.*

II.

ПИСЬМО,

(Юнія къ Децію, писанное по окончаннн сраженія.)

Хотя смерть и пощадила меня во время кровопролитнаго боя, но жестокая пощада! Я увидѣлъ подлѣ себя моего Евхариса умерщвленна; что было для меня чувствительнѣе, нежели самая смерть. О! Децій! уже нѣтъ того, котораго мы столь сердечно любили. Плакивай съ твоимъ осиротѣвшимъ другомъ любезнѣйшаго человѣка, добродѣтельнаго сына опечесства, искреннѣйшаго друга! Храб-
рый

рыи Эвхарисъ палъ на мою сторону жертвою своего опечества; мѣсто побоища наполнилось крови Героя, и слезы мои на могилѣ любезнаго Эвхариса требуютъ возвратно моего друга — увы! они пребудутъ его щещно! рокъ прервалъ на вѣки сіи временные союзы заключенные добродѣтелью и душъ согласіемъ.

Что въ свѣтѣ поспоянно? Самыя невинныя забавы, самыя сердецъ удовольствія бывають подвержены судьбѣ, случаю и собственному человѣческому произволению. Нещастное мгновение ока испребляетъ благородной жаръ, самую природою въ груди искреннихъ друзей воспаленный. Сладчайшія сердецъ радости зависятъ, какъ всѣ прочія удовольствія свѣтскаго наслажденія, отъ рѣшенія одной минуты; потеря тѣмъ чувствительнѣе бываетъ, чѣмъ менѣе находится возможности къ возвращенію. Что одно мгновение ока похищаетъ у скупости, или гордости, то слѣдующая минута ей возвращить можетъ: но кто наградитъ потерю друга и какое утѣшеніе въ свѣтѣ поль недоспающномъ друзьями, можетъ удержатъ слезы люющіяся при такой утратѣ? Мы лишились того, съ кѣмъ намъ жизнь была пріятна. Его сомкнушіеся глаза, изъяслявшіе всѣ великія чувствованія благородной души, не будутъ болѣе блистать передъ нами. Изъ
его

его сердца уже не изтекутъ восхищенія дружбы и чистыя радости, которыя онъ чувствовалъ въ нашемъ обхожденіи, ниже уста его возвѣспятъ похвалы божескихъ дѣлъ, небесныя добродѣтели, или наставленія мудрости. Свѣтъ въ немъ потерялъ примѣръ честнаго чело-вѣка; опечесство усерднаго и ревностнаго сына; пріятели неопубненнаго друга. Какъ всѣ его добродѣтели, которыя начали часъ отъ часу больше распроспраняться, къ удивленію бы его согражданъ блиспали, естълибы небо продолжило его жизнь до совершенства! Но онъ палъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, какъ цвѣтокъ отъ серпа жнущаго, какъ роза вихремъ вырванная изъ самага корня лежитъ въ пыли, и не распроспраняетъ уже благовонныхъ запаховъ, когда паки прочія раскрыются послѣ бури.

О! чувствительнѣйшій, и благороднѣйшій изъ юношей, мудрый, честный сынъ опечесства, ты другъ всего рода человѣческаго! твоя смерть была столь славна, сколь и твоя жизнь; твоя кровь текла за право опечесства, за твоихъ согражданъ бывшихъ въ опасности, къ погибели которыхъ безчисленное множество враговъ напало на твое опечесство; ты умеръ побѣдителемъ, и твоей глазъ прежде, нежели закрылся, увидѣлъ

видѣлъ уже разбитаго, и побѣдоносными оружіями своихъ воиновъ прогнаннаго непріятеля и отъ сраженія опустившаго; гдѣ его умерщвленныя роты лежали разсыяны, ты собственною кровію своему отечеству побѣду, можетъ быть и миръ доставилъ; но прости твоимъ друзьямъ, что они оплакивали свою потерю посреди восклицанія ихъ согражданъ! Прости имъ, естли они весьма дорого ставятъ цѣну сей побѣды! Ихъ удовольствіе, ихъ жизнь весьма связана была съ твоею. Кто имъ возвратитъ друга, котораго они лишились? Кто пустошу ихъ сердце наполнитъ? Увы! Эвхариса уже нѣтъ!

Позволь, чтобъ я тебѣ рассказалъ о его Геройской смерти, и познай того мужа, яко Героя, котораго ты зналъ такъ какъ друга. Едва лишь только наступилъ сей страшный день, къ вечеру котораго многимъ тысячамъ должно было лишиться жизни, то я поспѣшалъ до сего еще обнять моего Эвхариса. Я нашелъ его въ его палаткѣ; онъ стоялъ на колѣни и поднявши къверху руки, молился. Я не хотѣлъ ему помѣшать, и молился повсюду его слова, будучи имъ невидимъ, за занавѣскою. Онъ вспалъ, и я къ нему взошелъ. Онъ обнялъ меня дружески. Лишь только теперь я намбрень былъ, сказалъ онъ,
искашь

искашь моего друга: но ты меня предупредилъ. Намъ еще вѣрно жить остается часъ; насладимся онимъ и положимъ, что будто онъ уже послѣдній! ахъ, другъ мой, можешь быть, что небо опредѣлило перемѣну, и что сей день насъ съ тобою разлучитъ! Мы такъ жили, что не имѣемъ причинъ опасаться смерти: и мы не можемъ славнѣе умереть, какъ только на семъ полѣ, на которомъ въ сей день будетъ свирѣпствовать смерть! я приготовился; и еслии вѣрнѣе долженъ нѣкоторому предчувствованію, то я не увижу захождения сего солнца, которое еще не взошло: — Другъ! поступимъ, будто бы сей часъ для насъ былъ послѣднимъ: простимся. Когда мы проживемъ, и увидимся паки побѣдителями, какая будетъ тогда наша радость! Прощай: но береги своей неоцѣненной жизни, сколько благоразумная храбрость позволяетъ. — О! еслии бы мы могли вмѣстѣ сражаться и жить, или — но нѣтъ; твоя жизнь нужнѣе свѣту; обо мнѣ малое только число будетъ плакать. Подумаемъ о нашемъ притѣсненномъ отечествѣ? О когдабъ я своею кровію въ состояніи былъ ему возсавить миръ!

Онъ меня прижималъ къ своей груди и тогда мы только говорили со слезами. Между тѣмъ приблизился сей важный часъ.

часъ. Трубы оный возвѣспили: весь лагерь былъ въ движеніи: сѣдинами украшенные воины обнимались и прощались: безпрестанный шумъ наполнялъ пространный лагерь. Мы проспаясь еще разъ, и пошли на свои мѣста; лишь только солнце взошло надъ горами, то мы увидѣли густое облако пыли, которое намъ встрѣнилось. Мало по малу мы увидѣли блистающія отъ солнечныхъ лучей непріятельскія оружія. Звукъ боя происходилъ со всѣхъ сторонъ, смерть стала свирѣпствовать. Мы шли ей встрѣчу; кровопролитіе началось. Какой взоръ! Какой стукъ! Какое позорище для чело-вѣколюбца!

Небо опредѣлило справедливой споронъ побѣду. Непріятели начали отступать отъ храбраго нашего войска. Я увидѣлъ моего друга посреди пламени; онъ гнался за отступающимъ непріятелемъ, которой унесъ его рогъ знамя, и сею добычею по крайней мѣрѣ наградишь хотѣлъ спыдъ своего бѣгства. Но какъ лютой левъ, у котораго непріятель похитилъ одного изъ его дѣтей, гнался онъ за непріятелемъ, чѣмъ возвратитъ свою потерю.

Я видѣлъ его отъ себя вдали, когда новая толпа хотѣла его окружить. Его опасность воспламенила мою храбрость; я поспѣшалъ къ нему на помощь. Онъ

достигъ своего намѣренія : ворвавшись въ непріятельскую толпу съ малымъ числомъ носилъ кровавое знамя въ своей побѣдоносной рукѣ. Непрiатели отступили отъ нашихъ соединенныхъ силъ, но сіе было несчастное мгновеніе ока! Вредоносная стрѣла попала въ его вѣрную грудь : онъ палъ на землю. Воины стали унылыми; непріятель примѣшивъ свою выгоду наступилъ на насъ. Тогда я увидѣлъ, что уже пали сотоварищи : ужасъ и смерть распроспранились въ ихъ ротахъ. Въ то время гнѣвъ и ярость овладѣли моимъ сердцемъ, „они падаютъ, вскричалъ я, смотрите, ваши друзья падаютъ! здѣсь лежитъ честнѣйшій чело-вѣкъ ! отмстите его смерть, когда вы его достойны. „ Я бросился съ моими огорченными воинами въ средину стѣсненныхъ враговъ, и хотѣлъ умереть подлѣ Эвхариса на мѣстѣ сраженія. Но смерть отъ меня удалилась, непріатели отступили и побѣда была на нашей сторонѣ.

Я скочилъ съ лошади, обнявъ моего умирающаго друга. Онъ еще разъ открылъ свои мутные глаза, прости-ралъ ко мнѣ свои ослабѣвшія руки; „ Я умираю, сказалъ онъ шепотомъ голосомъ, но мы побѣдители ! Обними нашихъ друзей, и пожелай имъ отъ меня въ послѣдній разъ счастья! „ Онъ со вздохомъ испустилъ

пустилъ къ Богу свою добродѣтельную душу.

Его глава опустилась, смертная блѣдность покрыла его щеки, и знамя выпало изъ его холодной руки.

Такимъ образомъ умеръ нашъ другъ! Воображеніе о его смерти вѣчно будетъ представляться моимъ глазамъ. Любезнѣйшій Эвхарисъ! Никогда, никогда я тебя не позабуду. Я проливалъ ручьи слезъ при его дражайшемъ тѣлѣ. Я обнимая хладное тѣло моего друга, позабылъ самого себя; но опасность моихъ воиновъ отпоргла меня отъ онаго, и я обратно бросился въ средину пламени. Но и тогда искалъ я смерти шщетно. Мнѣ должно было остаться, и съ побою оплакивать нашего друга.

Такъ, мой Децій, нашей Божественной дружбѣ посвященные часы спали плачевными, скучными и лишенными радостей. Когда небо опять насъ соединитъ, то въ какой печали мы будемъ сидѣть, и другъ отъ друга ожидать утѣшенія обоимъ недостающаго! Мы будемъ съ сожаленіемъ другъ на друга смотрѣть, тихіе слезы польются нечувствительно по нашимъ щекамъ, и скрывать оныя стараться будемъ шщетно. Въ какомъ себя почувствуемъ уединеніи! Какая невинная радость будетъ имѣть уже для насъ прелести! Прекрасная природа,

которую Эвхарисъ шоль часто прославлялъ , играя на люпнѣ исполненный восхищенія ; прелестъ вѣсны несказанно насъ обрадовавшая , не будетъ болѣе имѣть для насъ услаждающихъ веселій. Эвхариса ужè нѣтъ , любезнѣйшій другъ , который дѣлалъ всѣ веселія прелестными !

И такъ вѣ нашей жизни всѣ веселія непостоянны , даже и самое веселіе священной дружбы. Быстро текущее время уноситъ все ! замки разваливаются отъ его силы , и престолы падаютъ ! Но кто бы оплакивалъ развалины замковъ и престоловъ , естлибѣ оно шолько пощадило вышнія чувствованія добродѣтели , любви и дружбы ! Чада земли ! Не многимъ ли жизнь наша подвержена бѣдствіямъ ? Вымышляете ли вы еще новыя безчисленные спраданія и орудія мученій , которыхъ не создало небо ? — Сколь часто , любезный Децій , когда плѣнявшій Эвхарисъ украшалъ еще наши часы , оплакивали мы будучи друзьями , бѣдной родъ человеческой , который выдумываетъ къ собственному своему мученію и разрушенію пышки , цѣпи и мечи ! Сколь свирепствуютъ сіи враждебныя души сотворенныя отъ создателя къ дружбѣ , къ полѣзаному согласію , дабы облегчить ихъ отъ житейскаго бремени и жить имъ вмѣстѣ во взаимной любви подъ спокойною тѣнью мира ! Буди благо-

благословенъ во гробѣ, ты почтенный прахъ друзей человѣчества изобрѣвшихъ драгоценныя художества облегчающія жизнь: ты первымъ плугомъ раскрылъ нѣдро земли и произвелъ изъ броды злущую жашву, ко укрощенію глада! Ты изъ дремучихъ лѣсовъ дикой народъ жившій между презрѣнными трупами собралъ въ хижины; ты мудрыми и небесными законами сковалъ руки злодѣйству, и возвелъ на престолъ общее благополучіе! А вы несчастные наставники, научаете художествамъ служащимъ къ мученію и убивству, вашъ прахъ — Но я не хочу ихъ проклипать! Но тебя я проклипаю, война ужаснѣйшая паче всѣхъ золъ, почитающая за преступленіе чело-вѣколюбіе, соболѣзнованіе и пощаду!

Что человѣческое сердце не почувствуетъ между трупами находящимися на мѣстѣ сраженія! Языкъ человѣческой не можетъ изобразить, какимъ ужасомъ объятъ былъ весь мой духъ, — Здѣсь я нахожусь подлѣ страшнаго позорища, гдѣ смерть свирѣпствовала во многоразличныхъ видахъ. Какое позорище! Страхъ и ужасъ обладаютъ моею душою! Неизмѣримый ровъ наполненный кровію и трупами! Здѣсь лежатъ непріатели между пріятелями, умирающіе между мертвыми, люди между скотами! Съ трепещущимъ сердцемъ, съ волосами

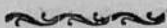

воздымающимися, смотрю я на пространное поле умерщвленныхъ и приходя весь въ содраганіе, чувствую каждую рану, изъ которой кровь ліется. Какія лица, покрытыя страшною блѣдностію, какія тѣлодвиженія отъ ужаснѣйшихъ спраданій при дверяхъ смерти; прямо усремленные помѣркіе глаза; руки, во время сраженія и страха подбѣтыя окостенѣли; опверстыя губы не свершившія своей молитвы за пресѣченіемъ жизни; раздробленные члѣны, разрубленные тѣла, всѣ виды мученія и страха, которые бывають въ природѣ. О Боже щедротъ, какой взоръ! Все бѣдствіе, все, что жизнь имѣла ужаснаго отъ начала свѣта до сего дня, въ которомъ сіе солнце заходитъ, здѣсь представляется собраннымъ на одномъ полѣ! Здѣсь несчастной изъ подъ кучи мертвыхъ тѣлъ согнувшись подымается, и его смертною блѣдностію покрытое лицо проситъ все милосердія. Сражающіеся толпы скачутъ чрезъ него. Храпящіе кони бѣгають по насѣнному полю и раздавливають тѣла живыхъ и мертвыхъ, какъ путешественники непримѣченныхъ червяковъ и въ пыли не видимыхъ. Братъ, коего сердце обливається уже кровію, обремененный подвигами не имѣетъ времени подать руку помощи своему упадающему брату; ка-

ковая услуга оказывается по одному челоуѣколюбію и отъ самаго непріятеля. Тамъ жалуется раздробленной, и проситъ со слезами своего препенущаго друга, чтобъ онъ окончилъ его мученіе; онъ щипаетъ милосердіемъ то, что въ другомъ случаѣ могло бы быть преступленіемъ, отъ чего и самый варваръ содрогается. —

Таковъ былъ нынѣшній день; о мой Децій, какой день! — Мучители, копорыхъ гордость проливаетъ кровь подобныхъ имъ тварей, могутъ его замѣнить между ихъ достопамятными днями, и кровію написать ихъ имена въ память потомкамъ: но челоуѣчество желаетъ его позабыть. Приближающійся вѣчеръ, копорой рѣшилъ сраженіе, и копорой былъ спасеніемъ прогнанному непріятелю, наступаетъ теперь въ унылой тишинѣ на кровавое поле. Солнце мрачно заходитъ при печальномъ позорище и скрывается въ черныхъ облакахъ; и съ неба падаетъ роса такъ какъ тихія слезы. По семъ вскорѣ ночь объемлетъ сію обширную страшную могилу. Тогда распространяется ужасъ находящагося между мертвыми, и страхъ объемлетъ незнающаго путешественника, копорой задумавшись идетъ, и на знакомой дорогѣ, гдѣ прежде колеблющаяся жатва пріятно шумѣла около его, теряетъ вдругъ

путь между шрупами. Съ препепомъ съ немалымъ ужасомъ опскакиваетъ онъ назадъ, съ робостію оглядывается; не узнаетъ болѣе страны, въ которой онъ находится, и бѣжитъ назадъ а страхъ слѣдуетъ за его стопами.

Съ сердцемъ, отъ сильныхъ чувствованій перзавшимся, ходилъ я тихо пошрупамъ водимый глубокимъ уныніемъ, чтобъ сыскать любезнаго Эвхариса. Сколь многіе, которыхъ восходящее солнце еще нашло въ подкрѣпляемой надеждою радости лежали здѣсь около меня нечувствительными, охолодѣвши и неопредѣленными видѣть захожденіе его! здѣсь почтенный старикъ, котораго сѣдые волосы замараны кровію и пылью; можетъ быть, столь милосердый отецъ многочисленныхъ дѣтей, какъ герой, котораго любовь къ своему опечеству воспламенила, и одушевляла въ глубокой старости бодростію цвѣтущей младости. Дѣти его неутѣшно будутъ сжимать руки около шѣла своего хранителя, и сокрушаться въ слезахъ и горести, такъ какъ опечество оплакиваетъ сего героя. Но напрасно текутъ всѣ сіи слезы, шщетно сжимаютъ руки сіи осиротѣвшіе дѣти: неумолимая смерть не возвращаетъ уже полученную себѣ жертву изъ своихъ могилъ! Увы! такъ бы

и мои слезы соединившись со слезами честнаго Деція изкупили изъ гроба Эвхариса! — Тамъ лежитъ человекъ, на лицѣ котораго хотя помраченномъ тѣнью смерти, но царствуетъ великодушіе и неустрашимая добродѣтель непогасимая смертію. Здѣсь пали юные дѣти около сѣдаго своего отца, и можетъ быть, смерть вдругъ искоренила въ нихъ цѣлое племя героевъ. Но тамъ лежитъ на холмѣ наилучшій юноша окруженный воинами, которые съ нимъ билися и умерли. Я обнималъ съ трепещущими руками геройское тѣло и лобызая охладѣвшія его уста, подыалъ споль милое для меня бремя. Всѣ пріятели окружали сего бездыханнаго, и проливали по немъ слезы. Мы несчастные друзья стояли кругъ его; всякой напрягалъ всѣ силы для изъясненія внутренняго своего чувствованія, однакожъ оставался безъ словеснымъ и неподвижнымъ, на подобіе мраморныхъ статуя поставленныхъ около гроба.

Несчастный! котораго слѣпый случай опредѣлилъ умертвить сего друга, ахъ! естли бы ты зналъ, какое сердце ты пронзилъ; то какъ бы ты раскаивался о семъ дѣлѣ; хотя здѣсь заслугою почитаютъ, убивать людей! Есть ли бы ты зналъ, сколь много друзей обшомъ вздыхаютъ, который палъ отъ твоей руки:

ню бы ты самъ, когда швая душа хотя нѣсколько бываетъ чувствительна, вспомня потѣ часѣ, вѣ который ты его убилъ, пролилъ источники слезъ. Ты бы отказался отъ оружія и варварской войны, которая дѣлаетъ врагами не знакомыхъ и никогда другъ друга не обидѣвшихъ и ведетъ ихъ къ кровопролитію. Ты бы полюбилъ сего юношу; ты бы можешь быть былъ вѣ числѣ его друзей искреннѣйшихъ, и не однократно накладывалъ бы свои руки на плеча сего любезнаго съ такою же вѣрною любовію, какъ мы; естълибъ ты его зналъ живымъ. Теперь ты его убійца, и можешь быть, какое содроганіе, когда онъ палъ, не привело тебя вѣ раскаяніе. — Несчастные люди, осужденные враждовать и убивать прежде нежели видятся! Часто осуждены бываютъ за честолюбіе государей кровь проливать того, котораго любили, и друзей умерщвлять, которыхъ они вѣ сѣни мертвыхъ лобызать будутъ, гдѣ сила положитъ скипетръ, и могущество уже не повѣлываютъ надъ злобою и любовію, соболъзнованіемъ и дружбою. Тамъ ты его найдешь, когда ты столь добродѣтеленъ какъ онъ, хотя ты позднѣе, но такъ же какъ опредѣленная жертва падешь у алтара смерти: тамъ только ты того узнаешь, котораго ты убилъ!

Но не однихъ насъ друзей, Децій, свирепая война разлучила, но и многихъ. Куда только обратишь свой взоръ, вездѣ текутъ слезы объ друзьяхъ, отцахъ, сыновьяхъ, и супругахъ; и унылыя друзья, сироты, и рыдающія матери вздыхаютъ и сжимаютъ руки. И гдѣ война ни свирепствовала? Во всѣхъ мѣстахъ пребываетъ печаль; полкруга земли дымится въ пламени, города лежатъ въ развалинахъ, и сдѣлались могилою ихъ обитателей, или оборонителей; для мечей не достаетъ уже воиновъ, а плуга для земледѣльцовъ. Германія шрепещетъ подъ бременемъ войскъ, которые отъ востока, запада и юга разпространились на опустошенныхъ ея поляхъ, какъ въ бурѣ, когда морскіе воды разорвутъ плотины, и шумящія волны переливаются чрезъ зеленые поля, прогоняютъ убѣгающаго земледѣльца, и уносятъ сѣвъ и деревни. Тамъ падаютъ безчисленныя жертвы, какъ отъ серпа жатвы тучныхъ полей! Галлія приступаетъ силою, и находитъ свой гробъ между нашими братьями. Холодной востокъ посылаетъ своихъ жителей тысячами на пораженіе, по большей части опредѣляемыхъ на жертву войны. Враги пожираютъ и расплываютъ то, что земледѣлецъ обливался потомъ сѣялъ. Но каждый изъ нихъ

будетъ растапшывать къ своему ещасію ; при ужасѣ , съ которымъ разгнѣванное правосудіе уже слѣдуетъ за его пороковыми шагами , смотря на кровь бѣгущихъ своихъ товарищей , которою отмщеніе проложило обратный путь въ ихъ земли ; всякой изъ нихъ не напрасно пожралъ жатву прошедшей осѣни , и всякой изъ нихъ будетъ опять обливать поля своею кровію въ предбудущей , когда онъ жилъ въ роскоши .

Ужасная война ! какъ я могу выразить по омерзению , которое я къ тебѣ чувствую , и какими словами ! Въ какую пустыню , о мое страждущее отечество , въ какую пустыню ты превращено ! Никакія права несвяты и грубые солдаты ругаются невинности и добродѣтели . Трясущіеся старики бывають прогнаны отъ огня , согрѣвавшего ихъ холодные члены , и изъ бѣдныхъ хижинъ , въ которыхъ простые ихъ отцы жили цѣлые вѣки . Подлая скупость не пощадилъ вола предъ плугомъ ниже человека , который имъ управляетъ ; тотъ опредѣленъ въ жертву къ роскошному ея обѣду , а сей осужденъ присягать непріятельскому знамю и подымать оружіе прошивъ своего отечества и братьевъ . Вездѣ лежитъ оставленной плугъ въ неоконченной бороздѣ ,

у работающаго скопа ненасытная война похишила кормъ, а у человѣческаго глаза пищу, которую трудолюбивый земледѣлецъ собралъ прошедшею осѣнью въ житницы. Тщепенъ прудъ, безполѣзенъ потъ, пролитой за враговъ! вѣсна наступаетъ въ опустошенныя поля заросшія правою, и половина твоихъ пашней, Германія, не будетъ чувствовать жнущаго серпа, когда лѣто наступитъ. Сердце земледѣльца не будетъ радоваться о жатвѣ и воспоминашь съ веселіемъ тѣхъ дней, въ кои онъ проливалъ въ прудахъ потъ свой, ниже въ житницахъ запасенъ будетъ хлѣбъ для голодной зимы. Мучимъ заботами о своей жизни, спанетъ смотрѣть онъ на свои опустошенныя поля, возводитъ свои слезами орошенные глаза и тебя проклиная, ненасытная война, пы упиваешься кровію людей, попомъ и слезами вдовъ и сиротъ бѣдныхъ, ты разрушаешь Богу посвященные храмы и труды рукъ человѣческихъ: онъ будетъ проклиная свирепствующее честолюбіе, которое опустошаетъ зданіе, проливаетъ кровь, какъ воду, и превращаетъ обиталища въ пустыни, чтобъ выиграть самую малую часть земли! Чего не попираетъ конь, не разоряетъ бѣшенство и не похищаетъ скупость человѣческая, то пожираетъ пламя. Дороговизня, голодъ и зараза слѣдуютъ скоро

за войною. Ничего она не наблюдаетъ свято; будто бы всѣ права Божескія, будто бы всѣ чувствованія челоуѣколюбія и великодушія разрушены, будто бы Богъ не управляетъ небомъ и мірами, коль долго владѣтелямъ угодно, враждовать священные храмы дыматся; ярость, которая сражается за мучителей и злато, не довольна войною противъ твореній Божіихъ; но что еще болѣе, обращаетъ оружія свои и противъ самаго Бога, и разоряетъ алтари, на которыхъ курились благовонные Фиміамы и до основанія разрушаетъ храмы, которые мы ему въ честь воздвигли. Священные хоры безгласны и гдѣ благочестіе спояло и преклоня колѣна, подымала руки къ Творцу своему, тамъ предъ яслями слышенъ конской попортъ: гдѣ слава Божія собирала молящихся, тамъ собираетъ война свою кровавую жертву, и умирающихъ. Проклятія слышны у основанія оскверненныхъ алтарей, гдѣ благочестіе на оныхъ проливалло молитвы. Обезчещенная и неуспѣшная невѣста рыдаетъ о своей потеренной чести или о похищенномъ женихѣ: отцы оплакиваютъ своихъ сыновей, братья братьевъ, другъ друга, и всѣ мѣшаютъ свои слезы, Децій, съ нашими! Ахъ! кто нежелаетъ умереть, какъ за свое отечество, такъ и охотно доставить паки ти-

жишину мира своею кровію страждущему свѣту. О естлибѣ превѣчный Богъ возвратилъ нѣкогда опустошенной землѣ благодѣнственной миръ, которая спенаешъ подѣ свирепствами несогласія и сѣ отвращеніемъ пьешъ кровь, проливаемую тиранами!

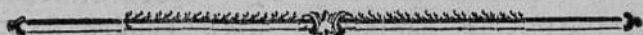
Но небо не являетъ еще своего гласа и премудрость взираешъ отъ своего блаженнаго покоя внизъ на муровьевъ, бьющихся за соломинку. — Побѣжденные враги созываютъ своихъ разсѣнныхъ и набираютъ новыхъ убійцъ. Одно государство нанимаетъ отъ скипетра другаго кровь его народа, и посылаетъ изъ своего нѣдра новое множество воиновъ, воюешъ гдѣ деньгами, гдѣ оружіемъ. Повсюду сзываютъ трубы войско на мѣсто сраженія, гдѣ кровь должна пролита бытъ, кровь, какъ рѣки, которые изливаютъ изъ своего обильнаго нѣдра облака веснѣ.

И меня зовешъ судьба моя за дражайшее мое отечество умереть, или побѣдить. — Ахъ! Когда я тебя увижу, любезной Децій? Можетъ быть не въ сей жизни! можетъ быть прежде Эвариса, нежели тебя! тогда тѣла наши будутъ лежать въ дальномъ другѣ отъ друга разстояніи, и рокъ не позволитъ намъ соединить нашъ пепелъ въ одномъ гробѣ! — Прощай мой Децій, и ожидай

своего друга побѣдителямъ, или извѣ-
стїе что онъ еще бился за отечество, и
умеръ; и со умершими въ объятїяхъ Эв-
хариса ожидаетъ своего Децїа.

*Съ Нѣмецкаго перепелъ
Василій Данилопъ.*

III.

МЫСЛИ

ГРАФА ОКСЕНСТЕРНА

Одобродѣтели.

Добродѣтель есть дщерь неба; блаженъ
тотъ кто старается съ своего младен-
чества о прїобретенїи оныя! онъ прово-
дитъ юность свою безъ волненїя, муже-
ство безъ заботъ, и старость безъ угры-
зенїя; онъ наслаждается спокойствїемъ
невѣдомымъ болшей части людей, между
коими онъ одинъ только знаетъ, въ чемъ
состоитъ удовольствїе. Къ вещамъ сего
свѣта онъ имѣетъ уваженїе соразмѣрное
ихъ цѣнѣ; всѣ его усилїя, всѣ его жела-
нїя клонятся къ небеснымъ благамъ не
подверженнымъ плѣнїю. Онъ не скор-
битъ о прошедшемъ, коимъ онъ такъ
хорошо располагалъ, и не страшится бу-
дущаго; ибо жребїй его не можетъ быть
наполненъ радостїю, дѣйствїя его суть
осно-

основаніемъ его щаспія. Онъ богатъ безъ имѣнія, ибо сокровище его неоцѣненно; онъ прекрасенъ, ибо жизнь его безъ пятна; на конецъ ему не оспается ничего желать, ибо онъ все у себя имѣетъ, могущество его неизреченно и силы его не побѣдимы. Онъ самъ располагаетъ своимъ награжденіемъ, ибо въ его власпи состоитъ себя удовольствовать. Слава дѣлаетъ его безсмертнымъ, какъ Александра по его храброспи, Пшоломея по его знанію, Траяна по любви къ истиннѣ, Антонина по благочестію, Константина по умѣренности, Сципіона по воздержанію и Феодосія по смиренію.

О славная добродѣтель! не оставяющая безъ награжденія ни единого изъ тѣхъ, кои къ тебѣ прилѣпляются: ты раздаешь оныя язычникамъ въ сей жизни, какой же вѣнецъ предоставляешь ты христіанамъ въ будущей! Нѣтъ безъ тебя ни истиннаго благополучія, ни совершенной вольности; послѣдованіемъ токмо тебѣ оныя достигаются.

IV.

О благодѣяніяхъ.

Добрая душа ни къ чему поль нечувствительна, какъ къ удовольствію помогать несчастнымъ, вмѣсто того что подлая и низкая душа чувствуетъ себя оскорбленною благодѣяніемъ, которое получаетъ другой. Благородное честолюбіе влекущее первую дѣлать для себя столько подданныхъ, сколько есть людей гонимыхъ несчастіемъ, весьма пріятно Богу; но зависть коею другая сѣдается при взорѣ на добро случающееся другимъ, есть собственно порокомъ дѣвола.

Мы не можемъ ближе подойти къ великому примѣру совершенства намъ предложеннаго, какъ стараюсь всевозможно дѣлать добро подобнымъ намъ. Чрезъ сіе мы можемъ нѣкоторымъ образомъ уподобиться нашему небесному ошцу, который безъ раздѣленія добрыхъ и злыхъ возводитъ солнце свое на всѣхъ людей. Еслили жребій знатныхъ и богатыхъ достоинъ возжеланія, то сіе потому полько, что оной приводитъ ихъ въ состояніе подкрѣплять слабыхъ и возвышать тѣхъ, кои опягчены бременемъ несчастія. Когда склонность сопряжена бываетъ съ могуществомъ; сіе есть по моему

моему мнѣнію драгоцѣннѣйшій даръ, которой человекъ можетъ получить отъ неба; первая же добродѣтель всегда, когда и одна находится, остается великою.

Добрый дѣла для души суть поже что и пища для тѣла; и благодаренія изливаемые на другихъ во время сея жизни суть вѣрными залогоми для тѣхъ, коихъ господь обѣщалъ надѣлать въ небѣ. Благодареніе и милость, сіи пріятныя благотворенія не бывають безъ награжденія и въ семъ свѣтѣ; онѣ привлекають намъ удивленіе, почтеніе и любовь нашихъ современниковъ и обнадеживаютъ насъ въ память нашу таковымъ же почтеніемъ отъ потомства. Я помню, что нѣкогда читалъ приличную моей матеріи Епипафію, которая состояла въ слѣдующемъ: *Что я истратилъ, то потерялъ; что имѣлъ, то оставилъ другимъ; но что я далъ, то еще у меня.* Самая правда, что польза получаемая отъ издержекъ, почитай недолге продолжается удовольствія себѣ тѣмъ доставляемаго и оное подлинно весьма кратко. Смерть переводитъ въ руки другихъ богатство обладаемое во время жизни. Но щедроты оказанныя тѣмъ, кой были въ нуждѣ, суть сокровища, коихъ сохраненіе, самъ Богъ воспріимъ на себя и которыя онъ обѣщалъ возвратить совполицею въ то время, какъ всѣ другія наши

Часть IX. мѣс. Августъ.   Ф   сокрови-

сокровища нами будущѣ оставлены. Пользы получаемыя нами изъ того въ семѣ свѣтѣ суть обѣщанія и моленія шѣхъ, коихъ мы обязали, отъ Бога же мы имѣемъ получить въ награду жизнь вѣчно щасливую. Нѣтъ благополучія большаго шой особы, которая находитъ себя въ состояніи слѣдовать склонности къ дѣланію добра ея влекущей.

V.

О благодарности.

Благодарность будучи плодомъ, который не можетъ быть произведенъ, какъ отъ древа благодаренія; по сему не обходимо должно быть оной совершеннѣйшею добродѣтелью, имѣющей шоль благородное происхождение.

Я не нахожу затрудненія поставить ея въ началѣ всѣхъ другихъ добродѣтелей: самъ Богъ не требуетъ отъ насъ другой, ибо она производитъ всѣ прочія нужныя къ нашему спасенію.

Самые язычники шоль много почитали сію добродѣтель, что въ честь ея они выдумали три Божества: первое подъ именемъ *Талии*; второе называлось *Аглайя*, третіе *Ефрозини*. Они посвя-

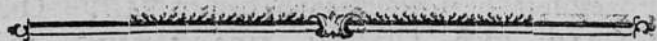

посвятили сихъ трехъ Богинь благодарности, какъ бы одной не довольно было для почитанія поль рѣдкой добродѣтели. Должно примѣчать, что стихотворцы изобразили сихъ трехъ Богинь нарочно нагими, чтобы чрезъ то дать намъ знать, что въ разсужденіи благодаренія и благодарности, должно поступать опкровеннымъ и чистымъ сердцемъ. Они описали ихъ двѣма молодыми, для наученія насъ, что благодареніе должно быть сохраняемо въ свѣжей памяти, и никогда не должно допускать состарѣться нашей благодарности; но искать всякими случаями доказать нашу чувствительность за полученныя благодаренія. Они придали пріятный и веселый видъ симъ тремъ Богинямъ, для означенія радости, каковую мы должны ощущать при признаніи обязанности, коею должны нашимъ благошворителямъ. Они показали въ видѣ трехъ сіи божества, для извѣщенія намъ, что благодарность должна быть устроенная по мѣрѣ полученнаго благодаренія. Они изобразили сихъ трехъ богинь за руки держащимися для наученія нашего, что благодареніе и благодарность должны быть нераздѣльны.

Вотъ чему самые язычники насъ научаютъ и что добрая душа производитъ при случаяхъ. Въ прочемъ естлибъ благодареніе великодушнаго сердца и благо-

дарность смиренной души обѣ были въ равновѣсіи, но ничего обѣ не было сего равнѣе: и такъ мнѣ кажется, что обязывающій не долженъ пѣмѣ хвалиться, ни потѣ кто хочетъ возблагодарить за благодѣяніе воображать себѣ, что довольно за оное возблагодарилъ.

VI.

О двухъ стезяхъ, по коимъ шествуютъ люди въ теченіи сея жизни.

Для прехожденія свѣта находятся два пути, пріятной и полезной. Первой проложенъ людьми, кои не ищутъ ничего кромѣ утѣхѣ и предаются мнимымъ пріятностямъ; второй учащаемъ бываетъ только пѣми людьми, кои полагаютъ свое основаніе на твердости, даже и въ свѣтскихъ дѣлахъ.

Путь удовольствій есть пріятнаго вида, посаженный по обѣимъ сторонамъ деревьями, кои производятъ плоды оптѣнной доброты увеселяющей взоръ; но кто захочетъ оныхъ вкусить, узнаетъ, что на подобіе Содомскихъ яблокъ, они исполнены пепла. Прошедъ не много видны Фонтаны, кои вмѣсто воды, производятъ изыщнѣйшими винами, по обѣимъ

имѢ сторонамѢ дороги, находятся бол-
 шіе луга, покрытые прекраснѣйшими вѢ
 свѣтѢ цвѣтами, хотя запахъ ихѢ и при-
 водитѢ вѢ забвеніе. Сіи прелестныя поля
 кажутся ограничивающимися небольшими
 пригорками, на коихѢ находится велико-
 лѣпныя зданія сѢ прекрасными померан-
 цовыми и другихѢ рѣдкихѢ деревьевѢ ро-
 щами. ВѢ сихѢ зданіяхѢ, только что
 смѣются и поютѢ; вѢ нѣкоторыхѢ вид-
 ны великіе столы, покрытые усладител-
 нѣйшими пищаами, вѢ другихѢ женщины
 принимающія сѢ распростертыми руками
 прихожихѢ, здѣсь происходитѢ концертѢ
 составленный изѢ пріятнѣйшей музыки;
 тамѢ танцуютѢ или играютѢ, тамѢ
 представляется опера, комедія и различ-
 ныя другія зрѣлища; тамѢ производитѢ
 ся родѢ ярманки, гдѢ находится без-
 численное множество изрядно сдѣлан-
 ныхѢ игрушекѢ, но безполѣзныхѢ. На
 концѢ путешественникѢ имѢя разумѢ
 занятыи сими бездѣлками непрестанно
 подается впередѢ не примѣчая, что
 три части его жизни прошли уже со вре-
 мени вступленія его на сію дорогу, какѢ
 вдругѢ онѢ начинаетѢ чувствовать нѣко-
 торую усталость отѢ дальности своего
 пути, по которому онѢ заходитѢ вѢ ужас-
 ную пустыню кѢ покрытой соломой жи-
 жинѢ, при дверяхѢ онѢ видитѢ старика
 гнуснаго виду, худаго и изтомлен-
 наго,

наго, коего впадшіе далеко глаза соединясь съ черными и смѣшенно сѣдыми распущенными по плечахъ волосами причиняютъ ему ужасной страхъ. Однако онъ вопрошаетъ о имени того мѣста и какъ называется старикъ, на что сей старой нелюдимъ отвѣчаетъ; здѣсь есть страна слезъ и раскаянія, а имя мое *Бѣдность*, я живу здѣсь по повелѣнію неба для принятія и помѣщенія всѣхъ путешественниковъ идущихъ по дорогѣ удовольствія. Сей бѣдной странникъ пораженъ будучи симъ отвѣтомъ, вопрошаетъ: нѣтъ ли въ окрестностяхъ другаго мѣста, гдѣбъ онъ могъ успокоиться? Да, отвѣчаетъ Бѣдность, за десятыя шаговъ отъ сюда живетъ создѣ мой *Отчаяніе*, но я хочу тебя уведомить, что всѣ тѣ, коимъ захотѣлося отъ меня перейти къ нему, всегда ко мнѣ назадъ возвращались, и такъ либо у него, либо у меня окончивается путь удовольствій, по коему ты шелъ.

Что касается до полезнаго пути, оной имѣетъ входъ гораздо труднѣйшій; сей начинается вскарапкиваніемъ на крутѣйшія горы, къ сей трудной работѣ должно употребить всю свою молодость. Прежде пришествія до высочайшей вершины, подвержены бывають тысячу разъ опасности, свернуть себѣ шею отъ частыхъ пропасей встрѣчающихся на пути, во время котораго нѣтъ другаго со-

щова:

товарища, кромѣ *труда и безпокойствія*, кои ни о чемъ не разговариваютъ съ путешественникомъ, какъ о выгодахъ и пріятностяхъ полезнаго, занимая отъ времени до времени вспоможеніе у *надежды*, которая утѣшаетъ его, увѣряя, что оставшей путь уже очень коротокъ, собственныя его желанія соотвѣтствуютъ ему въ искренности *надежды*. И такъ укрѣпленный пріятностію сихъ лестныхъ обѣщаній, онъ пробирается непрестанно къ высотѣ сея ужасныя горы, отколѣ усматриваетъ прекраснѣйшую долину и посреди оныя, болшія зданія прелеснаго строенія въ пріятнѣйшемъ положеніи. Онъ освѣдомляется о имени и о господинѣ сего прекраснаго зданія, его увѣдомляютъ, что оно называется *спокойствіе* а господинъ онаго *покой*. Онъ приходитъ отъ сего въ восторгъ и поспѣшаетъ туда войти для отдохновенія и успокоенія. Но всѣхъ безпокойствахъ и трудахъ претерпѣнныхъ имъ въ дорогѣ хозяинъ того мѣста отводитъ ему комнату по его желаніямъ и надежда ему говоритъ: *потѣ ты наконецъ позстановился для остатку дней спохъ*. Сей бѣдной странникъ ощущаетъ чрезмѣрную радость и начинаетъ уже въ умѣ своемъ вымышлять средства сдѣлаться обладателемъ всѣхъ полатъ. Онъ выдумываетъ разные способы, онъ беспокоится и не можетъ

жешъ быть довольнымъ комнатою занимаемою имъ въ семъ пріятномъ жилищѣ, какъ вдругъ зрѣтъ вошедшую смерть, которая съ страшнымъ лицомъ даетъ ему знакъ перстомъ слѣдовать, онъ хочетъ сперва тому воспротивиться, жалуясь на жестокость судьбы, принуждающей его такъ скоро оставить сіе мѣсто покоя, коего достиженіе стоило ему толкаго труда и заботъ; но смерть никогда не упросимая, беретъ его безъ милосердія и бросаетъ въ яму глубиною до шести футовъ, гдѣ покрытъ будучи землею онъ служитъ пищею червямъ, и въ награжденіе своихъ трудовъ ему ничего не останется, кромѣ нѣсколькихъ словъ извѣстныхъ на мраморѣ, которыя извѣщаютъ потомству, что такой то жилъ въ свѣтѣ благоразумно и наконецъ: *суета суеть и псяческая суета.*

*Перепелъ съ Французскаго
Алексѣй Малинопской,*

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

*Журнала подъ назпаніемъ Утренняго
Свѣта.*

Писатели по обычаю давно введенному обязаны давать публикѣ отчетъ въ томъ, чего ради предпріяли явиться предъ ней и привлечь ея на себя примѣчаніе: мы охотно и съ удовольствіемъ подвергаемъ себя одному обыкновенію, ибо насъ ободряетъ намѣренія нашего непорочность приведшая насъ къ сему предпріятію, и пошому что мы увѣрены, что никто, кому оная извѣстна, не можетъ насъ порицать. Оканчивая изданіе наше симъ мѣсяцемъ, сообщаемъ здѣсь планъ, по которому поступали, и надѣемся, что тѣ, кои оказывали нѣкоторое неудовольствіе, признаются, что предпріятіе наше заслуживаетъ, если не похвалу, то по крайней мѣрѣ доброе имя.

Каждый писатель долженъ имѣть два предмета: первой научать и быть полезнымъ, второй увеселять и быть пріятнымъ; но тотъ превосходнымъ долженствуется почитаться предъ обоими, который столько счастливъ будетъ, что возможетъ оба сіи предмета совокупить во единый. Разсужденіе

публики о писателѣ утверждается на шѣхъ же двухъ предположеніяхъ, и онѣ почитаются тогда счастливымъ, когда признаѣ публикою оныхъ исполнителемъ. Если же напрошивъ того по мнѣнію оной не только не достигъ обоихъ предметовъ вмѣстѣ, но есть быть полезнымъ и пріятнымъ, но ниже одного изъ оныхъ: припомъ если сѣ своей стороны не утвержденъ справедливостію и чувствованіемъ великой и благородной въ себѣ души; и если не надѣется, какъ Сократъ или Милтонъ на правосуднѣйшее и правильнѣе мыслящее потомство, или если уличается совѣстію о неправедномъ своемъ намѣреніи: то достоинъ сожалѣнія.

Сильное стремленіе къ добру возбужденное челоуколюбіемъ и истинною, или слѣпая суетнымъ самолюбіемъ надутая гордость и щеславіе передъ подобными себѣ, или наконецъ подлое корыслоубіе раждають писателей и наполняють земной шаръ бесполезными вздорами и книгами, которыя служатъ лучше для завиванія волосовъ, нежели для чпенія.

Если смѣемъ себя причислить къ писателямъ, то какого объ насъ мнѣнія? Не полагають ли насъ не довольные журналомъ нашимъ въ число шѣхъ, которыя самолюбіемъ и жадностію корысти побуждаются къ изданію сочи-

сочиненій погубляющихъ время и нравы читашелей? Хотя бы то было и правда, но для насъ нѣтъ ничего удобнѣе, какъ опровергнуть таковое мнѣніе. При изда- ній сего журнала мы не могли имѣть гор- дости и самолюбія, потому что крайне было бы смѣшно, естлибъ мы хотѣли величаться и гордиться переведенными токмо съ другихъ языковъ правилами. Сверхъ онаго мы весьма удалены какъ отъ самолюбія, такъ и не могли имѣть столь глупой мысли, что будто мы од- ни только достигли нужныхъ къ таково- му предпріятію познаній и разумѣнія языковъ, нѣтъ, конечно; мы удостовѣ- рены, что и другіе имѣютъ также поз- нанія и разумѣютъ языки, да еще мо- жетъ быть и болѣе и лучше нежели мы. — Но положимъ, что можно гордиль- ся и однимъ только переводомъ, но и въ семъ случаѣ гордостію укорить насъ не можно; потому что тотъ, который другихъ передъ собою не уважаетъ, дол- женъ непремѣнно здѣлаться извѣспнымъ; но что до насъ касается, мы никогда публикѣ себя не объявляли. Итакъ сколь мало побуждала насъ къ предпріятію су- етная гордость и безумное самолюбіе, столь же мало да еще и менѣе могла въ томъ имѣть участія корысть. Мы еще до начатія сего сочиненія объявили публикѣ, на какое употребленіе плаща за журналъ

назначается. Она определена была на заведение училища для не имущихъ дѣтей, которые бы можетъ быть безъ онаго остались на всегда жертвою невѣжества, и слѣдовательно не столь полезными членами для общества. Всевышній благословилъ труды наши; что легко усмотрѣть можно изъ сообщаемыхъ ежегодно нами извѣстій о успѣхахъ. И можетъ быть увидятъ скоро оныхъ и плодъ въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ соотвѣтствовавшихъ намѣреніямъ и желаніямъ нашимъ. Такимъ образомъ когда всѣ оныя суетныя намѣренія были отъ насъ удалены, то можемъ заключить, не нарушая скромности, что мы въ предпріятіи своемъ не имѣли другой побуждающей причины, какъ истинное, а не слѣпое и безумное къ заблужденію стремленіе или энтузіазмъ, и любовь къ отечеству произтекающую изъ чистѣйшихъ источниковъ. Ласкались мы изданіемъ таковаго журнала, каковъ нашъ, искоренить и опровергнуть вкравшіяся правила *Вольномыслия*, котораго слѣдствія, какъ для самыхъ зараженныхъ онымъ, такъ и для общества весьма пагубны. Въ семъ намѣреніи избирали мы только нравоучительныя и умозрительныя матеріи, о изящности, превосходствѣ и пользѣ которыхъ увѣрены не только благоразумнѣйшіе изъ нашихъ соотечичей,

но и вся Европа, и которыя казались намъ способнѣйшими для вкорененія и утвержденія добрыхъ нравовъ, и истребленія гнусныхъ и страшныхъ нѣкоторыхъ правилъ. Почему весьма для насъ удивительно, что толь общія толь драгоценными и полезными отъ всякаго здраво мыслящаго человѣка признанныя матеріи могли не угодными быть для нѣкоторой части нашихъ соотчичей. Но хотя и не понравились нѣкоторымъ, однако восчувствовали другіе всю великость и важность оныхъ во всемъ ихъ видѣ. Самые служители и полководцы слова Божія познали цѣну нѣкоторыхъ отдѣлений, и мыслили толь благородно, что послѣ говоренныхъ ими съ великою похвалою проповѣдей, когда вопрошены были, откуда почерпнули оныя: то откровенно признались, что одолжены оными *Утреннему Слѣту*.

Доселѣ сообщали мы болѣе о самыхъ матеріяхъ нравственныхъ и умозрительныхъ или Метафизическихъ, нежели о пользѣ оныхъ; ибо надѣялись мы, что достоинство оныхъ можетъ говорить само за себя; но извѣдавъ опытомъ, что нѣкоторому числу людей со всѣмъ не извѣстна подлинная и существенная польза высокихъ оныхъ истинъ, осмѣливаемся теперь читателямъ нашимъ представить великую пользу истекающую отъ

отъ нравоученія и увѣренія о безсмертіи души.

Нравоученіе есть наука, которая наставляетъ насъ, управляетъ дѣйствія наши къ нашему благополучію и совершенству, которая внушаетъ намъ истинныя правила великихъ должностей нашихъ ко Творцу, высочайшему нашему благодѣтелю, къ ближнимъ и къ себѣ самимъ, которая предписываетъ сіи должности и показываетъ средства исполненія оныхъ. Такая наука не должна ли быть достойною всего нашего вниманія? не должна ли составлять во всю жизнь главные наши упражненія? Такъ, безъ сомнѣнія. Нравоученіе есть первая, важнѣйшая и для всѣхъ полезнѣйшая наука; оной прежде и паче всего должно научать юношество; въ оной особенно должны упражняться пастыри и учителя церковные, и она по справедливости должна первое занимать мѣсто въ Христіанскихъ поученіяхъ. Возьмемъ искуснѣйшаго Богословскихъ Системъ учителя, который нравоученія не знаетъ или не любитъ, можетъ ли онъ быть столь пріятенъ Богу и полезенъ человѣческому обществу, какъ тотъ почтенный и правдивый мужъ, который хотя никогда не углублялся въ Системъ Богословской, но знаетъ нравоученіе, и любитъ онаго правила и по онымъ поступаетъ? —————

ВЪ какомъ видѣ мы ни разсматриваемъ нравоученіе, оно всего полезнѣе, нужнѣе и необходимѣе какъ для временной жизни такъ и для вѣчности. Нравоученіе, подобно дневному свѣшпику являющемуся на горизонтѣ, освѣщаетъ душу нашу отъ юности, отъ наступленія дней, въ продолженіи, при концѣ оныхъ, и въ самый часъ смерти. Оно распространяетъ свѣтъ свой по всѣмъ душевнымъ силамъ онымъ управляемымъ; человекъ открывающій глаза свои при семъ свѣшпильникѣ, видитъ всю великость своихъ должностей, употребленіе всѣхъ способностей и преимуществъ и причину своего бытія. Оно есть не одинъ токмо свѣтъ освѣщающій разумъ, но пламя воспаляющее и оживляющее человѣческое сердце: сія пріятная теплота подобно божественному огню, согрѣваетъ добрыя природныя склонности, оживляетъ оныя, питаетъ совѣсть, умерщвляетъ спраспи, и преклоняетъ волю. Желаніе дѣлать добро тѣмъ болѣе въ насъ умножается, чѣмъ болѣе знаемъ и чувствуемъ силу побудительныхъ къ тому причинъ, и изящность добродѣтели: отъ чего происходитъ неизвѣстное нѣкоторое внутреннее удовольствіе, первый плодъ, первое воздаяніе добродѣтели. Нравоученіе подобно тихому источнику производитъ плодородіе въ сердцѣ нашемъ, питаетъ

находящіяся въ ономъ щастливыйя склонности, утверждаетъ глубоко корни оныхъ и приноситъ сладкіе плоды. Умножается онымъ купно и отвращеніе къ пороку; открывається его гнусность, и представляется злополучіе влекомое имъ за собою; сія ненависть бываетъ во искушеніяхъ нашею спутницею и помогаетъ намъ воспоржествовать надъ оными. И такъ нравоученіе просвѣщая разумъ образуемъ оный къ мудрости, очищая сердце, готовитъ оное къ добродѣтели, и сими путями ведетъ человѣка къ земному, и надежнѣе еще къ небесному блаженству. Кратко сказать, сіе божественное ученіе не оставляетъ человѣку большаго желанія: ибо наставляя его въ должностяхъ, показываетъ ему купно отношеніе его къ предвѣчному Существу; и сіе познаніе ведущее человѣка къ любви, почитанію и повиновенію божественнымъ уставамъ и провидѣнію, совершаетъ его щастіе. Такихъ понятій и чувствованій достигнувшій человѣкъ готовъ бываетъ на всякія жертвы, для исполненія своихъ должностей: ибо помогаетъ ему Богъ, подкрѣпляетъ его и утверждаетъ. Удовольствованный человѣкъ о вѣчной жизни и совершенномъ блаженствѣ, яко о наградахъ за добродѣтель, въ состояніи произвестъ великія дѣла; сердце его стремится къ сему блаженству, силы его

возвѣщаютъ ему явно оное, а высочайшая благость совершенно увѣряетъ.

И такъ упражненіе во нравоученіи есть важнѣйшее для всякаго возраста и для всякаго сословія; оно составляетъ существенную закона часть, которая наипаче заслуживаетъ вниманіе и стараніе мудраго мужа. Сія наука есть не тщетная Теорія, не пустая Схоласпическая наука, не въ спорахъ состоящее ученіе, которое къ сожалѣнію вкравшись въ систему толь проспаго, толь крошкаго и толь святаго закона, обезобразило оную; нравоученіе есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служитъ людямъ къ показанію ихъ передъ другими въ разговорахъ или книгахъ: нѣтъ, оно есть практическое наставленіе, которое должны мы носить въ сердцахъ нашихъ, которое должно освѣщать совѣсть и преклонять безъ упущенія волю, и которое должно служить правиломъ нашихъ поступковъ въ уединеніи и между людьми, въ трудахъ, спокойствіи и забавахъ, въ несчастіи щастіи, въ здравіи и болѣзняхъ въ отдаленіи отъ конца жизни и при самомъ концѣ оной; кратко сказать, во всѣхъ отношеніяхъ и состояніяхъ, отцу, сыну и брату, мужу и женѣ, гражданину общества, міра и вѣчности. Чтобъ не многими словами изобразить весьма извѣстную истину: нравоученіе есть наука настоящаго

и будущаго блаженства, для временной и вѣчной жизни; слѣдовательно оно есть изъ всѣхъ наукъ самое полезнѣйшее, нужнѣйшее и необходимое.

Самые древнѣйшіе народы знали важность, великость и необходимость сея науки. Между ими были законодатели и любомудрія или философіи учителя, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ упражнялися во нравоученіи и оное другимъ предлагали. Египтяне, Китайцы, Персы, Греки и Римляне имѣли нравоучителей, которые распространяя свѣтъ въ сей наукѣ, благодѣтельствовали человѣческому роду. Жрецы нигдѣ, кромѣ Египта, не были нравоучителями; они занимались болѣе разпространеніемъ догматическихъ своихъ правилъ, нежели небесными истинными числѣйшаго нравоученія. Святой церкви небеснаго Отца предоставлено было составить полную систему высокаго нравоученія, яко сущности ученія божественнаго.

Нравоученіе Св. Моисея, онаго древняго Еврейскаго законодателя, изъясляетъ своимъ совершенствомъ и извѣстностію божественное свое происхожденіе. Ведя человѣка къ почитанію единаго и истиннаго Бога, показываетъ, что любовь къ ближнему есть главнѣйшее правило всѣхъ должностей къ оному, и что управленіемъ своихъ страстей и желаній отдаляетъ

ся все ведущее къ пороку и беззаконію. Блаженны были бы Іудеи, ешьли бы могли возвысити дѹши свои до сихъ высокихъ и чистыхъ чувствованій, и не оставались при однихъ наружныхъ обрядахъ.

Послѣдовали Греки, изъ оныхъ Сократъ во нравоученіи превосходилъ всѣхъ язычниковъ; онъ удостовѣрившись о достоинствѣ сея божественныя науки, углубилея совершенно въ одну оную, презрѣвъ всѣ баснословія. Ему слѣдовали Платонъ, Эпикуръ, Зенонъ и многіе другіе. Потомъ варварство и производившія отъ онаго предразсужденія истребляли время отъ времени сіе божественное ученіе, и одержали верхъ. Наконецъ Баконъ и Гроцій возобновили путь, по которому слѣдовали Волфій, Николе, Паскаль, изъ которыхъ послѣдняго особенно мы благодарити обязаны.

Сіе толь нужное ученіе, отъ котораго зависитъ благополучіе какъ частнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ фамилій и обществъ, сія божественная наука должна ли быть у насъ въ пренебреженіи? — Оприцаніе сего вопроса сколь для насъ не пріятно, споль оно справедливо. Примѣтъ различныя и повсемѣстныя въ общественной жизни случаи, и рѣши тогда, основательно ли наше разсужденіе. Откуда производятъ развращеніе между полами, множество несчастныхъ браковъ,

ковъ, подозрѣніе и вражда между братьями и сестрами, отцами и дѣтьми, повсемѣстные леченія, безчисленные обманы, несправедливости, на которыя всѣ жалуются, не размышляя что сами ежедневно то дѣлаютъ, откуда наконецъ убившва, естли не отъ недостатка во нравоученіи?

Желалъ бы я болѣе говорить о важности нравоученія, но отвлекаетъ меня другой мой предметъ, о которомъ говорить долженъ, то есть, благотворная польза, приносимая увѣреніемъ о безсмертіи души. Приведеніе доказательствъ о безсмертіи оной за нужное теперь не почитаю: ибо кажется довольно уже было о томъ рассуждаемо во многихъ мѣстахъ нашего журнала.

Когда же мы точно увѣрены о безсмертіи нашей души, то научаемся во первыхъ онымъ увѣреніемъ познавать величество свойствъ Творца нашего, потомъ въ особенности безконечную его премудрость, благость и правосудіе, и признавать оныя съ величайшимъ благоговѣніемъ и благодарностію. Увѣреніе о великости нашего существа и о великости того, что опредѣлено для насъ въ будущей жизни, естественнo побуждаетъ насъ ко простиранію прощанія нашего въ будущее, и заставляетъ насъ пещися о томъ, что послѣ насъ послѣдуетъ. Сіе увѣ-

увѣреніе производитъ то, что мы стараем-
ся дѣлать вѣчнымъ имя наше и память, и
что мы не равнодушны во мнѣніи объ насъ
познѣйшаго потомства. Сіе чувствованіе,
что душа наша безсмертна, есть надеж-
нѣйшее правило всѣхъ нашихъ благород-
ныхъ, великихъ и человѣческому общес-
тву полезныхъ дѣяній, безъ котораго
правила всѣхъ человѣческихъ дѣла были бы
малы, низки и подлы. Сіе увѣреніе ис-
требляетъ порокъ, возвышаетъ и пита-
етъ добродѣтели въ самыхъ опаснѣйшихъ
обстоятельствахъ. Сіе увѣреніе дѣла-
етъ неразрушимымъ союзъ человѣческа-
го общества и даетъ естественнымъ за-
конамъ ту важность, которую требуетъ
честь Высочайшаго Законодателя и бла-
го человѣческаго рода. Сіе чувствова-
ніе подаетъ спраждущему Христіанину
въ жесточайшихъ болѣзняхъ утѣшеніе;
онъ мнитъ: есть вѣчность, въ которой
престанетъ болѣзнь моя, и гдѣ ожида-
етъ меня непреходящее веселіе. Съ о-
нымъ увѣреніемъ невинно утѣсненные
и гонимые подвергаются безъ роптанія
всѣмъ неправосуднымъ случаямъ ихъ
угнѣтающимъ, въ несчастіи и превратно-
стяхъ пребываютъ постоянными и вѣр-
ными добродѣтели, презираютъ опаснос-
ти и съ мужествомъ идутъ на угрожа-
ющую смерть, радуются, увѣрены бу-
дучи о вѣчности, гдѣ ожидаетъ ихъ за

страданіе награда и гдѣ вѣнецъ не престаннаго веселія увѣчиваетъ главы ихъ. Коль свята, коль славна выгода для насъ, когда увѣрены о сей несомнѣнной истинѣ, но какія мученія, какое бѣдствіе для насъ, когда будемъ отрицати ея? При всемъ нашемъ полномъ благополучіи будемъ не доставать намъ покоя совѣсти, не восхититъ насъ ни какое великодушное и благородное дѣйствіе, и менѣе того еще мы сами будемъ въ состояніи что нибудь великое произвестъ. Чистѣйшія небесныя чувствованія должны будутъ уступать скопскимъ похотѣніямъ, правда неправдѣ, добродѣтель беззаконію; несчастный опчается, невинность утѣснится, злодѣй и порочный восторжествуетъ; имѣніе, честь, и жизнь будутъ въ опасности, словомъ вся земля сдѣлается адомъ.

Самые язычники ощущали сладчайшее удовольствіе и успокоеніе, размышляя о безсмертіи души. Оно размышленіе было для нихъ твердѣйшею подпорою посреди несчастія, причиненнаго имъ за ихъ добродѣтель. Оно размышленіе удостовѣряя ихъ о блаженной будущей жизни, возбуждало къ исполненію полезнѣйшихъ добродѣтелей, и къ покоренію и содержанію всегда въ повиновеніи ихъ страшей разуму.

Сего по ради оныя великіе мудрецы Египта и Греціи преподавали сіе ученіе съ крайнимъ прилѣжаніемъ и представляли оное ученикамъ своимъ яко одно изъ величайшихъ и важнѣйшихъ. Пифагоръ снискалъ оное въ Египтѣ; но не разумнѣе или не довольное знаніе Героглифическаго языка совлекло послѣдователей его съ праваго пути, и чистѣйшія правила Египтянъ были совсѣмъ обезображены. Сократъ первѣйшій изъ язычниковъ, и Платонъ, возобновили сіе ученіе во всей онаго чистотѣ, и имѣли великое множество послѣдователей. Всѣ оныя предлагали истинны свои ясно: но Египетскіе мудрецы для чужестранца, который не былъ допущенъ до великихъ таинствъ, и слѣдовательно не разумѣлъ тайнаго Героглифическаго письма, были не понятны. Ибо они подѣ не понятными для очей незнающаго, но въ самомъ дѣлѣ глубокомысленными изображеніями сокрыли важнѣйшія познанія. Если бы мы имѣли совершенное изъясненіе онаго безъ сомнѣнія важнаго Героглифическаго языка, то увидѣли бы, что многія познанія, которымъ въ наши времена удивляются какъ новымъ, извѣстны уже были Египетскимъ мудрецамъ, и нашли бы можетъ быть такія вещи, о которыхъ не имѣемъ ни малаго познанія, и которыхъ открытіе было бы весьма

полезно. Мы сообщили нашимъ читателямъ нѣкоторыя опыты и сего языка для поощренія къ большому обработанію сего поля. Но какъ мы примѣтили, что многіе изъ нашихъ читателей сими прозякими матеріями нѣсколько или совсѣмъ были не довольны, то сею частію оканчиваемъ нашъ Журналъ. Прозбою жъ нѣкоторыхъ побуждены съ наступленіемъ будущаго года зачать новый, мы ни какъ не отступимъ отъ нашего предмета, но всегда будемъ стараться оный имѣть, хотя въ различномъ и премѣнномъ видѣ. Матеріи новаго сего Журнала будутъ состоять, частію изъ нравоученія, изъ описаній жизней славныхъ героевъ и политиковъ и описанія славныхъ Сектъ; все оное будетъ перемежаемо Политическими, Историческими и Географическими оцѣленіями. Мы ласкаемъ себя, что симъ расположеніемъ болѣе угодимъ вкусу Публики, и склонимъ къ ощущенію удовольствія и тѣхъ читателей, которымъ казалось, что будто Журналъ нашъ весь наполненъ одинакими матеріями.

Заключеніе третьяго года тру-
допъ нашихъ.

Оканчивая претій годъ издаваемаго нами Журнала, подъ названіемъ *Утренняго Свѣта*, первую должностію нашею считаемъ принесеніе истинныя и нелицемѣрныя благодарности нашея всѣмъ благонамѣреннымъ Особамъ, участвовавшимъ въ заведеніи и продолженіи двухъ училищъ, *Екатерининскаго* и *Александропскаго*, для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей; наипаче же изъяснить чувствительнѣйшую признательность нашу, шѣмъ челоуѣколюбивымъ и сострадательнымъ сердцамъ, которыя милосердіе свое къ бѣднымъ опною не измѣряли поставленною за журналъ нашъ цѣною. Да усладятся Спомоществователи наши плодами своего милосердія и да обрѣтутъ награжденіе благимъ дѣламъ своимъ во внутренности сердецъ своихъ!

Второю должностію нашею почитаемъ сообщеніе вѣрнаго извѣстія, всѣмъ участвовавшимъ Особамъ, о состояніи и успѣхахъ обоихъ училищъ, что и исполняемъ, сообщая приложенное здѣсь:

1.) ИЗВѢСТІЕ О СОСТОЯНІИ И УСПѢХАХЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО УЧИЛИЩА.

1.) Александръ Горбунковъ

2.) — Петровъ

3.) Алексѣй Ивановъ

4.) Иванъ Сударушкинъ

5.) Степанъ Алексѣевъ

6.) Петръ Перинкинъ

7.) Аграфена Иванова

8.) Иванъ Сорокинъ

9.) Миронъ Немировъ

10.) Яковъ Немировъ

11.) Ѳедоръ Евсѣевъ

12.) Николай Панфиловъ

13.) Палагея Кузнецова

14.) Авдошья Степанова

15.) Степанъ Щадринъ.

16.) Петръ Богдановъ

Обучаются пороссійски читать и писать, такожь и правописанію; равнобрно и познанію закона Божія.

Обучаются пороссійски читать и писать.

- 17.) Андрей Алексан-
дровъ
18.) Григорей Ивановъ
19.) Василей Василь-
евъ.
- 20.) Анна Семенова
21.) Степанъ Степа-
новъ
22.) Иванъ Важной
23.) Николай Дьяко-
новъ
24.) Семенъ Климовъ
25.) Дмитрей Евдоки-
мовъ
26.) Фёдоръ Полета-
евъ
27.) Максимъ Пет-
ровъ.

Обучаются по-
россійскій чипать.

Изъ нихъ за прилѣжаніе заслужива-
ющѣ похвалу, Александръ Горбунковъ,
Александръ Петровъ, Палагея Кузнецо-
ва, Алексѣй Ивановъ, Авдошья Степано-
ва, Петръ Перинкинъ, Андрей Алекса-
ндровъ, Василей Васильевъ.

За рѣдкимъ хожденіемъ въ школу и
за отлученіемъ родителей изъ Санктпе-
тербурга, выключены 1) Петръ Шубинъ,
2) Иванъ Полунинъ, 3) Григорей Иларіо-
новъ, 4) Павелъ Чулковъ, 5) Василей Ива-
новъ,

новъ, 6) Левъ Семеновъ, 7) Никифоръ Федотовъ, 8) Семенъ Блохинъ, 9) Емельянъ Понамаревъ, 10) Сергей Урвановъ, 11) Иванъ Ножевщиковъ, 12) Яковъ Мерцаловъ, 13) Петръ Матрошонковъ, 14) Иванъ Петровъ.

II.) ИЗВѢСТІЕ О СОСТОЯНІИ И УСПѢХАХЪ АЛЕКСАНДРОВСКАГО УЧИЛИЩА.

Питомцы на иждивеніи Его Высокопреосвященства Гапріила Архіепископа Новгородскаго и Санктпетербургскаго и Святѣйшаго Прасительствующаго Синода Члена.

1.) Василей Тимовъ, 16. лѣтъ сынъ Кадомской Инвалидной команды умершаго Подпоручика Василья Тимова. 2.) Степанъ Дьячковъ 14 лѣтъ, сынъ умершаго дьячка Алексѣя Трофимова.	Вступили въ Екаперининское училище 11 Февраля, 1778 года, а 26 Августа переведены въ Александровское. Обучае пороссійски читае и пишет и Капехивису, упражняются въ правилахъ Грамматическихъ; понѣ-

- 3.) Григорій Ширяевъ | мецки чипать, пи-
 10 лѣтъ, сынъ у- | сать и разговорамъ,
 мершаго Таможен- | Геометрии, рисо-
 наго канцеляриста | ванію и танцова-
 Василья Григорьева | нію. Прилѣжаніемъ,
 сына Ширяева. | добронравіемъ, любо-
 | вію къ сотоварищамъ,
 | повиновеніемъ къ на-
 | чалникамъ, опрят-
 | ностію и честнымъ
 | поведеніемъ заслужи-
 | ваютъ особливую по-
 | хвалу. Изъ оныхъ
 | послѣдній п. е. Ши-
 | ряевъ обучается еще
 | Арифметикѣ.

† *Питомцы на иждивеніи Истин-
 наго Патриота.*

- 4.) Василей Ильин | Вступилъ вмѣс-
 ской 14. лѣтъ, | тѣ съ вышепомяну-
 сынъ умершаго изъ | тыми, обучается по-
 дворянъ Леибъгвар- | муже, и заслужива-
 діи сержанта Фёдо- | етъ равную съ оны-
 ра Андреева сына | ми похвалу.
 Ильинскаго.
- 5.) Алексѣй ФеоФа- | Вступилъ Іюля
 новъ 10. лѣтъ, | 16 дня 1779 года, обу-
 сынъ цеховаго | чается Катехизису,
 Фельдшера Данилы | пороссійски и понѣ-
 Феофанова. | мецки чипать и пи-
 | сать,

сать, Арифметикѣ
и рисованію; прилѣ-
женѣ и поведенія
похвальнаго.

*Питомцы на иждивеніи Ивана
Петровича Осокина.*

- 6.) Алексѣй Василь- Вступилъ въ учи-
цовъ 10 лѣтъ, лице Екатерининское
сынъ живущаго въ Феврала 11 дня, а по-
богодѣльнѣ прес- помѣ Августа 26 дня,
старелаго отстав- 1778 года въ Алек-
наго Прапорщика, сандровское; упраж-
Мирона Васильева няется въ Россійскихъ
сына Васильцова. Грамматическихъ
правилахъ, понѣмец-
ки читать и писать
и разговорамъ,
Арифметикѣ, рисо-
вать и танцовать.
Прилѣжаніемъ и хо-
рошими поступками
заслуживаетъ похва-
лу.
- 7.) Григорій Фили- Вступилъ вмѣс-
повъ 8 лѣтъ, сынъ тѣ съ помянутымъ,
умершаго Юстицѣ обучается пороссій-
Конторы Регистр- ски читать и писать
ратора, Петра Капехизису и рисо-
Алексѣева сына Фи- вать. Прилѣженѣ и
липова. поведенія хорошаго.

- 8.) Егоръ Никитинъ | Вступилъ Юля
 блѣшъ, сынъ умер- | 16 дня 1779 года;
 шаго Придворнаго | обучается Заповѣ-
 конюха, Павла Ни- | дямъ и пороссійски
 кишина. | читать. Хотя еще
 | весьма молодъ, но
 | поступками своими
 | подаетъ добрую на-
 | дежду.
- 9.) Иванъ Іевлевъ | Вступили Фев-
 сынъ Секретаря | раля 1 дня 1780 го-
 Андрея Іевлева. | да; обучаются Ка-
 10.) Сергей Клышовъ | пехизису, пороссій-
 сынъ умершаго оп- | ски читать и писать.
 ставнаго Конной | Подаютъ о себѣ хо-
 Гвардіи вахмистра | рошую надежду.
 Леонтья Клышова.
- 11.) Пейръ Куцовъ | Вступилъ Маія 1
 сынъ Придворнаго | дня 1780 года; обу-
 лакея Алексѣя Ку- | чается пороссійски
 цова. | читать. Кажется не
 | безнадеженъ.

*Питомцы Михайлы Сергѣевича
 Голикова.*

- 12.) Иванъ Кулич- | Вступили въ учи-
 кинъ 13 лѣшъ, сынъ | лище Екаперинин-
 умершаго изъ дво- | ское Февраля 11 дня
 рянь Придворнаго | 1778 года, а 26 Ав-
 Тафельдекаря, | густа переведены въ
 | Петра

Петра Кузмина сына Куличкина.	Александровское.
13.) Михайло Коркинъ, 6 лѣтъ, сынъ бывшаго Вотчинной Конторы, подканцеляриста Доримедонта Аникина сына Коркина.	Куличкинъ упражняется въ Грамматическихъ Россійскихъ правилахъ, обучается по нѣмецки чипать, писать и разговорамъ, Арифметикъ рисовать и танцовать. Коркинъ помуже, выключая правилъ. Оба прилѣжны и поведеній похвальныхъ.

*Питомецъ Василья Петропича
Петропа.*

14.) Андрей Никишинъ 13 лѣтъ, сынъ умершаго конюха Павла Никишина.	Вступилъ въ училище Екашерининское Февраля 11, 1778 года, а 26 Августа переведенъ въ Александровское. Обучается Россійскимъ Грамматическимъ правиламъ, по нѣмецки чипать и писать, Арифметикъ, рисовать и танцовать.

цовать. Прилѣженъ
и похвальнаго пове-
денія.

*Питомцы Николая Христофоропича
Капанаха.*

15.) Гаврило Мини- гофъ 10 лѣтъ, сынъ иностранна- го споляра Мини- гофа.	Вступилъ въ Але- ксандровское учили- ще Сентября 30 дня 1778 году; обучается Катехизису, по рос- сійски и по нѣмецки читать и писать, Арифметикъ и рисо- вать. Прилѣженъ, и поведенія хорошаго.
16.) Михайло Угрю- мовъ 13. лѣтъ, сынъ служителя Г. Каванаха Степа- на Угрюмова.	Вступилъ въ Александровское учи- лище Февраля 26. дня, 1779 года, обу- чается Катехизису и по россійски читать и писать, прилѣжа- нія и поведенія изъ- рядныхъ.

Питомцы Любителя благотвореній.

17.) Дмитрей Феофа- новъ 12. лѣтъ,	Вступилъ въ Александровское Учи-
<i>Часть IX. мѣс. Августъ.</i>	Ц лице

сынъ цеховаго | лице Февраля 1. дня
Фельдшера Данилы | 1779 года. Обучается
Феофанова. | уже Грамматиче-
скимъ Россійскимъ
правиламъ ; по нѣ-
мецки читать и пи-
сать и разговорамъ,
Геометріи, Рисованію
и танцованію. При-
лѣжанія и поведенія
отмѣннаго.

18.) Иванъ Ильинской | Вступилъ въ
9 лѣтъ, сынъ у. | Александровское учи-
мершаго изъ дво- | лице 30 Сентября
рянъ Гвардіи Сер- | 1778 году; обучает-
жанта Фѣдора Иль- | ся Катехизису, по-
инскаго. | россійски и по нѣ-
мецки читать и пи-
сать, Ариѳметикѣ и
рисовать, прилѣженъ
и поведенія хоро-
шаго.

*Питомецъ благотѣльнаго Не-
знакомаго -*

19.) Петрѣ Яновской | Вступилъ въ Алек-
11 лѣтъ, сынъ | сандровское училище
Малороссіянина На- | Февраля 1. дня 1779
ума Павлова, сына | году; обучается Рос-
Яновскаго. | сійскимъ Грамматиче-
скимъ

ческимъ правиламъ ;
 понѣмецки читать
 писать и разговорамъ,
 Арифметики , рисо-
 вать и танцовать ,
 прилѣженъ и поведе-
 нія похвальнаго.

*Питомцы Ивана Ипановича
 Голикова.*

- 20.) Романъ Типовъ, | Вступилъ въ Ека-
 7 лѣтъ, сынъ Ком- | перининское училище
 мерц - Коллегіи | Февраля 15 дня 1778
 подканцеляриста. | года, а 26 Августа
 переведенъ въ Алек-
 сандровское, обучает-
 ся Катехизису, по-
 россійски читать и
 писать, также и по-
 нѣмецки. Прилѣжа-
 нія и поведенія из-
 рядныхъ.
- 21.) Александръ Тка- | Вступилъ въ
 ченковъ 9. лѣтъ, | Александровское учи-
 сынъ Академіи На- | лище Сентября 30.
 укъ Печатника. | дня, 1778 года; обу-
 чается Катехизису, и
 пороссійски читать
 и писать. Прилѣжа-
 нія и поведенія изряд-
 ныхъ.

Питомцы Петра Ипанопича

Турчаниноца.

- 22.) Василей Левашовъ 13. лѣтъ, сынъ умершаго опшавнаго Прапорщика Клементья Федорова сына Левашова. Вступилъ въ Александровское училище Февраля 1. дня 1779 года; обучается Россійскимъ Грамматическимъ правиламъ, понѣмецки чипать, писать и разговорамъ, Ариѳметикѣ, рисовать и танцовать. Прилѣжанія и поведенія похвальныхъ.
- 23.) Михайло Волчанской 9. лѣтъ, сынъ умершаго дьячка Петра Волчанскаго. Вступилъ Февраля 1. дня, 1779 года; обучается пороссійски чипать и писать и Капехизису, понѣмецки чипать и писать и разговорамъ, рисовать и танцовать. Прилѣженія и поведенія похвальныхъ.

Питомцы Петра Борисовича
Бѣлашина.

24.) Иванъ Спрѣлковъ 12. лѣтъ, сынъ бывшаго при Коммисіи о сочиненіи Новаго Уложенія копейскаго Ивана Спрѣлкова.	Вступилъ въ Ека- перининское Учили- ще Февраля 11. дня, 1778 года, а 26. Ав- густа переведенъ въ Александровское; о- бучается Катехизизи- су, пороссійски и понѣмецки читать и писать, Ариеме- пики и рисованію; въ разсужденіи прилѣ- жанія и поведенія еще болѣе прошивъ про- шлагодняго исправил- ся.
25. Василей Ткачен- ковъ 10 лѣтъ, сынъ Академіи На- укъ печатника Ива- на Ткаченкова.	Вступилъ въ Александровское учи- лище Сентября 30. дня 1778 года; обу- чается Катехизису, и пороссійски читать и писать. Прилѣжа- нія и поведенія из- рядныхъ.

*Питомецъ Василья Ипаноича
Турчанинова.*

26. Дмитрій Усти- | Вступилъ Мая 1.
новъ 13. лѣтъ, | дня 1778 года, обу-
сынъ Козацкаго | чается Россійскимъ
Полковника Коно | Грамматиическимъ
на Тимоѳеевича | прѣвиламъ, понѣ-
Устинова. | мецки читать, пи-
| сать и разговорамъ,
| Ариеметикъ, прилѣ-
| жаниемъ и поведені-
| емъ заслуживаетъ по-
| хвалу.

*Питомецъ благотпорительнаго Со-
гражданина.*

27. Алексѣй Еремѣ- | Вступилъ Сентя-
евъ, сынъ Акаде- | бря 4. дня 1778 го-
міи Наукъ печат- | да; обучается Капе-
ника Романа Ере- | хизису и пороссій-
мѣва. | ски читать и писать.
| Прилѣжанія и поведе-
| нія изрядныхъ.

*Питомецъ Василья Николаевича
Зинопьева.*

28. Петръ Некрасовъ, | Вступилъ Февра-
сынъ служителя | ля 1. дня 1780. года;
его

его Алексѣя Некрасова. обучается Катехизису, пороссійски читать и писать; подаетъ о себѣ хорошую надежду.

Питомецъ Княжны Праскопыи Васильевны Урусоной.

29. Сергей Францовъ, сынъ служителя Ея Сіятельства Алексѣя Францова. Вступилъ Марта 20. дня 1780 года; обучается заповѣдямъ и пороссійски читать, такожъ и танцовать; въ разсужденіи пріятныхъ поступокъ подаетъ весьма хорошую надежду.

Питомецъ Софьи Ипаночны Бѣлавиной.

30. Михайло Парамоновъ, сынъ Аршилеріи Адъютанта Алексѣя Парамонова. Вступилъ Мая 5. дня, 1780 года; обучается заповѣдямъ, читать и писать пороссійски, такожъ и рисовать, подаетъ весьма хорошую надежду.

*Питомецъ Алексѣя Степановича
Дьяконова.*

31. Степанъ Быспрой, сынъ служителя его Савелья Быспраго.	Вступилъ Юня г. дня, 1780 года, обучается пороссійски чинать. Крапкость времени не дала примѣшить, какіе успѣхи онъ окаяшь можетъ.

*Питомецъ Ипана Абрамовича
Ганибалы.*

32. Иванъ Тодески, сынъ умершаго Грека Іоанна Тодеска.	Вступилъ въ одинъ день съ помянутымъ; обучается тому же, и объ успѣхахъ по краткости времени заключить не можно.

На содержаніи Училища.

33. Степанъ Клеопинъ 13. лѣтъ, сынъ отставнаго изъ дворянъ Капра-ла Андрея Клеопина.	Вступилъ Октяб-ря 1778 года; обучается Катехизису и пороссійски чинать и писать; въ поведе-ніи прошивъ прошлаго-годнаго поправляющ-ся.

34. Василей Ждановъ | Вступилъ Сентя-
 5 лѣтъ, сынъ у | бря 15 дня, 1778 го-
 мершаго освобож- | да; обучается запо-
 деннаго изъ крѣ- | вѣдямъ и пороссій-
 постпныхъ, дому | ски чипапъ; хопя
 Князь Сергія Ми | еще и весьма молодъ,
 хайловича Голицы | но по поступкамъ
 на служителя Ва- | своимъ подаетъ доб-
 салья Жданова. | рую надежду.

Списокъ приходящимъ въ Александропское училище бѣдными дѣтямъ, которыя обучаются безъ всякой платы.

✦ Вступили въ училище Октября
 25. дня 1778 года.

1. Николай Поповъ	Учитъ претью часть Капехизиса, и пишетъ Форшрифты; учится также Ариѳметикъ.
2. Иванъ Шенгинъ	пожъ.
3. Дарья Аносова	Учитъ первую часть Капехизиса и пишетъ буквы.
4. Ульяна Михайлова	пожъ.

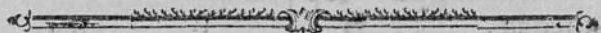

5. Якимъ Милявинъ	Учитъ вторую часть Катехизиса и пишетъ буквы.
6. Семенъ Мельниковъ.	пожъ.
7. Петръ Жемковъ.	} Окончали Азбуку; учатъ заповѣди и молитвы наизустъ.
8. Александръ Тверской, Ноября 13 дня 1778 года.	
9. Анна Иванова, Января 7. дня 1779 года.	пожъ.
10 Софья Лукьянова Феврала 1. дня.	Учитъ 3. часть Катехизиса и пишетъ двойные буквы.
11. Юсафъ Лукьяновъ Феврала 1 дня.	2. часть Катехизиса и пишетъ буквы.
12. Николай Яковлевъ Феврала 1. дня.	Началъ Катехизисъ и пишетъ первую букву.
13. Павелъ Калачковъ Марта 2 дня	Учитъ 3. часть Катехизиса и пишетъ форшрифты, учится Ариѳметикъ.
14. Петръ Волковъ Мая 1 дня.	Учитъ первую часть Катехизиса и пишетъ буквы.
15. Михайла Яковлевъ Юня 17 дня.	Учитъ пожъ.
16. Василей Аншиповъ Юня 17. дня.	пожъ.

17. Яковъ Максимовъ Юня 17. дня.	пожъ.
18. Николай Абра- мовъ Юля 17. дня.	Окончилъ азбуку, учитъ заповѣди, и молитвы наизусть.
19. Григорей Замош- никовъ Сентября 1 дня.	Учитъ первую часть Катехизиса и пишетъ буквы.
20. Алексѣй Чер- касовъ Декабря 1. дня.	Учитъ по скла- дамъ молитвы.
21. Александра Чер- касова.	пожъ.
22. Михайла Смир- ной Марта 9 дня. 1780 года.	Учитъ склады.
23. Михайла Мизин- цовъ Марта 10 дня.	Учитъ первую часть Катехизиса и пишетъ буквы.
24. Карлъ Дидрихъ Мая 1. дня.	Окончилъ азбуку, учитъ заповѣди на- изусть, и читаетъ книжку.
25. Иванъ Дидрихъ Маія 1. дня.	Учитъ по скла- дамъ молитвы.
26. Александръ За- тычкинъ Мая 11. дня.	Учитъ склады.
27. Иванъ Осиповъ Маія 11. дня.	пожъ.
28. Палагея Воронов- ская Юня 15. дня.	Учитъ первую часть Катехизиса и

29. Николай Федоровъ, Юня 22 дня.	пишетъ буквы. Учитъ склады.
30. Григорій Шидряевъ Юля 1 дня.	шожъ.
31. Александръ Тверской Ноября 13. дня 1778 года.	Учитъ первую часть Катехизиса и пишетъ буквы.
32. Дмитрей Елкинъ Августа 1. дня 1780 года.	Учитъ буквы.

Списокъ достаточнымъ приходящимъ въ Александровское училище съ платою по 12. рублей, изъ которыхъ однакожъ еще никто ничего не платилъ, хотя и было напоминаемо.

1. Спиридонъ Камоловъ вступилъ Генваря 1. дня 1779 года.	Учитъ претью часть Катехизиса и пишетъ двойныя буквы.
2. Петръ Камоловъ Генваря 1 дня.	Учитъ вторую часть Катехизиса и пишетъ буквы.
3. Василей Вороновъ Марта 1 дня.	Учитъ 3. часть Катехизиса и пишетъ Форшрифты, учился Ариеметикъ рисо-

4. Иванъ Резановъ Генваря 13. дня, 1780 года.	вашь и понѣмецки. Учитъ заповѣди со исполкованіемъ
5. Павелъ Осиповъ Марта 4. дня,	Учитъ 2 часть Капехизиса и пи- шетъ двойныя буквы.
6. Петръ Языковъ Мая 12 дня,	Учитъ первую часть въ Капехизи- сѣ и пишетъ буквы, учится также Ариѣ- метикѣ.
7. Матвѣй Вязигинъ Октября 8. дня, 1779 года.	Твердитъ на изустъ заповѣди и моливвы, и пишетъ буквы.
8. Петръ Долгопо- ловъ Юня 11. дня, 1780. году	Учитъ 2 часть Капехизиса и пишетъ буквы, учится так- же Ариѣметикѣ.
9. Михайло Пивова- ровъ Юня 1. дня,	пожѣ.
10. Николай Пивова- ровъ Юля 1. дня,	Учитъ склады.
11. Николай Беляевъ Юля 1. дня,	Учитъ первую часть Капехизиса, и пишетъ литеру а.
12. Володимеръ Ка- баповъ Юля 14. дня,	Учитъ Моливвы по складамъ.

Изъ нихъ за прилѣжаніе заслуживаютъ
похвалу 1. Иванъ Шангинъ, 2. Николай
Поповъ,

Поповъ, 3. Софья Лукьянова, 4. Павелъ Клочковъ 5. Алексѣй Черкасовъ, 6. Спиридонъ Комоловъ, 7. Василей Вороновъ 8. Петръ Языковъ, 9. Петръ Долгополовъ.

Выбыли изъ училища за отъѣздомъ родителей изъ Пестербурга, за опредѣленіемъ въ службу, и за нехожденіемъ въ школу.

1. Иванъ	}	Загребельскія.
2. Елена		
3. Елисавета		
4. Семенъ Кисилевъ.		
5. Анна Чернявская.		
6. Марья Кисилева.		
7. Иванъ Поляковъ.		
8. Иванъ Семеновъ.		
9. Яковъ Масыгинъ.		
10. Захаръ Ершевской.		
11. Платонъ Степановъ.		
-

Сообща достопочтеннымъ Читателямъ нашимъ о успѣхахъ Училищъ, предлагаемъ здѣсь по обѣщанію нашему исправный отчетъ во ввѣренной намъ суммѣ денегъ, съ показаніемъ прихода и расхода какъ для Училищъ, такъ и для издаваемого нами Журнала. Симъ желаемъ мы благонамѣренныхъ Единоземцевъ нашихъ удостовѣрить, что въ намѣреніи нашемъ, при изданіи сего Журнала и заведеніи Училищъ ни-
что

что не участвовало, кромѣ истиннаго усердія къ пользѣ возлюбленнаго Опеченства нашего и состраданія къ бѣднымъ. Сія вѣдомость здѣсь прилагается:

ПРИХОДЪ.

- 1.) Отъ втораго года въ остаткѣ, включая въ то число изъ нѣкоторыхъ мѣстъ еще не досланныя - - 2545 р. - 23 к. $\frac{1}{2}$
- 2.) Въ нынѣшнемъ годѣ отъ подписавшихся особъ на VII, VIII и IX части Журнала, также отъ нѣкоторыхъ и на первые два года; всего если сообщены будутъ къ намъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ еще не досланныя. - - - 1577.
- 3.) На содержаніе питомцевъ:

Отъ Преосвященнѣйшаго Гавріила Архіепископа Санктпетербургскаго и Новгородскаго - - - - - 50.

— Ивана Петровича Осокина - 240.

— Михайла Сергѣевича Голикова 80.

— Василья Петровича Петрова 40.

— Николая Христофоровича Каванаха - - - - - 80.

Отъ

Отъ Любителя благотвореній	80.
— Благодарительнаго Незнакомаго	40.
— Ивана Ивановича Голикова	80.
— Петра Ивановича Турчанинова	80.
— Петра Борисовича Бѣлавина	80.
— Василья Ивановича Турчанинова	50.
— Благотворительнаго Согражданина	50.
— Василья Николаевича Зиновьева	50.
— Княжны Прасковьи Васильевны Урусовой	50.
— Алексѣя Степановича Дьяконова	50.
— Софьи Ивановны Бѣлавинсы	0.

4.) Отъ разныхъ особъ усердствующихъ сему заведенію прислано и при посѣщеніи училища дано:

Изъ комнаты Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА прислано	200.
Отъ А. П. И.	10.
— Неизвѣстнаго посѣпителя	10.
— Присутствовавшихъ въ комедіи	

медіи , представленной Пи-			
помцами - - - -			45.
Отъ Неизвѣстнаго - - - -			19.
— Михайла Сергѣевича Голико-			
ва , при присутствіи его въ			
комедіи - - - -			130.
— Петра Борисовича Бѣлавина			
при присутствіи его въ ко-			
медіи - - - -			25
Отъ Г. Полковника Осипа Василь-			
евича Смирнова - - - -			11.
— Неизвѣстнаго - - - -			50.
— Неизвѣстнаго - - - -			50.
— Неизвѣстнаго - - - -			5.
— И. Б. - - - -			30.
— Неизвѣстнаго - - - -			25.
— Неизвѣстнаго - - - -			5.
— И. Б. - - - -			4.
— Неизвѣстнаго - - - -			2.
— Ея Высокоблагородія Улья-			
яны Яковлевны Ланской -			10.
— Его Превосходительства Сте-			
пана Ивановича Шешковскаго			
прислано Пипомцамъ , по			
причинѣ добровольнаго ихъ			
отказа отъ завтрака и у-			
жина на цѣлой мѣсяцъ , для			
вспоможенія бѣднымъ пою			
суммою , во что оныя спо-			
ятъ на завтракъ - - - -			25.
— В. М. Г. - - - -			100.
— Неизвѣстнаго купца - - - -			100.
Часть IX. мѣс. Августъ	Ч	Отъ	

Отъ Его Высокоблагородія Мак-
сима Ивановича Карамышева 2^я.
— Неизвѣстныхъ - - 18 - 75.

И того въ приходѣ:
6161. р. - 98. к. $\frac{1}{2}$

РАСХОДЪ ТРЕТІЯГО ГОДА.

1) *По Екатерининскому Училищу.*

- 1.) За обученіе приходящихъ и
на класныя вещи - 97. р. - 57. к.
- 2.) За наемъ дома и за седера-
ніе въ ономъ чистоты - 100.
- 3.) На дрова и свѣчи въ приба-
вокъ къ оставшимся отъ
прошлаго года - - 3. 40.
- 4.) На содержаніе одного работ-
ника - - - - 27.

*И того по Екатеринин-
скому Училищу. 227. р. - 97. к.*

2) *По Александровскому Училищу.*

- 1.) На столъ, на вещи для сто-
ла и на поваренную по-
суду - - - 591. р. - 27. к. $\frac{1}{2}$
- 2.) На плащье, бѣлье и обувь,
такожъ на починку бѣлья 199. - 39. $\frac{1}{2}$
- 3.) На кровати, постели и бѣлье
для оныхъ - - - 47. - 82.
- 4.) На вещи для класовъ - 44. - 52.
- 5.) На баню дѣтямъ и на разда-
чу ими милосшыни - 16. - 12.
- 6.) На наемъ дома, на мышье

по-

половѣ, на разныя случающіяся по оному мѣлочу, также и на содержаніе одной лошади - - - - 203. - 44.

7.) На жалованье господамъ Надзирателю Училища и Учителямъ - - - - 559. - 16.

8.) На жалованье работникамъ и работницамъ - - - 137. - 65.

Итого на Александропское Училище 1799. Р. - 38. к.

3.) *На вѣдныхъ.*

1.) На жалованье одному глухому и нѣмому, также одному увѣчному - - - 35 Р. - 47 к. $\frac{3}{4}$

2.) На вспоможеніе премъ вдовамъ съ сиротами - - - 35. Р.

3.) Въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія по желанію Питомцовъ, согласившихся самопроизвольно цѣлой мѣсяцъ не завтракать и не ужинать, только чтобъ они могли участвовать во вспоможеніи бѣднымъ, посланныхъ при письмѣ (*) отъ нихъ - - - 50.

Итого на вѣдныхъ 120. р. - 47. к. $\frac{1}{4}$

Ч 2

4.) *По*

(*) ВЪ ПРИКАЗѢ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ. Отъ Питомцовъ Училища, основаннаго господами Издателями Утреннаго Слѣта.

Благодѣтели наши рассказывали намъ, что есть при-

4.) По Журналу.

- 1.) За наборъ VII, VIII и IX
 части - - - - - 232. р.
 2.) За писменіе - - - 870.
 3.) За разныя бумаги - - 491.-97.к.
 5.) За

Приказъ Общественнаго Призрѣнія, какъ онъ открытъ въ Санктпетербургѣ, и что нѣсколь-ко человекъ пожаловали очень много денегъ на вспоможеніе бѣднымъ. Продли Богъ ихъ вѣ-ку! Они говорили намъ, не хотимъ ли и мы что дасть? да мы сами бѣдные и безпокров-ные дѣти и только по милости другихъ получа-емъ пищу, все содержаніе, и обучаемся. Мы сказали имъ, что хотя бѣ и чистосердечно же-лали что нибудь дасть, да не чего; они велѣ-ли намъ подумать. Мы думали, и не нашли другаго, какъ отказаться цѣлой мѣсяцъ не завтракать и не ужинать, а что бѣ шѣ день-ги отдать бѣднымъ. Мы примѣшили, что ето имъ было весьма пріятно; ето насъ также очень обрадовало. Сии потчасъ дали намъ пятьдесятъ рублей съ шѣмъ, что бы башюш-ка и машушка съ 1 числа Іюня по 1 Іюля, не давали намъ завтракать и ужинать, и чтобъ ими данныя намъ пятьдесятъ рублей опослали въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Мы са-ми знаемъ, что столько денегъ ничего не зна-чатъ прошивъ тысячь, но думаемъ, что теперъ сіе будетъ отъ насъ принято такъ же, какъ Христосъ сидѣвши при сокровищницѣ, при-нялъ двѣ лепши отъ одной бѣдной, которая больше ничего не имѣла.

Питомцы Александровскаго Училища.

Сіе письмо послано 1780. года, Мая 31 дня.

- 4.) За наборъ I, II, III, части
вторымъ изданіемъ - - 255.-60.
- 5.) За писаніе - - - 852.
- 6.) За разныя бумаги - - 578.-16 $\frac{1}{2}$.
- 7.) За переплетъ всѣхъ мѣся-
цовъ - - - - 288.
- 8.) На разныя издержки при пере-
сылкѣ - - - - 170.-65.

Итого по журналу 3638. р. - 38. к. $\frac{1}{4}$

А всего на третій годъ пѣ рас-

ходъ - - - - 5786. р. - 20. к. $\frac{3}{4}$

За тѣмъ къ четвертому году ос-

тается - - - - 375. р. - 77. к. $\frac{3}{4}$

ОБЪЯВЛЕНІЕ

*О подпискѣ на Московское Изданіе,
служащее продолженіемъ Утрен-
няго Спѣта.*

Изъявляя достодолжную Почтеннымъ Чи-
таателямъ нашимъ благодарность, и по-
давъ извѣстіе о успѣхахъ Училищъ и по-
казавъ опчетъ въ приходѣ и расходѣ,
приступаемъ мы къ подпискѣ на *Мо-
сковское Изданіе*, служащее продолжені-
емъ *Утренняго Спѣта*, т. е. на четвер-
тый годъ трудовъ нашихъ. Благосклон-
ное отъ всѣхъ принятіе первыхъ трехъ
годовъ трудовъ нашихъ не токмо во
обѣихъ Столицахъ, но и во многихъ го-
родахъ пространная Россійскія Импе-
ріи,

ри, благоволеніе, изъявляемое при по-
сѣщеніи Училищъ разными Особами о ус-
пѣхѣ нашего предпріятія, самыя успѣ-
хи Питомцевъ въ обученіи, наипаче же
ревностное, человѣколюбивое и досто-
хвальное усердіе многихъ духовныхъ и
свѣтскихъ Особъ въ собираніи Любите-
лей *Утренняго Слѣта*, и споспѣшествова-
телей сему намѣренію, подають надеж-
ду, что наши труды и на сей четвер-
тый годъ не будутъ тщетны; по че-
му и приступаемъ къ оной.

Москопское Изданіе, или четвертый
годъ трудовъ нашихъ состоятъ будетъ
также изъ трехъ частей; каждая часть
изъ четырехъ мѣсяцовъ, а каждый мѣ-
сяцъ изъ 5 листовъ. Каждый мѣсяцъ
выходить будетъ въ свое время, кромѣ
первыхъ трехъ мѣсяцовъ, кои можно
получить вдругъ. Четвертый годъ
нашъ начнется съ Генваря мѣсяца, сіе
учинили мы по желанію нѣкоторыхъ изъ
нашихъ споспѣшествователей.

Что касается до предлагаемая въ ли-
стахъ нашихъ матеріи, то въ разсужденіи
избранія ея, учинили мы нѣкоторую отмѣ-
ну причины сему усмотрѣть можно какъ
изъ заключенія третіяго года, такъ и изъ
предисловія на *Москопское Изданіе*. Впро-
чемъ усугубимъ стараніе наше въ томъ,
дабы почтенные Читатели въ листахъ на-
шихъ находили всегда пріятное съ полез-
нымъ.

Цѣна и сему четвертому году остается прежняя, т. е. за весь годъ въ бумажномъ переплетѣ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ по 4 руб. въ другихъ же городахъ Россійскія Имперіи за весь годъ 4 руб. 50 коп. Усердствующимъ же дать болѣе, оставляется на ихъ волю, сколько пожелаетъ назначить ихъ Благотворительное сердце.

Подписываться можно на сіе Изданіе въ Санктпетербургѣ въ Типографіи Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса и въ Луговой Миліонной улицѣ, у Книгопродавца К. В. Миллера.

Въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ, что у Воскресенскихъ воротъ.

Въ другихъ же городахъ, не сомнѣваемся мы, что всѣ Благотворители и Споспѣшествователи нашего намѣренія и на сей годъ не опречутся челоуѣколюбивое свое стараніе употребить къ пользѣ бѣдныхъ; по чему желающія и могутъ къ тѣмъ Особамъ адресоваться.

Разсылка и на сей годъ будетъ производиться чрезъ Московской и Санктпетербургской Почты - ампы; по чему и можно во всякомъ городѣ адресоваться къ Г. Почтмейстерамъ, и заплатить имъ деньги.

Мы просимъ у всѣхъ почтенныхъ Читателей нашихъ извиненія въ томъ, что мы принуждены были опоздать изданіе-

даніемъ послѣдняго мѣсяца. Сіе учинили мы вопервыхъ для того, что хотѣли Журналъ нашъ издавать съ Генваря мѣсяца, а вовторыхъ не снесшись съ нѣкоторыми изъ нашихъ благотворителей, не осмѣливались мы продолжать сіе Изданіе, видя въ остаткѣ у себя столь малую сумму денегъ; будучи же ободрены и обнадежены новыми подкрѣпленіями, приступаемъ теперь къ изданію онаго чрезъ цѣлой годъ.

Остается теперь намъ еще просить всѣхъ Благотворителей и Споспѣшествователей принявшихъ на себя трудъ, въ минувшихъ годахъ собирать подписавшихся особъ для нашего Журнала, дабы они подкрѣпили наши труды и сего четвертаго года новою подпискою. Мы не сомнѣваемся нимало, что Благотворители заведенныхъ нами Училищъ подадутъ намъ и нынѣ руку помощи, какъ то и дѣйствительно многіе уже о томъ къ намъ опозвались.

Утренній Свѣтъ, въ 9 частяхъ состоящій, можно получить во всѣхъ вышешисанныхъ мѣстахъ по прежней цѣнѣ, а естли кто возметъ нѣсколько экземпляровъ вдругъ, таковымъ по разсмотренію сдѣлается уступка.

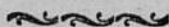
Конецъ IX Части.

ОСОБЫ ПОДПИСАВШИЯСЯ:

Въ Москвѣ.

- Его преподобіе Ѳеодосій Игуменъ Алексѣевскаго Углицкаго монастыря 2. экзем. съ начала.
- Высокоблагородіе Сергей Ивановичъ Власовъ 1. экзем.
- Благородіе Петръ Петровичъ Озеровъ 1. экзем. 5. руб.
- Высокоблагородіе Иванъ Демидовичъ Рогожинъ 1. экзем. 5. руб.
- — Илья Ипатьевичъ Мухановъ 1. экзем. 5. руб.
- Благородіе Василій Осиповичъ Анцовъ 1. экзем.
- Въ Воронежскую Семинарію 1. экзем.
- Его Высокоблагородіе Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменской 1. экзем.
- Сіяшельство, Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ 1. экзем.
- Превосходительство Петръ Сергеевичъ Свиньинъ 1. экзем. 6. руб.
- Благородіе Николай Еремѣевичъ Спруйской 1. экзем.
- Благородіе Иванъ Андреевичъ Барнашовъ 1. экзем.
- Сіяшельство Князь Александръ Николаевичъ Засѣкинъ 1. экзем 5. руб.
- Благородіе Алексѣй Андреевичъ Барнашевъ 1. экзем.

Г. Бунчуковъй поварищъ Василей Ивановичъ Чернышъ 1. екзем.

Его Сіятельство Князь Алексѣй Ивановичъ Гагаринъ 1. екзем.

Ея Высокородіе Марья Васильевна Кутузова 1. екзем. 5. руб.

Его Высокоблагородіе Александръ Федоровичъ Шапкинъ 1. екзем.

Въ Санктпетербургѣ.

Его Превосходительство Александръ Андреевичъ Беклѣшевъ 1. екзем. съ начала изданія 12. руб.

Санктпетербургской купецъ Иванъ Михайловичъ Кукушкинъ 1. екзем. 10. руб.

Его Благородіе Г. Шпаковской 1. екзем. 5. руб.

— Сіятельство Князь Николай Михайловичъ Голицынъ 1. екзем.

— — Князь Павелъ Дмитриевичъ Циціановъ 1. екзем. 5. руб.

— Преосвященство Иларіонъ Епископъ Переяславскій и Борисопольскій 2. екзем. впораго и претьяго года 20. руб.

— Сіятельство Графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій 1. екзем.

— Высокоблагородіе Алексѣй Михайловичъ Маршѣновъ 1. екзем. впораго и претьяго года 10. руб.

— Высокородіе Василій Николаевичъ Зиновьевъ 1. екзем. 10. руб.

- Его Высокоблагородіе Василей Ивановичъ
Турчаниновъ 1. экзем. 5. руб.
- Высокородіе Алексѣй Степановичъ Дья-
коновъ 1. экзем. 10. руб.
- Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ
Блумъ 1. экзем.
- Превосходительство Павелъ Матвѣ-
вичъ Олсуфьевъ 1. экзем.
- — Иванъ Осиповичъ Пуговишниковъ
1. экзем.
- — Михайло Ивановичъ Мордвиновъ
1. экзем.
- Высокоблагородіе Николай Дмитрие-
вичъ Волковъ 1. экзем.
- Благородіе Александръ Григорьевичъ
Демидовъ 2. экзем. 25. руб.

Въ Галичѣ.

- Его Высокоблагородіе Александръ Алек-
сѣевичъ Репьевъ 1. экзем. съ нача-
ла изданія 15. руб.
- — Густавъ Ѳедоровичъ Фонъ Ул-
рихъ 1. экзем. съ начала 15. руб.
- Благородіе Николай Петровичъ Без-
служевъ 1. экзем. съ начала 15. руб.
- — Николай Ивановичъ Чагинъ 1. экзем.
съ начала 15. руб.

Въ Тпери.

- Его Превосходительство Тимоѣей Ивано-
вичъ Туполминъ 1. экзем.
- Тверскаго городского Магистрата Раш-
манъ Г. Барсуковъ 1. экзем.

Въ Нопѣгородѣ.

Его Высокоблагородіе Машвѣй Петровичъ
Воейковъ 1. екзем.

— — Г. Нелидовъ 1. екзем.

Въ Курскѣ.

Его Высокопреподобіе Лавреншій Архи-
мандритъ Знаменскаго Монастыря
1. екзем.

Въ Почепѣ.

Его Высокоблагородіе Василій Ивановичъ
Губчичъ 1. екзем.

Бунчуковъ товарищъ Г. Рославецъ 2.
екзем.

Почепской Сотникъ Г. Балашевичъ 1. екзем.

— Мѣщанинъ г. Мурашкинъ 1. екзем.

— — Г. Крутинъ 1. екзем.

Въ Сѣпскѣ.

Фабрикантъ Иванъ Ивановичъ Тулиновъ
1. екзем.

Въ Полтавѣ.

Стараніемъ г. Бунчуковаго товарища
Петра Федоровича Паськевича,
подписались на 21. екзем.

Въ Нопѣгородкѣ Сѣперскомѣ.

Его Высокопреподобіе Евстафій Архиман-
дришъ, 1. екзем.

Въ крѣпости сп. Димитрія.

Его Превосходительство Семенъ Григорь-
евичъ Гурьевъ 1. екзем.

Въ Сибирскѣ.

Его Высокородіе Иванъ Ивановичъ Нагапкинъ 1. экзем.

Въ Саратовѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Екимовичъ Савельевъ 1. экзем.

Въ Володимирѣ.

Его Преосвященство Іеронимъ Епископъ Владимірскій и Муромскій 2. экзем.

Въ нижнемъ Нопѣгородѣ.

Стараніемъ Его Преосвященства Антонія Епископа Нижегородскаго собрано подписавшихся на 10. экзем.

Въ Коломнѣ.

Стараніемъ Его Благородія Николая Степановича Степанова собрано подписавшихся на 3. экзем.

Въ Таганрогѣ.

Г. Цолнеръ Григорій Ивановичъ Ковалинскій 2. экзем.

Въ Липенкѣ.

Его Сіятельство Князь Юрій Никитичъ Трубецкой 1. экзем.

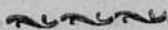
Въ Нопохоперскѣ.

Его Высокоблагородіе Сергѣй Ивановичъ Спраховъ 1. экзем.

Въ городѣ Архангельскомъ.

Стараніемъ Его Преосвященства Веніамина Епископа Архангелогородскаго

скаго собрано подписавшихся на 11
экзем.

Въ Вологдѣ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Александровичъ Засѣцкій 1 экзем.

Въ Тулѣ.

Спараніемъ Его Высокоблагородія Василья Александровича Неболсина, подписались слѣдующіе Особы:

Его Превосходительство Машвѣй Васильевичъ Муромцовъ 1. экзем. 5. руб.

— Высокоблагородіе Василій Александровичъ Неболсинъ 1. экзем. 10. руб.

— Сіятельство Князь Семенъ Сергѣевичъ Львовъ 1. экзем. 5. руб.

— Высокоблагородіе Федоръ Левонтьевичъ Глѣбовской 1. экзем.

— — Петръ Ивановичъ Запольской 1. экзем.

— — Благородіе Александръ Степановичъ Силиверстовъ 1. экзем. 5. руб.

— — Высокоблагородіе, Петръ Петровичъ Толбузинъ 1. экзем.

— — — Михайло Борисовичъ Загряжской 1. экзем. 5. руб.

— — — Александръ Ивановичъ Вельяминовъ 1. экзем.

— — Сіятельство Князь Андрей Сергѣевичъ Волконской 1. экзем. 5. руб.

Благо-

- Благородіе Павелъ Ивановичъ Тимченко 1. экзем.
- — Петръ Ивановичъ Юдинъ 1. экзем.
- — Степанъ Матвѣевичъ Васильевъ 1. экзем.
- Матрена Тимофеевна Госпожа Урбановская 1. экзем.
- Николай Павловичъ Г. Тимченко 1. экзем.
- Его благородіе Иванъ Ѳедоровичъ Бѣлоусовъ 1. экзем.
- Тульской купецъ и городского Магистрата Бургомиспръ Семенъ Абрамовичъ Г. Солодовниковъ 1. экзем.
- — Никита Гавриловичъ Межовниковъ 1. экзем.
- Его Благородіе Спиридонъ Акимовичъ Сидонской 1. экзем.
- — Сергѣй Самойловичъ Ламакинъ 1. экзем. 5. руб.
- Іерей Гавріилъ Ивановичъ Павловъ 1. экзем.
- Аврамъ Ѳедоровичъ Г. Баташевъ 1. экзем. 6. руб.
- Тульской купецъ Иванъ Васильевичъ Ливенцовъ 1. экзем. 5. руб.
- Его Высокоблагородіе Алексѣй Ѳедоровичъ Лодыженской 1. экзем. 5. руб.
- — Высокородіе Ларіонъ Григорьевичъ Украинцовъ 1. экзем. 5. руб.
- — Высокоблагородіе Захаръ Алексѣевичъ Хишрово 1. экзем. 5. руб.
- — Иванъ Васильевичъ Хомяковъ 1. экзем. 5. руб.

— — Семенъ Ивановичъ Игнатъевъ 1.
экзем. 10. руб.

Въ Смоленскѣ.

Стараніемъ Его Высокоблагородія Ва-
силья Савельевича Вакселя собрано
подписавшихся на 38. экзем.

Стараніемъ Его Преосвященства Парее-
нія Епископа Смоленскаго и Доро-
гобужскаго собрано подписавшихся
на 138. руб. 50. коп.

Листъ Ф-321

Q. u. 1386

7 1780r.

---

54 7. J.
(m/q)
май. абз.